ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ОБРАЗОВАНІЯ и ЛИТЕРАТУРЫ

ВЪ РОССІИ.

В. АНДРЕЕВА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПАНСІОНЪ СКОРНЯКОВА ВЪ МОСКВѢ.

АННУЛИРОВАНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Моритеровскаго, Троицкій переулокъ, домъ Гассе.
1872.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Очерки“, заключающіеся въ этой книгѣ, составлены значительною частью по обнародованнымъ въ послѣднее время матеріяламъ. Авторъ надѣется, что сжатость объема не повредила въ настоящемъ случаѣ обилію данныхъ.

Въ „Очеркахъ“ подъ заглавіемъ: „Литераторы и литература послѣдняго столѣтія“ не имѣлось въ виду оцѣнки литературной дѣятельности каждаго писателя, а напротивъ сгруппированы лишь такія данныя, которыя рисуютъ въ представителяхъ литературы общественныхъ и историческихъ дѣятелей и оцѣнка литературныхъ заслугъ допущена по большей части лишь въ тѣхъ случаяхъ когда одинъ писатель характеризуется другимъ, при чемъ иногда однимъ выраженіемъ достигается характеристика двухъ личностей. Такая программа должна была естественно отозваться сжатостью, стеоретипностью и даже, пожалуй, отчасти отрывочностью “Очерковъ“, но читатель едва-ли проигрываетъ отъ отсутствія многословія. Эти „очерки“ не представляютъ собою дополненія къ исторіи литературы. Они—дополненіе къ общественной, бытовой исторіи народа.

Они не имѣютъ въ виду отдѣльныхъ личностей какъ литераторовъ, а выводятъ литераторовъ какъ общественныхъ дѣятелей. Тутъ и тамъ цѣль очевидно не одна и та же.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ соч. «Знаніе, мысль и слово въ Россіи во времена имперіи: 1) Петръ I, 2) Академія Наукъ, 3) Ломоносовъ. . . 1
II. Литераторы и литература послѣдняго столѣтія. 45
III. Книжное дѣло въ эпоху имперіи. 105
IV. Училищный бытъ 113
Приложеніе. Пансіонъ Скорнякова въ Москвѣ (разсказъ—мечта) . . . . . 1—44

ЗНАНІЕ, МЫСЛЬ И СЛОВО ВЪ РОССІИ

ВО ВРЕМЕНА ИМПЕРІИ.

Петръ I.

Нравственный уровень Петра.

Судьба хотѣла чтобы на русскомъ престолѣ въ концѣ XVII ст. явился первый русскій типографъ, литераторъ и человѣкъ науки. Вслѣдствіе этого Россія сдѣлала довольно скорый скачокъ изъ азіатскаго невѣденья въ область европейскаго развитія.

Петръ I былъ впрочемъ на столько же типографъ, литераторъ и человѣкъ науки, на сколько морякъ, солдатъ и плотникъ: слѣдовательно очень немного. Успѣхи Россіи на поприщѣ европейскаго развитія были очень невелики въ первое время, но все-таки это было начало.

Между историками вошло въ обычай придавать Петру названіе Великаго. Но уже то, что этотъ титулъ поднесенъ былъ Петру еще при его жизни, заставляетъ относиться къ этому возвеличенію съ сомнѣніемъ. Вольтеръ, писавшій въ царствованіе дочери Петра за русскія деньги исторію Петра Великаго, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ тому, что изъ Петра созданъ кумиръ. Съ охотою готовы мы назвать великимъ человѣка, или государя, преисполненнаго истиннымъ желаніемъ оказать пользу своимъ ближнимъ, стремящагося единственно къ ихъ благу и достигающаго этой цѣли, хотя бы для того приходилось жертвовать своими личными пользами. Если такое служеніе на пользу ближнихъ не остается въ области однихъ пожеланій, а улучшаетъ бытъ милліоновъ людей—оно даетъ право на величіе, но едва ли люди этого разряда нуждаются въ прославленіи и возвеличеніи.

Титулъ великихъ выпадалъ больше на долю таланта, на счастливыхъ въ предпріятіяхъ честолюбцевъ. Въ характерѣ Петра, въ его образѣ мыслей и стремленіяхъ мы не находимъ ничего

симпатическаго, ничего способнаго возбудить удивленіе къ нравственному міру человѣка. Это тяжкій и порывистый нравомъ работникъ на престолѣ. Онъ дѣлаетъ свое дѣло съ рвеніемъ, съ усердіемъ, съ знаніемъ. Но не онъ задумалъ это дѣло. Оно было указано ему исторіею, обстоятельствами. Дѣло преобразованія Россіи и сближенія ея съ Европою было дѣло не новое. Оно было передано Петру его предшественниками. Только намѣренная несправедливость, или незнаніе исторіи могутъ приписывать Петру починъ дѣла, которое было сдѣлано не имъ. Дѣло сближенія Россіи съ Европою начинается при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Эпоха Матвѣева при Алексеѣ Михайловичѣ уже представляетъ рядъ заимствованій у Европы. Царствованіе Ѳедора Алексѣевича дѣлаетъ рѣшительный шагъ въ этомъ отношеніи. Петру оставалось только продолжать, и эта сильная мощная натура съ плеча взялась за свое дѣло. Работа закипѣла, сдѣлано было много, тѣмъ болѣе что и времени было много. Указная работа была сдѣлана, за что же возвеличивать работника и прославлять его когда онъ сдѣлалъ только свое дѣло? Каждый долженъ исполнять свой долгъ. И если исполняющій свой долгъ солдатъ, чиновникъ, учитель, не заслуживаютъ особеннаго отличія и одобренія, то и государь исполняющій только свой долгъ, продолжающій дѣло своихъ предковъ, едва ли долженъ быть возвеличиваемъ надъ другими. Починъ, заслуга не по долгу—вотъ одно что можетъ вызвать чрезвычайную награду общества и исторіи. Этого не было въ работѣ Петра. Въ системѣ реформъ онъ подражалъ своимъ предкамъ; въ характерѣ заимствованій ему оставалось только руководиться образцами бывшими предъ нимъ. Фридрихъ II назвалъ его геніемъ-подражателемъ. Это логическая ошибка: геніевъ-подражателей нѣтъ. Есть только творческіе геніи, а подражаніе, даже очень искусное, настойчивое и многоплодное, входитъ въ область дѣятельности простыхъ смертныхъ.

Но Петръ, говорятъ сторонники его славы, былъ геніальный человѣкъ.. Такъ и отдѣлите государя отъ человѣка. Какъ о человѣкѣ, о немъ можно вполнѣ согласиться съ его почитателями; но какъ о государѣ—нѣтъ! Наполеонъ I былъ безспорно геніальный человѣкъ, но какъ государь онъ никогда не удостоится отъ исторіи на-

званія великаго. Такъ и Петръ I какъ человѣкъ былъ одна изъ колосальныхъ натуръ во всѣхъ отношеніяхъ; какъ государь онъ былъ лишь счастливый исполнитель предначертаній, намѣченныхъ ему временемъ и обстоятельствами. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ Петромъ не какъ съ государемъ, а какъ съ человѣкомъ. Мы оставимъ въ сторонѣ Петра Великаго и набросаемъ характеристику русскаго труженника въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст.—Петра Михайлова. Прославлявшіе Петра какъ государя до того увлеклись его славою правителя, что не изучили его достаточно какъ человѣка. Между тѣмъ Петръ именно какъ человѣкъ заслуживаетъ подробнаго и обстоятельнаго изученія.

Люди полагающіе, что можно составлять себѣ понятіе объ историческомъ дѣятелѣ не ознакомясь съ нимъ какъ съ человѣкомъ—идеалисты, витающіе въ области схоластической рутины. Всего легче конечно, не вдаваясь въ физіологическую и нравственную оцѣнку личности, говорить о ея дѣлахъ, но только въ такомъ случаѣ ровно ничего не поймешь и попадешь въ область недоразумѣній, которыхъ и безъ того такъ много въ исторіи—лѣтописи, въ основѣ которой лежитъ вѣра, что духъ дѣйствуетъ самъ по себѣ, рѣшительно не подчиняясь вліянію тѣла.

Какъ ни сильны поклонники старой теоріи, что дѣйствія духа не касаются тѣла и что физіологическое изученіе историческаго дѣятеля дѣло лишнее—мы не пойдемъ за ними и оцѣнкѣ нравственной стороны человѣка предпошлемъ изслѣдованіе его физіологическихъ особенностей. Можетъ быть въ такомъ случаѣ кое-что прежде темное разъяснится и сдѣлается болѣе понятнымъ.

Петръ ѣлъ много; апетитъ его былъ до того постояненъ, что куда бы онъ ни пріѣзжалъ—его встрѣчалъ готовый накрытый столъ [1]). Но онъ ѣлъ больше мясо, рыбы желудокъ его вовсе не варилъ. Сладкаго Петръ терпѣть не могъ [2]). Уже однѣхъ этихъ чертъ довольно для объясненія многаго въ характерѣ и привычкахъ Петра. Физіологія намъ прямо говоритъ, что постоянная мясная пища въ большомъ количествѣ ведетъ къ непрерывной судо-

[1]) Берхгольцъ. II, 217.

[2]) Берхгольцъ. I. 116; III, 80.

рожной подвижности организма. Мускулы питаемые животною пищею требуютъ усиленной работы; они не могутъ оставаться неподвижными. Всѣ плотоядныя существа, такія, которыя питаются исключительно животною пищею, легки, быстры, подвижны; всѣ травоядныя неповоротливы, лѣнивы, медленны.

Сангвиническій Петръ долженъ былъ вести флегматическую Россію впередъ по пути дѣятельности. Самъ онъ не могъ ни минуты остаться безъ дѣла. Онъ хватался за топоръ плотника и въ такомъ случаѣ когда это могъ сдѣлать каждый рабочій. Положимъ, дѣло судостроенія было близко его сердцу, но что же заставляло его взять топоръ и отбивать раму въ душной свадебной залѣ [1])? Жажда дѣятельности, жажда чисто инстинктивная, физическая—вотъ гдѣ разгадка многаго—и переяславльскаго судостроенія, и саардамскихъ работъ, бомбардирской должности. Работать, дѣлать, чтобы ни работать и ни дѣлать,— вотъ къ чему стремился Петръ всю жизнь. Смѣшнымъ можетъ показаться приверженцамъ идеализма, что дѣло русскаго преобразованія выводится изъ куска мяса, но этотъ смѣхъ заставляетъ ихъ грѣшить противъ памяти Петра. Не будемъ восхвалять этого человѣка, но и не будемъ бросать на память его слишкомъ темную тѣнь въ иныхъ случаяхъ, не будемъ несправедливыми. Возьмемъ отдѣльные поступки Петра. Въ какомъ видѣ представляютъ они его? За то только что Меньшиковъ танцовалъ въ саблѣ, Петръ даетъ ему пощечину и притомъ такую, что кровь брызнула изъ щеки любимца [2]). Потомъ, въ другой разъ, онъ бросаетъ на полъ своего любимца Лефорта и топчетъ его ногами [3]). Головину, питавшему природное отвращеніе къ салату и уксусу, Петръ, обыкновенно бывая въ духѣ, вливалъ въ ротъ желе, до котораго адмиралъ былъ охотникъ. Но вдругъ Петру приходитъ фантазія набить ему ротъ салатомъ и уксусомъ. Шамберсъ держитъ голову адмирала, пока Петръ набиваетъ ему ротъ салатомъ съ уксусомъ, такъ что несчастная жертва закашлялась и у ня пошла кровь носомъ. Что это такое? Шутки? Но шуткамъ есть

---

1) Берхгольцъ. II, 171.
2) Корбъ, 102.
3) Корбъ, 105.

предѣлъ. О такихъ шуткахъ надобно хранить молчаніе, или сознаться, что человѣкъ, способный такъ шутить, есть какое-то ненормально нравственное созданіе. По счастью тотъ же Корбъ, который рисуетъ эти картины жестокостей и странностей, даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ ихъ. Петръ набилъ ротъ несчастному Головину тѣмъ, чего тотъ терпѣть не могъ, но затѣмъ тотчасъ же съ царемъ дѣлается болѣзненный ознобъ [1]). Такъ вотъ онъ источникъ этихъ странностей и жестокихъ поступковъ! Предъ нами человѣкъ съ періодическими припадками и когда эти припадки обнаруживаются, онъ дѣлаетъ то, о чемъ самъ пожалѣлъ бы въ другое время. И такъ своенравный властитель превращается въ періодическаго паціента, а чрезъ это измѣняется и самый взглядъ на человѣка и историческаго дѣятеля.

Оставьте въ сторонѣ физіологическую точку зрѣнія—и вы неправо осудите и обвините человѣка.

Но нельзя ли, скажутъ, просто объяснить рядъ приведенныхъ ненормальныхъ явленій дѣйствіемъ вина? Петръ сильно пилъ. Такъ, Петръ пилъ много и такъ сказать опаивалъ, пріучалъ пить возможно больше Россію. При дворѣ заставляли напиваться въ награду и въ наказаніе. Кубокъ большаго орла былъ пугаломъ мужчинъ. Дамъ поили тѣмъ же виномъ, запахъ котораго нельзя было отбить долгое время даже корицею и гвоздикою [2]). Гвардейцы на празднествахъ, таскавшіе чаны съ водкою, разившіе запахомъ на 100 шаговъ, и маіоры упрашивавшіе всѣхъ и каждаго пить за здоровье царя — были пугалами придворныхъ. Отъ нихъ бѣгали какъ отъ чумы. Но напрасно! Деньщики Петра Татищевъ и Девьеръ наблюдали чтобы не было непьющихъ. Несчастныхъ узнавали по отсутствію запаха изо рта и поили болѣе другихъ. Былъ случай что избѣжавшихъ попойки вытребовали въ сенатъ, чтобы перепоить до-пьяна въ наказаніе [3]). Эти попойки для иныхъ дамъ были столь ужасны въ самой перспективѣ, что при мысли объ одной изъ нихъ одна дама выкинула и послала выкидыша въ спир-

---

[1]) Корбъ, 107.

[2]) Берхгольцъ, I, 59—60.

[3]) Берхгольцъ, I, 212—213.

тѣ во дворецъ на утѣшеніе тѣмъ, кто довелъ ее до этого [1]). Чтобы представить Бахуса на маскарадѣ, человѣка поили три дня сряду не давая ему заснуть. Колегія кардиналовъ у князя-папы, состоявшая изъ 12 горькихъ пьяницъ, никогда не убывала въ числѣ, потому что на мѣсто выбывшихъ выбирались новые. При спускѣ кораблей и другихъ подобныхъ торжествахъ перепивались всѣ.

И такъ не вину ли надобно приписать странности и крутые порывы Петра въ иныхъ случаяхъ? Нѣтъ. Самое опаиваніе придворныхъ и высшаго русскаго общества представляетъ странную и замѣчательную черту въ характерѣ Петра. Онъ опаивалъ подданыхъ, но самъ хотя пилъ много—отсюда понятное отвращеніе его отъ всего сладкаго — однако не напивался, и это заставляло иныхъ предполагать, что царь хотѣлъ узнавать правду у своихъ подданыхъ на днѣ стакана. Онъ напримѣръ поитъ герцога Голштинскаго «до состоянія пьянаго нѣмца,» по его выраженію, перепаиваетъ всѣхъ приближенныхъ, а самъ въ ту же ночь въ 3 часа, какъ ни въ чемъ не бывало уѣзжаетъ въ Шлюссельбургъ.

И такъ вину, дѣйствію винныхъ паровъ, нельзя вовсе приписать крутыхъ и жестокихъ порывовъ въ поступкахъ Петра. Эта крѣпкая, желѣзная натура выдерживала то, чего не выносили другіе, и не поддавалась дѣйствію спиртныхъ паровъ.

Или можетъ быть разгадка въ нравахъ того времени? Вспомнимъ что это было за время. На придворной попойкѣ пьяный Апраксинъ плачетъ какъ ребенокъ, Меньшиковъ упалъ мертвецки-пьяный, Кантеміръ и Девьеръ готовы дойдти до схватки [2]). На другомъ празднествѣ Ромодановскій и Долгорукій вцѣпляются другъ другу въ волоса и дерутся кулаками; Ромодановскій какъ слабѣйшій долженъ былъ уступить и затѣмъ велитъ, какъ князь-кесарь, своимъ караульнымъ арестовать Долгорукаго. Долгорукій арестованъ и не хочетъ выходить изъ подъ ареста, пока не получитъ удовлетворенія у царя [3]). Подобныя драки между

---

[1]) Берхгольцъ, I, 212—213.

[2]) Берхгольцъ, I, 125—126.

[3]) Берхгольцъ, II 349.

боярами было обычное явленіе въ то время. Въ сенатѣ кричатъ на московскаго вице губернатора Ершова и сулятъ ему черево на кнутьяхъ выметать [1]). Шафировъ считаетъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ прибить своего подчиненнаго, члена иностранной колегіи Губина [2]).

Можетъ быть эти черты того времени дѣлаютъ то, что чудовищное и жестокое по нашимъ понятіямъ. было довольно естественнымъ явленіемъ тогда?

Среда, конечно, имѣетъ большое вліяніе на человѣка. Ромодановскій, обругавъ Апраксина, хочетъ ударить его палкой, но когда тотъ схватился за саблю, обнимаетъ его колѣни и проситъ прощенія [3]). Вотъ лучшая характеристика того времени: вотъ среда, въ которой приходилось Петру дѣйствовать. Храбрость гдѣ можно было остаться безнаказаннымъ, трусость предъ опасностью,—таковы всегда были главныя черты въ обществѣ, гдѣ вошло въ привычку настолько же гнуться предъ высшими, насколько возвышать голову предъ низшими. Живя и дѣйствуя въ такой сферѣ, Петръ кое-что заимствовалъ у нея и сообразовался съ нею. Такъ его шуты обѣщаютъ дать тому боярину пощечину, который не подставитъ добровольно бороду подъ ножницы [4]). Боярину, посовѣтовавшему оставить Шереметева управлять Москвою во время царскаго отсутствія, самъ Петръ даетъ пощечину [5]).

На подобныхъ поступкахъ безспорно отразился духъ времени. Даже деспотъ знаетъ, какъ и съ кѣмъ обходиться, гдѣ дозволить себѣ то или другое, и гдѣ нѣтъ. Крутой и неукротимый Петръ называетъ дураками польскаго и датскаго пословъ, спорившихъ о мѣстѣ; отталкиваетъ отъ себя кулакомъ Лефорта за несвоевременный совѣтъ; плюетъ въ лицо надоѣвшему ему болтов-

---

1) Соловьевъ XVI, 182.
2) Тамъ же, 191.
3) Корбъ, 133.
4) Корбъ, 31.
5) Корбъ, 159.

нею барону Бѣлау [1]); но тотъ же Петръ терпѣливо выносилъ горячій споръ съ Сиверсомъ [2]).

Печать вѣка ясно видна на многихъ поступкахъ Петра. Особенно рѣзко отпечатлѣлась она на его шуткахъ. Онъ велитъ вывѣсить на воротахъ дома своего повара оленьи рога,—жена повара по слухамъ вела разгульную жизнь. Онъ самъ схватываетъ голову этого повара и приставляетъ къ ней рога, за что получаетъ удары по пальцамъ [3]). По желанію царя, арлекинъ на сценѣ представляетъ этого повара и произноситъ его имя, за что поваръ сидящій тутъ же въ театрѣ осыпаетъ арлекина мукою. Все это тѣшитъ Петра. Забавно видѣть ему и князя-папу окунутаго по его приказанію въ пиво; хотя весь мокрый князь-папа бранится и упрекаетъ Петра, что у него нѣтъ ни крошки совѣсти [4]).

Но надобно умѣть отличать эти шутки, конечно, своеобразныя и странныя, отъ тѣхъ исключительныхъ выходокъ, которыя говорятъ уже не о дани грубому вѣку, а о какомъ-то прискорбномъ направленіи чувствъ и инстинктовъ.

Уже совсѣмъ не шуткою отзываются иныя дѣла Петра. Меньшиковъ, прежде чѣмъ возвысился и пріобрѣлъ дружбу Петра, былъ рабомъ, которому нелегко было нравиться своему повелителю. Ему дается разъ столько ударовъ по лицу, что несчастный падаетъ замертво [5]). Петръ цѣлуетъ трупъ ребенка въ Голландіи, показывая этимъ какъ хорошо тотъ сохранился. Но бояре его трясутся въ анатомическомъ театрѣ;—они не привыкли имѣть дѣла съ мертвыми тѣлами. Снисходитъ Петръ къ этой человѣческой слабости? Нѣтъ, онъ напротивъ дѣлаетъ изъ нея пытку, заставляетъ своихъ приближенныхъ зубами разрывать мускулы труповъ [6]). Именно потому что его окружающіе страшатся рѣзаныхъ труповъ, онъ заставляетъ ихъ присутствовать на анатомическихъ лекціяхъ въ Моск-

---

1) Корбъ, 92, 122. Берхгольцъ, I, 73.
2) Берхгольцъ, I, 148.
3) Берхгольцъ, I, 148.
4) Берхгольцъ, I, 176—177.
5) Корбъ, 173.
6) Пекарскій. Наука и литература, 9—10.

вѣ. Онъ самъ казнилъ 80 стрѣльцовъ, причемъ бояринъ Плещеевъ держитъ казнимыхъ за волосы, чтобы мечъ Петра вѣрнѣе наносилъ ударъ [1]). Всѣ приближенные царя обязаны принять участіе въ этой казни. Ромодановскій собственноручно казнилъ 4, Меньшиковъ 20 человѣкъ. Лефортъ и Блюмбергъ отказались принять участіе въ этой расправѣ, сославшись на то, что въ ихъ странахъ этого не дѣлается [2]). Имъ дозволено было не принимать участія, но русскіе подданные царя должны были слѣдовать его примѣру. Боярина, сказавшаго что онъ не умѣетъ взяться за топоръ для казни, царь назвалъ дуракомъ [3]). Послѣ казни Гагарина царь велитъ роднымъ казненнаго быть на придворномъ празднествѣ и тѣ не смѣютъ ослушаться [4]).

Эти черты, напоминающія Грознаго, были слѣдствіемъ тѣхъ періодическихъ припадковъ, которымъ Петръ былъ подверженъ. Сомнѣнія въ болѣзненности этихъ припадковъ не могло быть. Напримѣръ, въ спорѣ съ Шеиномъ за обѣдомъ Петръ разгорячился до того, что махалъ мечомъ направо и налѣво самъ не зная куда. Ромодановскій раненъ при этомъ въ палецъ, другой изъ окружающихъ въ голову, третій въ руку. Лефортъ, желая удержать царя, сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ, но получаетъ ударъ въ спину. Меньшиковъ на этотъ разъ успокоилъ царя [5]). Впослѣдствіи, Екатерина I подобнымъ же образомъ успокоиваетъ Петра при его припадкахъ, какъ объ этомъ подробно говоритъ Бассевичъ. Приближеніе къ себѣ Петромъ Меньшикова и Екатерины не было ли наградою за ихъ самоотверженіе, сознаніемъ что они необходимы Петру въ тѣ минуты, о которыхъ онъ послѣ могъ вспоминать только съ сожалѣніемъ.

Лихорадочный огонь, горѣвшій внутри Петра и не дававшій ему ни минуты провести въ бездѣйствіи, обнаруживался очень часто несомнѣнными патологическими симптомами. Шляпу Петръ не могъ

---

[1]) Корбъ 143.
[2]) Корбъ, 108.
[3]) Корбъ, 142.
[4]) Берхольцъ, I, 144.
[5]) Корбъ, 92—93.

носить, и на улицѣ за нимъ носилъ ее деньщикъ. Тотъ же внутренній жаръ заставилъ его тотчасъ обрить голову и надѣть парикъ во время персидскаго похода подъ зноемъ южнаго солнца. Нервная натура Петра при сильномъ волненіи, если его занимала особенно какая нибудь мысль, отзывалась подергиваніемъ плечъ и сотрясеніемъ головы.

Нервная природа, на которую, какъ говорили, произвелъ дѣйствіе ядъ, данный въ дѣтствѣ и отзывавшійся послѣ въ теченіе всей жизни; внутренній огонь, поддерживавшійся ненормально сильнымъ потребленіемъ животной пищи,—объясняютъ многое въ жизни и характерѣ Петра, что̀ иначе истолковано было бы несправедливо, или осталось бы загадкою. По нѣкоторымъ поступкамъ Петръ человѣкъ жестокосердый. Если бы онъ былъ постоянно такимъ, съ нимъ невозможно было бы жить и имѣть дѣло. Быть его царедворцемъ значило бы нести тяжелый крестъ. Лѣтописецъ, путешественникъ-иностранецъ, заноситъ въ свой журналъ рядъ странностей и жестокихъ поступковъ Петра безъ объясненій. Оставьте ихъ безъ объясненія при изученіи личности и характера Петра и вы получите о немъ самое несправедливое понятіе. Сгруппируйте однѣ мрачныя краски, выйдетъ эфектное цѣлое, но вмѣстѣ и историческая несправедливость. Очертите характеръ человѣка по припадкамъ періодической болѣзни и вы рискуете выдать паціента за историческаго дѣятеля, припадокъ за правительственную систему.

Судорожная нервичность Петра, заставлявшая его иногда впадать въ какое-то забвеніе, объясняетъ и нѣкоторыя другія стороны его характера. Казалось бы такой натурѣ, какъ Петра, было недоступно чувство робости. Человѣкъ хладнокровно глядѣвшій на мученія Глѣбова, собственноручно казнившій десятки стрѣльцовъ, иногда какъ бы съ наслажденіемъ смотрѣвшій на кровь, казалось бы не могъ при видѣ опасности теряться и лишаться бодрости и присутствія духа. Не Петръ ли съ его колосальнымъ ростомъ и гигантскою силою, съ его наклонностью къ военнымъ упражненіямъ, всего болѣе годился въ герои по принятому для нихъ масштабу? И что же—этотъ герой теряется когда ему приходится имѣть дѣло съ Карломъ XII подъ Нарвою. Онъ ѣдетъ отъ арміи, выста-

вленной противъ шведовъ, почти наканунѣ сраженія [1]). Брошенная армія не знаетъ кому повиноваться. Не сдѣлано почти никакого распоряженія относительно командованія арміею. Петръ уѣхалъ такъ неожиданно. Можетъ быть и герцогу де-Кроа армія не отказалась бы повиноваться, если бы ему сдано было начальство должнымъ порядкомъ. Но никто не ожидалъ отъѣзда Петра. Пораженіе было только естественнымъ слѣдствіемъ хаоса и безпорядка, воцарившихся въ арміи вслѣдъ за исчезновеніемъ царя превдодителя. Что заставило Петра оставить армію въ критическую минуту? Дѣлаютъ догадку, что Петромъ руководило въ этомъ случаѣ желаніе привести подкрѣпленіе изъ Новгорода [2]). Эта догадка высказывается съ сомнѣніемъ и слаба сама по себѣ. Русская армія безъ того была значительно сильнѣе шведской, подкрѣпленіе пришло бы само собою и Карлъ XII такъ быстро наступалъ, что нельзя было думать во время привести новыя подкрѣпленія, а безъ царя-полководца армія какъ бы сильна ни была несомнѣнно должна была потерпѣть пораженіе.

Неожиданное исчезновеніе Петра должно было непремѣнно произвести панику между солдатами и переполохъ между офицерами и генералами. Такъ и случилось. Армія была разбита. Она была разбита благодаря тому, что въ критическую минуту Петръ потерялъ присутствіе духа и уклонился отъ личной встрѣчи съ войсками Карла XII. Подъ Полтавой тѣ же колебанія, хотя явныя выгоды русскихъ надъ врагами уже не могли вызвать прежней потери духа при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Тѣмъ не менѣе Петръ вступаетъ въ битву съ Карломъ только когда у шведовъ почти вовсе не было пороха и вся артиллерія ихъ за исключеніемъ четырехъ пушекъ была въ обозѣ, потому что не имѣя пороха ее не зачѣмъ было выставлять противъ непріятеля [3]). Побѣда несомнѣнно должна была остаться на сторонѣ русскихъ, но и тутъ Петръ оборонилъ русскую армію редутами и предоставилъ шведамъ дѣйствовать наступательно. Можетъ быть это была спасительная так-

---

[1]) Бутурлинъ. Воен. исторія. походовъ Рос. I, 42—43.

[2]) Тамъ же.

[3]) Бутурлинъ, II, 338—339.

тика со стороны того, кого Суворовъ и Румянцевъ рѣшились серьезно назвать первымъ полководцемъ своего вѣка [1]), но она никакъ не обличала смѣлости и энергіи въ человѣкѣ въ тотъ моментъ, когда шведы сами заранѣе предчувствовали свое пораженіе.

Наконецъ третій моментъ жизни Петра—прутскій походъ рисуетъ намъ еще ярче безпомощность этой нервной натуры въ минуту опасности. Окруженный турками, Петръ совсѣмъ потерялъ голову. Уже онъ готовъ былъ сдѣлать громадные уступки туркамъ и шведамъ—уступить не только Лифляндію, но даже Псковъ и во всемъ положиться на волю султана [2]). Отъ подписанія мира на этихъ условіяхъ спасла его женская услуга и находчивость: Екатерина вступила въ сдѣлку съ великимъ визиремъ.

Такова была нервная, впечатлительная подвижная натура Петра. Онъ могъ казнить собственноручно десятки людей и горько плакалъ надъ гробомъ любимой сестры [3]). Огонь горѣвшій въ немъ заставлялъ его совершать самые несообразные, самые жестокіе поступки и вмѣстѣ онъ былъ источникомъ его непрерывной физической и умственной дѣятельности. Зло и добро, какъ это ни странно, исходили изъ одного и того же источника. Вопросъ въ томъ, что перевѣшивало — добро или зло? Вглядываясь въ эту личность внимательно, изучая ее безпристрастно, нельзя не сказать, что зло являлось изрѣдка, болѣзненными порывами, но добро принесло болѣе обильный плодъ.

Устраняя временные болѣзненные припадки, мы не можемъ не видѣть въ Петрѣ, какъ въ человѣкѣ, замѣчательной, энергической личности, обладавшей большимъ и свѣтлымъ умомъ. Этотъ человѣкъ могъ быть реформаторомъ и даже сдѣлать очень много для человѣчества, если бы онъ получилъ болѣе обширное и болѣе гуманное образованіе. Къ сожалѣнію образованіе его началось поздно и было плохо. Только въ взрослыхъ лѣтахъ принимается онъ серьезно за ученіе, но дѣла правленія и обстоятельства остав-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Словарь, III. 390.

[2]) Соловьевъ, XVI. 91.

[3]) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. т. 37, II, 25.

ляютъ ему на это мало досуга. Онъ хватается за все, во всемъ дѣлаетъ кое-что и ни въ чемъ не успѣваетъ освоиться вполнѣ. Самостоятельнымъ дѣятелемъ, человѣкомъ почина, можно явиться только вполнѣ овладѣвъ извѣстнымъ предметомъ. Иначе остается лишь смотрѣть что дѣлаютъ другіе. Петръ дѣлалъ только что дѣлали другіе, бралъ примѣръ со своихъ предковъ и съ западныхъ сосѣдей. Вся мощь и вся энергія его были употреблены на то чтобы вѣрнѣе скопировать модели, служившія ему образцомъ. Онъ перекраивалъ государственный механизмъ совершенно точно также какъ строилъ корабль по имѣвшемуся на лицо образцу и работалъ за токарнымъ станкомъ съ модели.

Впрочемъ мы далеки отъ того, чтобы отрицать, что свѣтлый и ясный умъ Петра не принесъ самостоятельной пользы въ странѣ, гдѣ онъ властвовалъ. Ясный умъ даже безъ образованія проясняетъ тьму тамъ гдѣ можетъ оказать вліяніе. Приверженность къ простотѣ во всемъ, къ труду, вражда къ обрядамъ и церемоніямъ, затронули совершенно новую струну въ средѣ русскаго народа и дали ему толчекъ впередъ.

Но опять мы отдѣляемъ человѣка отъ государя. Какъ первый человѣкъ русской земли, съ котораго хотя нехотя должны были брать примѣры другіе, Петръ принесъ обществу большую пользу. Но государь въ немъ нерѣдко долженъ былъ бороться съ человѣкомъ; самодержецъ долженъ былъ протестовать противъ частнаго дѣятеля; русскій монархъ нерѣдко долженъ былъ исправлять то, что дѣлалъ порывами Петръ Михайловъ.

Одно это можетъ служить доказательствомъ какъ опасно иногда смѣшивать человѣка съ государемъ и приписывать дѣло одного другому.

Какихъ идей Петръ былъ въ дѣлѣ религіи сказать опредѣлительно нельзя. Извѣстный вопросъ его Стефану Яворскому о томъ: какое различіе между чудотворною иконою и нечудотворною [1])? можетъ быть истолкованъ различно. Представленія съ княземъ папою, причемъ его всешутѣйшество облекался во всѣ папскія регаліи

---

1) Филаретъ. Ист. русск. церкви, IV, 132.

и былъ окруженъ своею колегіею кардиналовъ, также не что иное, какъ игра юмора нетерпѣвшаго церемоній. Правда иностранцы говорятъ, что въ началѣ эти представленія имѣли въ виду осмѣяніе патріарха и русскихъ церемоній [1]); что будто Петръ самъ при этомъ рядился діакономъ. Извѣстно, что у Петра были также князь, игуменьи Голицына и архіигуменьи Ржевская и Стрѣшнева [2]). Но если Петръ первоначально и возставалъ противъ патріарха, монаховъ же и монахинь положительно не терпѣлъ никогда, то отъ этого было еще далеко до осмѣянія церковныхъ обрядовъ своей страны. Самое названіе князя-папы говоритъ о шуткѣ надъ западною обрядностью, но иностранецъ и католикъ Корбъ конечно скорѣе хотѣлъ отнести шуточныя церемоніи на счетъ православія. Указываютъ на то, что жезлъ Бахуса былъ—два чубука положенные крестъ на крестъ; что Петръ какъ и его приближенные весь постъ ѣли мясо. Но чубуки сложенные крестъ на крестъ ничего еще не говорятъ, такъ складывается многое безъ всякихъ кощунскихъ тенденцій, а ѣсть мясо себѣ въ постное время и своимъ солдатамъ въ походѣ, Петръ испросилъ дозволеніе у костантинопольскаго патріарха.

Вовсе не отвергая, что Петръ какъ человѣкъ могъ имѣть философскій взглядъ на предметы религіи, мы хотѣли сказать, что монархъ постоянно сдерживалъ въ немъ человѣка. Самодержавіе зиждется на силѣ религіи, и Петръ зналъ это очень хорошо. Онъ не прочь былъ содѣйствовать ослабленію суевѣрій. Архіереи при посвященіи обязывались смотрѣть, чтобы „святыхъ иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли, отчего противнымъ способомъ дѣется поношеніе на православныхъ“ [3]).

Уставъ духовной колегіи, читанный и исправленный Петромъ, гласилъ, что было много акаѳистовъ составлено вновь въ Малороссіи и ихъ надобно разсмотрѣть все ли исправно. Тамъ же говорится, что преданіе—будто умершіе въ Кіевопечерскомъ монастырѣ—даже безъ покаянія, спасутся—одно изъ вреднѣйшихъ. Далѣе

---

[1]) Корбъ, 126.

[2]) Хмыровъ. Головкина, 78.

[3]) П. С. 3. 3718.

уставъ указываетъ, что по слухамъ въ Малороссіи въ стародубскомъ полку водятъ „простоволосую жонку,“ называя ее пятницею, даже въ церковномъ ходѣ народъ отдаетъ ей при церкви почести и дары; что попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ и вѣтви его раздаютъ на благословеніе. Указывая на то, что подложныхъ мощей св. первомучениковъ много, также гвоздей креста Господня и много млека пресвятой Богородицы „по Италіи,“ уставъ предписывалъ „смотрѣть нѣтъ ли и у насъ такого бездѣлія“ [1]). „Нѣцыи архіереи предписывали искать чудотворныя иконы—еще дѣется ли?“ спрашиваетъ уставъ.

Въ устраненіи суевѣрій Петръ слѣдовалъ примѣру брата своего Ѳедора Алексѣевича, велѣвшаго собрать значительную часть московской святыни, запечатать и хранить въ Успенскомъ соборѣ, и снести мелкія часовни, которыми были уставлены улицы [2]). Запрещая заводить домовыя церкви Петръ устами своихъ высшихъ духовныхъ говорилъ, что такія церкви устраиваются только „отъ единая спѣси“ и что большимъ господамъ можно не забывать, что „о Христѣ де Іисусѣ нѣсть рабъ, но свободь и не стыдишься смѣшиваться съ своими крестьянами, какъ съ братьями въ обществѣ христіанствѣмъ“ [3]).

Но ни Ѳедоръ Алексѣевичъ, ни Петръ не шли противъ церкви и ея догматовъ. Они ратовали противъ обычая и суевѣрій, но стояли защитниками церкви.

Духовенство въ Успенскомъ соборѣ показало герцогу Голштинскому и другимъ бывшимъ съ нимъ иностранцамъ, патріаршую ризу вѣсившую, благодаря украшавшему ее золоту, серебру и драгоцѣннымъ камнямъ 5 пудовъ, такъ и гвоздь съ креста Христова, заржавленный съ конца какъ бы отъ крови. Часть ризы Господней не могла быть показана лишь потому, что хранилась въ золотомъ ларцѣ запечатанномъ царскою печатью. Прежде, замѣчаетъ Берхгольцъ [4]), духовенство чтобы взять одну изъ подоб-

---

[1]) П. С. З., 3718.

[2]) Акта ист. V, 115, 118.

[3]) П. С. З. VII, 337.

[4]) Записки камеръ-юнкера, II, 145.

ныхъ святынь обертывало руки шелковою матеріею, теперь иностранцы держали тѣ же святыни просто въ рукахъ. Но если изъ этого могли выводить, что также потерпятся нарушенія по требованію религіи, то въ этомъ жестоко ошибались. Палка Петра прогулялась по спинѣ деньщика его, Татищева, за кощунство. Молодой графъ Головкинъ отвѣтивъ въ церкви, при вѣнчаніи, за себя и за свою невѣсту на вопросъ священника: добровольно ли они вѣнчаются? вызвалъ громкій смѣхъ присутствующихъ [1]), но вообще за разговоры и неблагочинное стояніе въ церкви указъ Петра предписывалъ брать рубль штрафа [2]). Нѣкоторые изъ русской знати хотѣли пошалить; они напоили своего хозяина, кн. Хованскаго, въ его подмосковной, до безчувствія и положивъ въ настоящій гробъ, отнесли въ церковь, гдѣ совершили надъ нимъ всѣ погребальные обряды самымъ оскорбительнымъ для религіи образомъ. Петръ велѣлъ жестоко наказать ихъ за это въ своемъ присутствіи [3]). Одинъ богоборецъ вышибъ палкою икону изъ рукъ епископа въ церкви. Петръ не разъ ходилъ къ нему въ темницу увѣщевать, чтобы тотъ сознался въ своемъ заблужденіи, тотъ не сознавался и продолжалъ возставать на то, въ чемъ онъ видѣлъ одно идолопоклонство. Онъ былъ казненъ самымъ жестокимъ образомъ. Прикрѣпивъ его проволоками и цѣпью къ столбу, окутали руку его съ палкою въ осмоленную холстину и зажгли ее. Минутъ семь, восемь казнимый переносилъ муки съ терпѣніемъ, и отвернулся только тогда, когда дымъ сталъ ѣсть ему глаза и на немъ загорѣлись волосы. Затѣмъ былъ подожженъ подъ нимъ костеръ [4]).

Мы не станемъ вникать въ сущность личныхъ убѣжденій Петра какъ человѣка. Онъ могъ цѣловать руку у высшихъ духовныхъ лицъ [5]), какъ цѣловалъ руку у князя папы [6]), какъ цѣловалъ

---

[1]) Берхгольцъ, II, 177.
[2]) П. С. З., 3250.
[3]) Берхгольцъ, II, 245.
[4]) Берхгольцъ, II, 283.
[5]) Берхгольцъ, II, 263.
[6]) Берхгольцъ, III, 77.

послѣдняго поваренка, христосуясь въ свѣтлый праздникъ. Однако ясно: — человѣкъ нерѣдко могъ идти въ разрѣзъ съ государемъ и это одно уже обязываетъ отдѣлить въ немъ человѣка отъ государя. Какъ государь, Петръ шелъ за вѣкомъ и работалъ по образцамъ. Какъ человѣкъ, онъ представляетъ замѣчательную, самостоятельную личность, рѣзко выдающуюся изъ окружавшей среды.

„Я солдатъ и въ богословію не мѣшаюсь," отвѣчалъ Петръ, когда французскіе піитисты старались склонить его въ пользу соединенія церквей и католичества. Но въ сущности это было только средство отпарировать назойливость. Петръ былъ столько же солдатомъ какъ многимъ другимъ. Стихи Михаила, валдайскаго пастушка о Петрѣ въ 1718 г.:

И не токмо въ кавалеріи воюетъ,
Но и въ инфантеріи храбро маршируетъ,
Что видя кто тя, о монарше, не похвалитъ
И бодрость инфантерску зря кто не прославитъ?

отзываются больше иронією чѣмъ лестью. Петръ не рожденъ былъ быть солдатомъ. Правда иногда онъ обнаруживалъ какъ бы каменное равнодушіе и присутствіе духа. Такъ едва ли многіе на его мѣстѣ хладнокровно вынесли бы сцену прощанія съ трупомъ Алексѣя Петровича. А между тѣмъ во время торжественнаго и печальнаго пѣнія словъ гимна: „зряща мя безгласна," Петръ напечатлѣлъ поцѣлуй на лицѣ покойника также хладнокровно и безучастно какъ другіе. Казнь царевича, Глѣбова, Монса, присутствіе при мукахъ въ преображенскомъ приказѣ, гдѣ по преданію берегла заключенныхъ у Ромодановскаго медвѣдица — все это какъ бы говорило о закоренѣлости нрава, о черствой, неподатливой страху, натурѣ. И однакожъ мы видѣли, что иногда Петръ вдругъ падалъ духомъ и не могъ владѣть собою. Временная закоренѣлость смѣнялась чувствомъ страха. Словомъ, эта закорѣнелость какъ и припадки трусости были явленіемъ вовсе ненормальнымъ. Это были болѣзненные припадки натуры. Такой человѣкъ не былъ рожденъ солдатомъ, хотя онъ и былъ постоянно въ военномъ мундирѣ, ѣлъ солдатскій паекъ, чтобы узнать можно ли на немъ жить, и т. д.

Изучая личность Петра мы должны признаться, что если бы обстоятельства болѣе благопріятствовали и Петръ не былъ рожденъ для трона, то изъ него вышелъ бы замѣчательный естествовѣдъ, человѣкъ науки. Петръ въ высшей степени любознателенъ отъ природы, но любознательность его въ особенности обращена на предметы естествовѣденія. Россія не даромъ земледѣльческая страна—вопросы естествознанія столь близкіе, столь необходимые спутники сельскохозяйственныхъ занятій, занимали всегда болѣе всего ея научныхъ дѣятелей по призванію, изъ народа. Таковъ былъ Петръ I, какъ одинъ изъ русскихъ людей; таковъ былъ Ломоносовъ. Много другихъ занятій и вопросовъ могли занимать русскаго народнаго дѣятеля науки, но почему-то сердце его всегда лежало больше къ реальному знанію, и торговая, классическая западная Европа никогда своимъ деспотизмомъ въ области русской науки не могла потушить въ людяхъ земледѣльческой, реальной Россіи, наклонности къ народной русской наукѣ—естествовѣденію.

Ученіе Петра началось при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Отца его, Алексѣя Михайловича, не было въ живыхъ. Алексѣй Михайловичъ во вторую половину своего царствованія наскучивъ соколиною охотою и отставъ нѣсколько отъ богомольческихъ странствованій, наклонность, въ которой такъ удобно было эксплоатировать монахамъ и ханжамъ—сталъ на своей фермѣ, въ селѣ Измайловѣ, заниматься сельскимъ хозяйствомъ и, какъ естественно, это занятіе привело его къ вопросамъ науки. Во дворцѣ дѣлаются физическіе опыты. Натуральная магія—это страшилище аскетическаго греческаго востока—проникла во дворецъ. Подъ присмотромъ отца, Петръ вѣроятно ранѣе былъ бы наставленъ въ томъ, что долженъ былъ изучать послѣ лишь въ зрѣлыхъ лѣтахъ и больше самоучкою. Но обученіе Петра началось въ правленіе брата, человѣка больнаго и который при всемъ расположеніи къ чтенію и научнымъ занятіямъ не въ силахъ былъ руководить образованіемъ младшаго брата.

Что могъ пріобрѣсти Петръ отъ Зотова, который счелъ первымъ долгомъ отдать три земные поклона своему ученику предъ

началомъ ученія [1]). Дьякъ могъ излить свои вѣрноподданническія чувства какимъ нибудь другимъ образомъ, но кланяться въ ноги ученику по меньшей мѣрѣ вредный и непедагогическій пріемъ. Ученикъ и воспитанникъ можетъ только тогда что нибудь съ пользою пріобрѣсти отъ наставника и воспитателя, когда видитъ въ немъ старшаго друга и умѣетъ уважать его. Положеніе въ свѣтѣ и ранги тутъ совершенно должны быть устранены. Конечно, это первое условіе успѣха въ дѣлѣ обученія и воспитанія очень часто не исполнялось со стороны сильныхъ міра, но тѣмъ было хуже для нихъ, хуже для тѣхъ, кто воспитывался и обучался у наставниковъ-рабовъ. Живая, впечатлительная, умная натура Петра требовала въ наставникѣ не старомоднаго дьяка, трясшагося со страха въ царской передней при мысли о предстоявшемъ ему представленіи царю и его брату-ученику. Нуженъ былъ человѣкъ, который бы въ состояніи былъ овладѣть этимъ энергическимъ вниманіемъ и этимъ быстрымъ умомъ порученными его опытности, чтобы вести ихъ къ цѣли. Зотовъ не могъ вести Петра къ должной цѣли.

Въ рукахъ разслабленнаго и сильная натура начинаетъ слабѣть. Петръ въ 16 лѣтъ дѣлаетъ массу ошибокъ въ первыхъ правилахъ ариѳметики. По французски онъ впослѣдствіи въ теченіе жизни совсѣмъ не знаетъ. Меморіалъ герцога голштинскаго ему нужно перевести съ нѣмецкаго. Онъ хочетъ ѣхать на диспутъ въ славяно-греко-латинскую академію, но узнаетъ, что диспутъ предположено вести по латыни и не ѣдетъ: онъ по латыни вовсе не знаетъ, а чего мы не знаемъ, тѣмъ обыкновенно пренебрегаемъ. Петръ говорилъ правда по голландски, но это былъ своеобразный, его собственный, голландскій языкъ [2]).

Придя въ возрастъ Петръ увидѣлъ, что онъ знаетъ мало. Посредственность остановилась бы на этомъ и даже можетъ быть въ отмщеніе судьбѣ разразилась бы гоненіями на науку. Петръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не увидать, что надобно поправить прошлое, чтобы не понять, что учиться никогда не поздно. И онъ

---

[1]) Забѣлинъ. От. Зап. 1857, стр. 93.

[2]) Берхгольцъ, IV, 33.

начинаетъ учиться. Двадцатишестилѣтній ученикъ терпѣливо сидѣвшій за гравированіемъ картины, послѣ исправленной учителемъ [1]), спустя три года послѣ того получаетъ наставленіе отъ Рюйша изъ Голландіи, какъ кормить червей, прокалывать бабочекъ и проч. [2]). Петръ собираетъ экземпляры ящерицъ и червей, и посылаетъ ихъ къ Витзену и Рюйшу. Онъ собираетъ гербарій, замѣчая когда и гдѣ было сорвано имъ каждое растеніе. Замѣтимъ, что эти занятія наукою совпадаютъ съ тревожными годами азовскихъ походовъ, стрѣлецкихъ бунтовъ, начала борьбы съ Карломъ XII.

Панегиристы Петра, прославляя его какъ плотника и полководца, совершенно забываютъ другую отрасль дѣятельности, гдѣ свѣжая, могучая натура Петра вполнѣ проявилась во всемъ блескѣ. Если бы на эти занятія наукою была мода въ Россіи того времени, если бы Петръ дѣлалъ лишь тоже, что дѣлали другіе, и тутъ надобно было имѣть много любознательности и влеченія къ знанію, чтобы при безчисленныхъ занятіяхъ дѣлами правленія и реформы удѣлять время на собираніе растеній и прокалываніе бабочекъ. Но окружавшая Петра Россія смотрѣла подозрительно или съ насмѣшкою на эти занятія своего царя. Уже то, что въ царѣ являлся человѣкъ было дико для русскихъ людей того времени; но въ царѣ—человѣкъ науки!—Это было уже что-то слишкомъ отуманивающее для страны, гдѣ о наукѣ знали только по наслышкѣ.

Человѣкъ въ тридцать лѣтъ интересовавшійся вопросами науки конечно не могъ не заниматься ими и послѣ. Вся жизнь Петра была собираніемъ колекцій; все сколько нибудь интереснаго въ области естествознанія изслѣдовалось имъ, и если можно пріобрѣталось. Кунсткамера въ Петербургѣ явилась исключительно благодаря ему. Изданъ былъ указъ собирать туда изъ всей Россіи монстровъ и вообще курьезныя явленія природы. Такъ въ кунсткамерѣ были: барашекъ о восьми ногахъ; другой барашекъ съ тремя глазами,

---

[1]) Пекарскій, I, 9.
[2]) Пекарскій, I, 9—10.

двумя туловищами и шестью ногами; младенецъ съ глазами подъ ногами и ушами подъ шеею; младенецъ съ рыбьими хвостами, родившійся въ Москвѣ на Тверской; двѣ собачки рожденныя дѣвицею 60 лѣтъ [1]). Тамъ же былъ безполый человѣкъ, уроженецъ Сибири; свинья съ человѣческимъ лицомъ оросшемъ щетиною, привезенная верстъ за сто изъ-за Москвы; нѣсколько мальчиковъ съ руками похожими на клещи рака и проч. [2]).

Собирая рѣдкости въ общественную колекцію, Петръ имѣлъ и свою собственную. Его интересуетъ во Франціи великанъ Буржуа, и конечно интересуетъ не съ той точки зрѣнія, съ какой интересовали рослые люди современника его короля прусскаго, просившаго у Петра для своей гвардіи 200 самыхъ рослыхъ русскихъ мужиковъ, которыхъ и велѣно было губернаторамъ набрать по присланной королемъ мѣркѣ [3]). Въ Буржуа съ его огромнымъ ростомъ (3 аршина, 3 вершка) Петръ видѣлъ замѣчательное физическое явленіе. Небольшая ростомъ мать этого великана представляла чрезмѣрное развитіе верхнихъ частей тѣла и имѣла четыре грудные сосца. Буржуа такъ интересовалъ Петра, что когда великанъ умеръ, велѣно было приготовить изъ него манкенъ, и скорнякъ Эншау получилъ за это сто рублей, съ тѣмъ чтобы вставилъ забытые имъ ногти.

Проѣздомъ по Германіи, Петръ видитъ двухъ братьевъ дровосѣковъ. Братья близнецы такъ походили другъ на друга, что ихъ можно было различить только по платью. Эти братья очень интересуютъ Петра и онъ беретъ ихъ съ собою въ Россію [4]).

Въ собраніи рѣдкостей у Петра было и нѣсколько людей совершенно безъ волосъ на всемъ тѣлѣ, и ежъ въ 11 дюймовъ длины съ бѣлыми и черными въ перемежку иглами. Петра очень интересовала лошадь гермафродитъ, бывшая у Головкина [5]). Словомъ, гдѣ бы и чтобы ни увидалъ Петръ изъ рѣдкихъ явленій природы,

---

1) Пекарскій, I, 57.
2) Берхольцъ, I, 155—158.
3) П С. 3. 3050.
4) Архивъ кн. Воронцова. Письмо Древника къ Елизав. Пет.
5) Берхгольцъ, I, 189.

онъ непремѣнно вглядывается въ находку, изучаетъ ее и если можно пріобрѣтаетъ. Любовь къ медицинѣ шла у Петра рука объ руку съ естественно-историческими занятіями. Онъ считалъ себя въ послѣдствіи хорошимъ операторомъ. При немъ всегда былъ ящикъ какъ съ математическими, такъ и съ хирургическими инструментами, и онъ былъ очень доволенъ, если ему приходилось сдѣлать операцію. Его любовь къ медицинѣ и желаніе являться медикомъ и хирургомъ имѣло, конечно, дурную сторону. Можно заниматься медициной и даже лучше было бы, если бы медицинскія познанія были доступны всякому, но производить хирургическія операціи можетъ только спеціалистъ, рука котораго пріучена къ дѣлу долгимъ опытомъ. Еще вырываніе зубовъ, до котораго Петръ былъ такой охотникъ, могло такъ и сякъ сходить съ рукъ, и почему было ему не привести съ собою изъ Голландіи мѣшка съ вырванными зубами, если нашлось столько охотниковъ получить по шилингу за вырванный руками царя зубъ. Петръ всегда былъ охотникъ повторять опыты, производившіеся имъ надъ челюстями ближнихъ въ цирюльнѣ Слона въ Амстердамѣ. Такъ едва онъ узнаетъ, что у дѣвушки купца Тамсена болитъ зубъ—онъ ѣдетъ вырвать его. Но онъ не ограничивается зубами и берется за серьезныя операціи. У купчихи Борстенъ по словамъ однихъ врачей водяная, по мнѣнію другихъ нѣтъ. Англичанинъ докторъ пытается выпустить воду изъ больной, но лишь едва показывается кровь. Петръ принимается за дѣло и употребивъ насиліе выпускаетъ изъ больной 20 фунтовъ воды, что̀ впрочемъ не помѣшало купчихѣ Борстенъ вслѣдъ затѣмъ умереть. Петръ дѣлаетъ другую операцію купцу Тамсену неизвѣстно съ какими результатами: эта операція представлялась очень опасною. Не видно однакожъ чтобы царь хирургъ внушалъ особенное довѣріе своимъ паціентамъ. Герцогиня Мекленбургская, Екатерина Ивановна, у которой очень болѣла нога не на шутку боялась, что Петръ захочетъ здѣлать ей операцію [1]).

Царь-хирургъ дѣйствительно былъ явленіе неутѣшительное для

---

[1]) Бергхольцъ, IV, 101.

пацієнтовъ. Нельзя не повиноваться и можно умереть. Петру вовсе не слѣдовало принимать на себя обязанностей, которымъ могли подчиниться изъ одного страха. Хирургическія наклонности принадлежатъ такимъ образомъ вовсе не къ свѣтлымъ сторонамъ характера Петра.

Но ошибка тутъ происходила лишь отъ излишняго рвенія, а избытокъ рвенія во всякомъ случаѣ былъ нуженъ чтобы хоть сколько нибудь освоить науку на русской почвѣ. Естествовѣдъ и хирургъ въ зародышѣ, Петръ именно потому только и могъ быть піонеромъ науки въ русской землѣ, что у него было сильное рвеніе. Сочувствіе въ средѣ окружавшихъ не было ни откуда. Моряки, плотники, солдаты еще были между ними, но людей науки не было. Родной сынъ Петра заставлялъ предвидѣть въ себѣ врага европейской науки. Когда ученіе царевича Алексѣя начиналось Петръ еще самъ только сталъ серьезно думать объ ученіи. Составитель азбуки поднесенной царевичу Алексѣю, говоря въ обращеніи къ Петру:

Великій ты князь, Россіи обладатель,
Сына своего въ любви обниматель,

конечно сказалъ только общую фразу. Петру нѣкогда было смотрѣть за воспитаніемъ царевича и въ результатѣ явилось противоположное вліяніе. У царевича было въ библіотекѣ 265 книгъ, въ томъ числѣ по исторіи, военнымъ наукамъ, математикѣ, также на языкахъ: нѣмецкомъ и польскомъ, но царевичъ все-таки читалъ больше по древнему обычаю духовныя книги и еще до 15 лѣтняго возраста прочелъ пять разъ славянскую библію [1]) и одинъ разъ нѣмецкую. Между самыми ближними людьми Петра много было враговъ нововведеній, въ томъ числѣ и научныхъ. Воля Петра преклоняла ихъ. Ромодановскій, сердившійся на Головкина за то что тотъ одѣлся въ Вѣнѣ по нѣмецки, чрезъ нѣсколько лѣтъ самъ съ прочими долженъ былъ одѣться по иностранному. Такъ, хотя не хотя, принимала Россія и науку отъ запада чрезъ посредство Петра.

---

[1]) Пекарскій, 54.

Петръ является первымъ русскимъ типографомъ; самъ изобрѣтаетъ шрифтъ, гдѣ нужно велитъ его поправить, заходитъ нерѣдко въ типографію чтобы слѣдить за работами [1]). Онъ же первый русскій редакторъ. Отдаетъ переводить книги, указываетъ какъ и что нужно передать въ русскомъ переводѣ, поправляетъ слогъ. Ему нужно имѣть въ Россіи ученыхъ, научное развитіе, и хоть образованіе будетъ превращено въ службу, научная подготовка въ муштровку, но они будутъ Петру нужные помощники. Въ Россіи ихъ нѣтъ, нужно вызвать ихъ изъ за границы. Въ 1715 г. является указъ, что если Лифляндія не дастъ достаточно ученыхъ и правовѣдовъ, то ихъ нужно вызывать изъ за границы, обѣщая каждому по 500 рублей въ годъ жалованья (очень большія деньги по тому времени), квартиру и толмача для каждаго не знающаго русскаго языка. Велѣно было обѣщать чинъ асессорскій, а кто былъ прежде чиномъ выше, тому высшій русскій чинъ [2]).

Такимъ образомъ наука мало по малу привилась къ русской землѣ. Сначала было употреблено насиліе. Въ школы набирали какъ въ рекруты, учились первымъ началамъ наукъ въ лѣтахъ взрослыхъ. Но мало по малу, сдерживаемый желѣзною проволокою, отростокъ западной науки пустилъ корень, хотя и слабый, въ русской землѣ и что можно было вызвать къ жизни только благодаря могучей энергіи Петра, продолжало жить и безъ него.

---

[1]) Библіограф. Записки. 1858, стр. 372.
[2]) П. С. З. 2928.

Академія Наукъ

Для подражанія нужно больше хитрости и изворотливости, чѣмъ ума. Послѣдній въ такомъ случаѣ рѣдко спрашивается и потому подражаютъ обыкновенно безъ разбора дурному и хорошему, нужному и безполезному. Россія въ XVII и въ особенности въ XVIII вѣкѣ пошла вслѣдъ за Европою. На это были историческія, неустранимыя причины, вовсе однако не состоящія въ внезапно породившемся стремленіи правительства идти по новому пути. Правительство, люди, шли только по пути, проложенному природою историко-географическими и климатическими причинами.

Съ фактами въ рукахъ можно доказать, что цвѣтущая и плодоносная въ XI--XIII вѣкахъ среднеазіатская равнина мало по малу, столѣтіе за столѣтіемъ, высыхала и превращалась въ степь.

Политико-историку нѣтъ надобности рѣшать вопроса: гдѣ кроется причина этого физическаго переворота? Онъ имѣетъ дѣло только съ фактомъ. По яснымъ и неопровержимымъ историческимъ извѣстіямъ видно, что мѣста, представляющія теперь голую степь съ полувысохшими рѣками и рѣдкимъ населеніемъ, были пять, шесть вѣковъ назадъ цвѣтущими, богато орошенными долинами. Но переворотъ совершался. Мѣстность превращалась мало по малу въ пустыню. Центръ могучей Золотой орды, съ постепенною потерею своей прежней флоры и фауны, потерялъ свое политическое значеніе. Обезлюдилъ и ослабѣлъ центръ—онъ не могъ уже больше сдерживать окраинъ. Китай и Россія, воспользовавшись этимъ, отдѣлились. Орда пала. Могучее государство превратилось въ кочевку степныхъ хищниковъ.

Когда историки прошлаго перестанутъ имѣть дѣло съ фактами

какъ бы спавшими съ небесъ, когда пройдетъ эта вѣра въ чудесное и случайное, тогда міровой переворотъ, совершившійся и продолжающій совершаться на нашихъ глазахъ въ средней Азіи, подвергнется обстоятельному и полному изученію, потому что онъ не только служитъ ключемъ къ объясненію прошлыхъ, но и можетъ быть разгадкою современныхъ и готовящихся событій

Чѣмъ больше плодоносная, въ сравнительно недавнее историческое время, среднеазіатская равнина превращалась въ степь, тѣмъ больше и рѣшительнѣе Россія отрѣзывалась отъ Азіи. Изъ равнины, принадлежавшей одинаково Европѣ и Азіи, изъ широкаго пути изъ одной части свѣта въ другую, Россія все болѣе становилась европейскою окраиною. Связь съ Азіею разрывалась. Степь начинала рѣзко разграничивать русскую равнину отъ населенныхъ частей Азіи. Россіи оставалось примкнуть къ Европѣ.

Ученые (Гельмерсенъ) предсказываютъ, что недалеко то время, когда среднеазіатская степь окончательно уподобится Сахарѣ. Тогда Россія еще болѣе отторгнется отъ Азіи, если только желѣзныя дороги и другіе плоды высшей цивилизаціи не побѣдятъ преградъ природы.

Но мы имѣемъ дѣло не съ будущимъ. Мы хотѣли только прослѣдить какъ постепенно природа сближала Россію съ Европою. Людямъ оставалось идти по пути, проложенному природою.

Россія должна была сдѣлаться европейскою державою и тотчасъ же начинается систематическое подражаніе съ ея стороны образцу, съ которымъ она неизбѣжно и неотвратимо сближалась.

Гигантская фигура Петра I загородила его предковъ, шедшихъ по пути сближенія съ Европою. Но историкъ не имѣетъ права быть близорукимъ и все приписывать Петру. За его колосальною фигурою онъ долженъ разглядѣть его предшественниковъ, съ Ивана IV, шедшихъ по пути, предначертанному природою и событіями, еще въ эпоху сверженія монгольскаго ига, потому что самое это сверженіе ига было ударомъ со стороны окраины обезлюдившему и обезсилившему центру.

Русская натура, по замѣчанію иностранцевъ, очень способна къ подражанію. Качество не блестящее, потому что оно приписывается и многимъ животнымъ, по преимуществу травоядным.

Обвиняютъ насъ также иностранцы въ хитрости и изворотливости, но это только шансы для успѣшнаго подражанія.

Въ сущности тѣ, которые со времени сверженія монгольскаго ига стали нашимъ образцомъ, признавали въ насъ, въ своихъ оцѣнкахъ, все тотъ же высокій даръ подражанія и потому очень подозрительно и неохотно относились къ вновь явившемуся изъ Азіи собрату.

Собратъ хотѣлъ заимствоваться, старики не хотѣли сообщать новичку. Это продолжается до вступленія на престолъ дома Романовыхъ, открывшаго эпоху окончательнаго сближенія съ Европою. До тѣхъ поръ не только Европа встрѣтила Россію недружелюбно, но и сама Россія какъ-то колебалась и сомнѣвалась—идти ли ей въ европейскую семью или остаться азіатской. Историческія причины еще не выказались вполнѣ—какъ медленно совершался самый переворотъ, вызвавшій ихъ. Названнаго царя Димитрія, подражавшаго обевропеенной Польшѣ, убили за то, что тотъ ѣлъ телятину. Послѣ Петръ, подражавшій всему иностранному, устроилъ резервуаръ краснаго вина на колокольнѣ Ивана Великаго и никто не шелохнулся.

Событія шли и что было рано въ XVII стол., то оказалось въ свое время въ XVIII.

При Петрѣ система усвоенія себѣ Россіею всего европейскаго проявляется съ особенною силою. Подражаніе въ самомъ разгарѣ. Петръ былъ человѣкъ высокихъ способностей, но и первый геній будетъ вертѣть ручку органа не особенно умно. Самый процесъ подражанія отрицаетъ роль критики, и участіе высокой доли разума. Петръ былъ только подобенъ прочимъ. Онъ подражалъ, и перенималъ при этомъ все—съ годнымъ многое не подходящее.

Въ государствахъ Европы, съ которыхъ терпѣливо и вмѣстѣ порывисто лѣпилась Россія, были академіи наукъ. Этого было совершенно достаточно, чтобы и въ Россіи явилась академія наукъ. Но въ Россіи не было той научной подготовки, какая существовала въ западной Европѣ. Въ Россіи наука еще не существовала, знанія не было, начиналось едва элементарное ученіе—какая же тутъ академія?

Все это прекрасно и разсуждать можно сколько угодно, но не

надобно забывать, что люди, полагавшіе основаніе русской академіи, смотрѣли на науку съ своей точки зрѣнія, или лучше сказать, они на нее не смотрѣли. Дѣло было не въ наукѣ, о которой вообще въ тогдашней Россіи имѣли смутное представленіе, а въ томъ, что такія учрежденія существовали въ другихъ государствахъ. Этой причины было совершенно достаточно.

Если взвѣсимъ все это, то исторія нашей академіи наукъ въ XVIII стол. представится въ теоріи именно такою, какою она была на дѣлѣ. А нѣчто очень курьезное была она на дѣлѣ, какъ увидимъ далѣе.

Петръ I платилъ деньги Лейбницу за добрые совѣты. Знаменитый германскій ученый былъ на столько добросовѣстенъ, что за русскія деньги давалъ русскому царю хорошіе совѣты. Онъ первый въ 1712 г. посовѣтовалъ царю завести учрежденіе, гдѣ бы дѣльные ученые составляли, каждый по своему предмету, курсъ наукъ для преподаванія и слѣдили за современными открытіями и усовершенствованіями.

Такому въ высшей степени полезному заведенію онъ придавалъ названіе академіи. Дѣло не въ названіи, да и отчего бы учрежденію Лейбница, не называться академіею, когда есть академіи духовныя, земледѣльческія и проч. Но Лейбницъ предлагалъ устроить заведеніе съ учебнымъ характеромъ. Явилось же на дѣлѣ учрежденіе съ характеромъ по преимуществу ученымъ, а такъ какъ отъ ученія, только что начинавшагося въ Россіи, до учености очень далеко, то вмѣсто учрежденія полезнаго и необходимаго, явился такъ сказать оазисъ иностранной учености на русской безнаучной почвѣ.

Дѣло акклиматизаціи очень полезно, но оно ни на шагъ не подвигается отъ того, что въ зоологическомъ саду собрано нѣсколько выписанныхъ издалека львовъ и орловъ, замѣщаемыхъ вновь вынисываемыми по мѣрѣ того какъ прежніе вымираютъ.

Сами иностранные ученые, изъ которыхъ должна была комплектоваться академія, понимали все неудобство и всю безуспѣшность такихъ попытокъ акклиматизаціи высшихъ наукъ въ странѣ, гдѣ едва начинали прививаться элементарныя научныя свѣденія. Вольфъ, приглашаемый въ Петербургъ, совѣтовалъ вмѣсто академіи учре-

дить учебное заведеніе и ясно давалъ понять, что отъ петербургской академіи также не будетъ никакой пользы, какъ и отъ берлинской, извѣстной по имени цѣлому свѣту, но такъ что „изъ того ничего не вышло [1])“.

Напрасно тонкій плутъ, бюрократъ Шумахеръ, хлопотавшій менѣе о наукахъ, чѣмъ о своемъ карманѣ, убѣждалъ Вольфа титуломъ его высокородія ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою госпожу надворную совѣтницу — надворный совѣтникъ сослался на климатъ, на перемѣну пищи и т. д. и не поѣхалъ.

Въ добрыхъ и ученыхъ нѣмцахъ, если только они были люди прямые и честные, долженъ былъ естественно зародиться вопросъ: зачѣмъ поѣдутъ они въ Россію создавать академію?

Трудиться для науки они могли и у себя дома. Эксплуатировать же Россію было столько охотниковъ не изъ ученыхъ, что послѣдніе могли предоставить имъ всю арену этой почтенной дѣятельности. Тѣмъ болѣе могло явиться нежеланіе насаждать науки въ Россію съ высоты академіи, что было очень сомнительно, чтобы эта научная высота была понята. Время доказало, что такія сомнѣнія были очень основательны и что существованіе академіи еще не есть гарантія свободнаго усовершенствованія наукъ.

Но во всякой сферѣ дѣятельности есть практики, которые пользуются обстоятельствами и не упускаютъ выгодъ. Блументростъ и Шумахеръ, которые вели дѣло основанія академіи, предлагали хорошія деньги. Предлагались суммы въ 800, 1200,2000 рублей въ годъ.

У себя на родинѣ иностранные ученые получали немного. Въ Россіи, начиная дѣла ученой аклиматизаціи, не скупились на издержки и сверхъ того предлагали титулы, къ которымъ нѣмцы, не выключая ученыхъ, имѣютъ національное и природное влеченье. Удочка ловила; охотники нашлись въ Германіи и не въ Германіи. Правда нѣкоторые послѣ отказались въ Петербургѣ отъ большаго жалованья, чтобы дома опять получать впятеро меньше, и удали-

[1]) Пекарскій, П. и Л. I, 36.

лись въ отечество (Пекарскій. Ист. Ак. Н. I. LVII), такъ сладко имъ показалось дѣло академической дѣятельности въ Россіи—но лишь опытъ учитъ мудрости, а при отправленіи въ Россію заграничные ученые имѣли полное право думать не объ однихъ ожидаемыхъ выгодахъ, но и о дѣйствительной ученой мисіонерской дѣятельности, ожидавшей ихъ впереди. Въ 1718 г. Петръ I написалъ „сдѣлать академію"; въ январѣ 1724 г. подписанъ былъ уставъ академіи; въ сентябрѣ того же года Блументростъ уже набиралъ академиковъ, но въ сущности не было никакой опредѣленной идеи, для чего именно учреждается академія.

Петръ I, не вѣрившій во многія пословицы, однимъ камнемъ хотѣлъ убивать нѣсколькихъ птицъ за разъ. Камнемъ академіи убивалось не менѣе шести птицъ разомъ. Академія должна была одновременно быть гимназіей, университетомъ, академіей наукъ, академіей художествъ, техническимъ комитетомъ и ученымъ департаментомъ государственной службы. Все это явствуетъ изъ устава академіи и указовъ [1]).

Указъ 20 января 1724 г., назначая мѣсто для академіи, говоритъ, что въ ней должны учиться языкамъ, наукамъ и переводить книги.

Это гимназія, университетъ и пожалуй даже отдѣленіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, или иноземнаго приказа, гдѣ до тѣхъ поръ переводились книги. Указъ, изданный вслѣдъ затѣмъ, (№ 4438) говоритъ, что для перевода книгъ, касающихся художествъ, нужны люди знающіе эти художества. Подъ художествами указъ подразумѣваетъ слѣдующія: математическое, хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектурное, цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ, гидроику и проч.

Тутъ — академія наукъ, художествъ и техническихъ искуствъ.

Уставъ академіи (№ 4443) прямо говоритъ, что академія должна быть вмѣстѣ университетъ и гимназіумъ. Дѣло академиковъ также показывать машины и исправлять инструменты „вольныхъ художествъ и мануфактуръ." Это уже не только технической ко-

---

[1]) Пол. Соб. Зак. №№ 4427 4438 4443 4463.

митетъ, но и комитетъ заводскихъ надзирателей. Въ проектѣ академіи обращается особенное вниманіе на навигацію и механику. Прежде упомянуто было въ разрядѣ художествъ—милитарисъ. И такъ академія должна была, до извѣстной степени, считаться учрежденіемъ военнымъ, морскимъ и инженернымъ.

Академія въ проектѣ прямо называется академіею наукъ и художествъ. Академія должна была исполнять изысканія, поручаемыя государемъ; этимъ она становилась ученымъ департаментомъ государственнаго вѣдомства.

Въ рѣчахъ академиковъ обязательно, по уставу [1]), должны были вводиться похвалы протектору, т. е. Петру и его преемникамъ.

Послѣднее условіе—своего рода спеціальность академіи—отчасти поясняетъ ту поспѣшность, съ какою въ Россіи, ждавшей ученія, хлопотали объ учености. Похвала съ академической кафедры, на латинскомъ языкѣ должна была говорить Европѣ о высокомъ покровительствѣ наукамъ, о геніи преобразователя Россіи. Такія похвалы обезпечиваютъ славу въ потомствѣ. Обязательство или деньги вызываютъ эти похвалы—все равно. Слава какая бы то ни была—есть все-таки ничто иное, какъ частая молва, а какая же молва по Европѣ была бы о преобразователѣ Россіи, если бы не гремѣла хвала ему на разныхъ, европейскихъ языкахъ?

Въ русскихъ восхваленіяхъ недостатка не было, но русскаго языка Европа не знаетъ. Нужны были переводчики и они явились.

Обязательство исполнялось точно. При открытіи академіи, академикъ Байеръ прочелъ похвальное слово императрицѣ Екатеринѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Императрица, понимавшая по нѣмецки, была тутъ же. И впослѣдствіи академики не забывали обязательства, стоявшаго въ ихъ контрактѣ.

Академики явились въ Петербургъ изъ разныхъ мѣстъ Европы, преимущественно изъ Германіи. Уже задолго до Петра I произошла перемѣна въ возрѣніяхъ иностранцевъ на Россію. Прежде иностранцы не хотѣли сношеній съ Россіею и отказывая ей въ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. VII, стр. 223.

передачѣ свѣденій, сторонились отъ нея. Потомъ они разсудили, что сторониться не зачѣмъ, можно эксплуатировать Россію, жить въ ней, имѣть русскихъ учениковъ и ничему не учить ихъ, сохраняя свое мастерство про себя, чтобы страна восточныхъ варваровъ тѣшила себя мыслью, что обучается, но была какъ можно долѣе въ рукахъ иностранцевъ.

Тотъ же Байеръ, который произнесъ длинную похвальную рѣчь Екатеринѣ I на нѣмецкомъ языкѣ, зналъ много восточныхъ языковъ, но не хотѣлъ учиться русскому. Не учились русскому языку и другіе менѣе ученые иностранцы, поселившіеся въ новой странѣ вовсе не для того, чтобы просвѣщать ее, или принять дѣятельное участіе въ судьбахъ ея. Золото роютъ въ степныхъ пескахъ, не дѣлаясь для того австралійскими дикарями, или калифорнскими индѣйцами. Можно было эксплуатировать Россію не дѣлаясь русскими людьми. Байеръ совѣтовалъ Миллеру изучать русскій языкъ, но и то лишь потому, что тотъ безъ этого не могъ изучить русской исторіи.

Петръ I былъ во всякомъ случаѣ человѣкъ съ свѣтлою головою и потому не могъ не угадывать, что чуждые пришельцы будутъ искать выгодъ въ Россіи, не заботясь о дѣйствительномъ просвѣщеніи ея и не стараясь ознакомиться съ нею.

Отсюда его забота, чтобы при академіи были люди „изъ славянскаго народа,“ которые были все же болѣе свои [1]). Академиковъ пріѣхавшихъ въ Россію приняли на свое попеченіе и взяли въ свои руки Блументростъ и Шумахеръ.

Это были два противоположные типа. Блументростъ, хотя и иностранецъ по происхожденію, родился и выросъ въ Россіи; былъ человѣкъ прямой, знающій, можетъ быть не совсѣмъ твердаго характера, но дѣльный и честный.

Шумахеръ напротивъ представлялъ типъ нѣмца, тепло пріютившагося въ Россіи изъ экономическихъ цѣлей, и какъ явиться бюрократомъ было для этой цѣли выгоднѣе, то изъ него образовался опытный бюрократъ. Шумахеръ превосходно понялъ свою роль съ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 4443.

самаго начала. Онъ видѣлъ, что нужна академія, что ее хотятъ учредить и даютъ для этого деньги, но затѣмъ когда академія будетъ учреждена, о ней будутъ заботиться лишь съ внѣшней стороны, либо вовсе не будутъ заботиться и тогда это учрежденіе попадетъ въ чьи нибудь опытныя руки, которыя будутъ распоряжаться этимъ учрежденіемъ по своему.

Шумахеръ не видѣлъ причины почему бы его рукамъ не явиться въ этой роли. Онъ взялся за свою роль и такъ удачно, что будучи не ученымъ и маленькимъ человѣкомъ—долго распоряжался академіею какъ хотѣлъ, затѣмъ передалъ управленіе ею въ руки зятя своего, Тауберта; тотъ въ свою очередь въ руки своего родственника, такъ что русская академія наукъ явилась чѣмъ то въ родѣ маіората въ семействѣ Шумахера и продолжала оставаться этимъ маіоратомъ почти до послѣдняго времени.

Блументростъ строго, иногда начальнически, относился къ академикамъ, которыхъ онъ былъ президентомъ. Если они ходили въ харчевни и трактиры, въ особенности посѣщаемые людьми простаго званія, за это имъ выговаривалось въ публичной рѣчи, поведеніе ихъ порицалось, и для того, чтобы ходя по трактирамъ и этого рода заведеніямъ академики съ „непотребными не обращались“ приняты были мѣры, чтобы эти ученые не только жили въ особомъ домѣ (первоначально на петербургской сторонѣ), но имѣли свой столъ дома [1]). Такимъ образомъ собраніе ученыхъ превращали въ родъ благороднаго пансіона, но можно было видѣть въ этомъ просто попытку образованія академическаго клуба. Несомнѣнно также, что иные изъ академиковъ подавали поводъ къ проявленію начальнической строгости своего президента. Такъ они будучи въ русской церкви вели себя не такъ пристойно какъ подобаетъ взрослымъ и серьезнымъ людямъ [2]). И вообще Блументросту, несмотря на его иногда начальническіе выговоры, академики прощали. Это по крайней мѣрѣ былъ человѣкъ знающій, съ

---

[1]) Пекарскій. И. Л. Ак. Н. I, XLI. Пекарскій Н. и Л. I, 62.
[2]) Пекарскій. Ист. ак. Н. I, XL.

толкомъ, достойный и очень нерѣдко забывавшій свое званіе начальника.

Зато тѣмъ желчнѣе была злоба академиковъ къ Шумахеру. Шумахеръ былъ не болѣе какъ библіотекарь и потомъ секретарь академіи. Какъ библіотекарь онъ покупалъ за границею на равнѣ съ научнымъ, книги веселаго и амурнаго содержанія; разставлялъ книги по переплетамъ—какъ разсказываетъ намъ Бюшингъ, которыя показистѣе переплетомъ впередъ и т. д. Тутъ мы видимъ человѣка-практика, знавшаго что изъ его библіотеки будутъ требовать книги не одни люди интересующіеся науками и что библіотеку будутъ нерѣдко осматривать также личности, которыя обратятъ болѣе вниманія на стѣны академіи, чѣмъ на ея ученыя занятія.

Такимъ же практикомъ являлся Шумахеръ какъ секретарь академіи. Можно было ожидать, что когда академія откроется, произнесутся похвальныя рѣчи, и учрежденіе перестанетъ быть новинкою, о немъ забудутъ въ официальныхъ сферахъ. Такъ и случилось и даже очень скоро.

Со вступленіемъ Петра II на престолъ академія начинаетъ бѣдствовать. Ей не даютъ всѣхъ должныхъ денегъ, даже не даютъ ничего. Шумахеръ имѣлъ обычай не выдавать во время вполнѣ жалованья лицамъ, бывшимъ при академіи, даже когда исправно получалъ его. Теперь же, когда денегъ дѣйствительно не было и дворъ, не одобривавшій многихъ европейскихъ нововведеній, забылъ академію, положеніе академиковъ сдѣлалось вполнѣ печальнымъ. Тутъ-то похвальныя экономическія качества Шумахера выказались во всемъ блескѣ. Онъ занимаетъ у бергъ коллегіи желѣза на 11,000 рублей слишкомъ — оно нужно ему, какъ видите, на разныя подѣлки по академіи. Желѣзо берется и затѣмъ продается на чистыя деньги и деньги идутъ на содержаніе академіи. Это если хотите подлогъ и обманъ, но пожалуй можно назвать эту хитрую продѣлку борьбою за существованіе. Такое анормальное явленіе какъ петербургская академія наукъ, въ первые годы ея существованія, могло продолжаться и укрѣпиться только анормальными средствами, и средства эти были такого рода, что предпринять ихъ способенъ былъ только Шумахеръ. Слѣдо-

вательно, ему академія была обязана сохраненіемъ своего бытія, такъ какъ несомнѣнно, что иногда академики, гонимые нуждою, готовы были оставить ее и разбрестись въ разныя стороны. Послѣдующее время доказало еще болѣе, что только Шумахеръ въ состояніи поддержать существованіе академіи, назначеніе которой послѣ смерти Петра I становилось все болѣе и болѣе загадочнымъ для офиціальныхъ сферъ.

Вотъ путь, избранный Шумахеромъ для того, чтобы академія не забывалась въ тѣхъ сферахъ, которыя давали ей средства существованія: академія должна была ухаживать за временщиками, служить ихъ личнымъ цѣлямъ. Такія средства, съ давнихъ поръ, служили къ поддержанію существованія не однѣхъ академій. Система Шумахера оказалась весьма практическою. Деньги потекли на академію и печальный долгъ ея бергъ-коллегіи былъ прощенъ [1]). Является во главѣ правленія Бирономъ. Шумахеръ тотчасъ же спѣшитъ поднести ему званіе протектора академіи. Стоитъ ли спрашивать о согласіи на это академиковъ, которыхъ Шумахеръ, несмотря на всѣ ихъ протесты, держалъ въ рукахъ? Онъ и не спросилъ объ этомъ, Онъ былъ увѣренъ, что професорамъ рѣшительно все равно, кто ихъ протекторъ — давали бы деньги [2]). Оказалось, однако, что академики не захотѣли избрать Бирона протекторомъ. Между тѣмъ Шумахеръ уже послалъ Блументросту въ Москву письмо, что академики рады привѣтствовать новаго протектора. Менѣе наглая личность тутъ могла бы потеряться; Шумахеръ вышелъ сухъ изъ воды, отправивъ вслѣдъ затѣмъ письмо въ Москву, что рѣчь о выборѣ отлагается изъ-за мелочныхъ споровъ о старшинствѣ. Стремленіе Шумахера—служить сильнымъ міра, не всегда однако встрѣчало столь же рѣшительный протестъ. Такъ секретарь Бирона и учитель его дѣтей были избраны академиками, хотя не имѣли на то никакихъ ученыхъ правъ [3]). Сегизбекъ былъ сдѣланъ академическимъ профессоромъ по желанію Лестока и оставилъ по себѣ печальную славу про-

---

[1]) Пекарскій Пет. Ак. Н. I, XLIX.
[2]) Тамъ же.
[3]) Пекарскій. Ист. Ак Н. I, LXII.

тивника Линнея. Если Эйлера отвлекали отъ важныхъ научныхъ трудовъ для простыхъ техническихъ занятій, то иные изъ его сотоварищей шли еще дальше и были составителями программъ для торжественныхъ иллюминацій и сочинителями стиховъ по ихъ поводу. Наконецъ апогей униженія академіи былъ достигнутъ, когда президентомъ ея сдѣлали красиваго, но почти безграмотнаго юношу, брата временщика, Разумовскаго.

Этими и подобными мирскими и практическими дѣяніями академія достигала того, что существовала, хотя существованіе ея съ чисто научной точки зрѣнія было иногда очень печально.

Въ 1728 г. Делилю не дозволено было разсмотрѣть въ рѣчи вопросъ: вертится ли земля или нѣтъ. Въ 1731 г. нельзя было напечатать безъ разрѣшенія высшаго начальства сочиненія Фонтенеля, „о множествѣ міровъ.“ Болѣе двадцати лѣтъ послѣ того нельзя было въ стихотворномъ произведеніи явиться защитникомъ системы Коперника. Истины, добываемыя наукою, должны были оставаться государственною тайною. Было запрещено сдѣланныя астрономическія наблюденія посылать за границу. Не дозволялось правительственнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ сообщать академикамъ провинціальныя описанія и ландкарты иначе, какъ по требованію изъ академической канцеляріи [1]).

И свой братъ труженникъ науки и литературы помогалъ этому печальному научному приниженію академіи. Крекшинъ, подавалъ доносъ на Миллера за то, что тотъ приводилъ историческія изслѣдованія объ униженіи русскихъ князей предъ монголами [2]).

Словомъ, былъ хаосъ невообразимый. Хотѣли въ одно время насаждать науки и препятствовать ихъ свободному развитію. Призывали иностранцевъ, платили имъ деньги и вмѣстѣ опасались съ ихъ стороны государственной измѣны.

И такъ продолжала существовать академія долго, долго послѣ. Она нужна была для Шумахера и пожалуй для небольшой кучки иностранныхъ ученыхъ, заявлявшихъ о своихъ трудахъ Европѣ. Россія ее мало знала и долго почти ничего не извлекала изъ ея

---

[1]) Пекарскій. Ист. Ак. Н. I, XVI, XVII, LXV, LXV.
[2]) Пекарскій. Ист. Ак. Н. I, LXVI.

трудовъ. Въ 1734 г. назначенъ былъ *командиромъ* академіи Корфъ [1]), но командовалъ ею прежде и долго послѣ—Шумахеръ. Академики противились, не хотѣли, напримѣръ, чтобы художества и техника отвлекали ихъ отъ ученыхъ занятій. Но художества и техника, при экономическихъ распорядкахъ, полезная статья дохода и потому были по душѣ Шумахеру. Академики должны были уступить.

Таже диктатура, тоже послушаніе проявлялись и послѣ. Шумахеръ пекся объ академіи потому, что пекся о себѣ и съумѣлъ сдѣлать такъ, что даже люди, не имѣвшія понятія о наукѣ, находили академію нужною, хотя и не по тѣмъ трудамъ и занятіямъ, которыя возвышаютъ ученое собраніе.

Такъ было сначала, такъ было долго послѣ и много недостатковъ, темныхъ сторонъ нашей академіи наукъ, сравнительно недавняго времени, коренится въ этомъ хаотическомъ и печальномъ отдаленномъ прошломъ.

---

[1]) Пекарскій, Ист. Ак. Н., I, LIII.

Ломоносовъ.

Среда, живущая руками и способностями другихъ, не въ состояніи производить людей иниціативы и геніальной мысли, дающей новый толчекъ жизни народовъ; люди, живущіе трудомъ другихъ, скоро впадаютъ въ ту колею индиферентизма и апатіи, которая неразлучна съ умственнымъ и нравственнымъ сномъ и бездѣйствіемъ. Такіе люди стойко держатся своей торной, вѣками протоптанной дороги. Съ ихъ стороны нѣтъ быстрыхъ шаговъ и порывовъ. Для этого нужно усиліе, а обстановка жизни отучила ихъ отъ всякаго напряженія силъ.

Такою средою въ XVII и въ особенности въ XVIII в. было въ Россіи дворянство. Оно жило вполнѣ чужимъ трудомъ, неся за то военную повинность, спеціальность которой также не есть располагать къ дѣятельной, умственной жизни и труду. Извѣстная доля внѣшняго довольства была обезпечена и удовлетворенный владѣльческій классъ Россіи не выказывалъ никакихъ особенныхъ стремленій и побужденій.

Людей творческой мысли и иниціативы надобно было такимъ образомъ ждать не изъ этой среды. Ихъ могла произвести только руководящая и трудящаяся среда. Руководащая — престолъ и окружающіе его дѣятели. Трудящаяся — масса крестьянства.

Тутъ и тамъ были задатки для иниціативы. Дѣло управленія, столь обширною страною и отчасти хаотическимъ европейско-азіатскимъ государственнымъ строемъ, былъ трудъ не малый. Онъ требовалъ таланта и напряженія умственныхъ силъ. Если не на престолѣ, то вблизи его можно было ожидать появленія человѣка иниціативы. Случайнымъ образомъ онъ явился на престолѣ. Это былъ Петръ I.

Крестьянская, рабочая среда слишкомъ сжилась съ жизненною борьбою, съ непрерывнымъ усиліемъ, чтобы въ ней не могло явиться борцовъ съ новыми идеями. Имъ было лишь трудно выдви-

нуться впередъ. Но какъ скоро они выдвигались—можно было ожидать отъ нихъ и новаго слова и свѣжей мысли.

Такимъ борцомъ на аренѣ русскаго развитія явился Ломоносовъ. Въ то время какъ владѣльческій классъ, подначальный высшей власти и господствовавшій надъ трудящимся классомъ, представлялъ индиферентную среду, въ то время какъ эти соціальные плюсъ и минусъ, подначальность и господство, взаимно уничтожали другъ друга и приводили къ нулю,—въ крайнихъ частяхъ государственнаго конуса, въ его вершинѣ и основаніи—были основы самодѣятельности.

Петръ I и Ломоносовъ являются такимъ образомъ результатомъ всего строя русской жизни. Обѣ среды, руководящая и трудящаяся, какъ бы сознаютъ индиферентное бремя рабовладѣнія, тяготятся имъ и стремятся взаимно пробить дорогу чрезъ этотъ промежуточный баластъ другъ къ другу. Царь дѣлается плотникомъ, крестьянинъ—академикомъ.

Однородныя явленія произвели однородные результаты. Какъ ни отдалены были другъ отъ друга двѣ производящія среды—въ дѣятельности Петра I и Ломоносова нельзя не замѣтить разительнаго сходства. Оба—могучія, сильныя натуры, нѣсколько грубоватыя соотвѣтственно своему времени и степени русскаго развитія, представителями котораго они являлись. Оба—рвутся къ дѣятельности, пробуя разные пути. Оба—энциклопедисты, потому что Россія нуждается во всемъ, а людей, дѣятелей, мало. Оба—съ любовью посвящаютъ свое время естествоведѣнію, наукѣ, въ свѣденіяхъ которой земледѣльческая Россія всего болѣе нуждалась. Петръ называется чиновникомъ посольства, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли. Ломоносовъ не могъ бы достигнуть своей, если бы при поступленіи въ Заиконоспасское училище его не назвали дворяниномъ. Царю помѣшали сдѣлаться ученымъ обязанности его званія. Ломоносовъ не имѣлъ титуловъ, которые помѣшали бы ему сдѣлаться ученымъ. Академикъ-царь и академикъ-крестьянинъ во всякомъ случаѣ сошлись на той аренѣ, которая не знаетъ сословности—на аренѣ научнаго труда и работы мысли; тотъ и другой былъ обновителями русской среды, хотя одинъ какъ бы служилъ противовѣсомъ другому. Царь былъ

слишкомъ уединенъ, стоя на слояхъ индиферентной массы, чтобы не увлечься иностраннымъ, сверхъ мѣры. Крестьянинъ слишкомъ близко стоялъ къ трудовой средѣ, чтобы принимать всю Россію за индиферентную массу людей, не могъ не видѣть задатковъ русской самодѣятельности, чтобы увлекаться только иностраннымъ, и положилъ начало народности.

Оба обязанные своимъ образованіемъ иностранцамъ и женатые на нѣмкахъ, царь и крестьянинъ остались русскими въ своихъ возрѣніяхъ и стремленіяхъ, но царь, почти не видя и не зная русской трудовой среды, искалъ идеаловъ только за границей; крестьянинъ зналъ, что есть кое-что хорошее и на Руси и поворотилъ на пути подражанія назадъ.

Изъ миліоновъ всегда можетъ выдвинуться болѣе блестящая личность, чѣмъ изъ десятковъ людей. Очень естественно, что Ломоносовъ могъ превосходить Петра силою полета мысли; царь превзошелъ крестьянина обширностію своего круга дѣятельности.

Ломоносовъ является въ области русскаго слова какъ разъ въ то время, когда юго-западные выходцы готовились утвердиться въ русской литературѣ точно также, какъ они утвердились на постахъ свѣтской и духовной службы. Эти выходцы подобно нѣмцамъ были на Руси вѣрными исполнителями инструкцій, вѣрными слугами и только. Не отъ нихъ центральная и сѣверная Россія могла ждать обновленія и возрожденія въ жизни и въ литературѣ.

Что мы видимъ въ это время? Ѳеофанъ Прокоповичъ пишетъ шутливые стихи и посланія знакомымъ діаконамъ и экономамъ; его духовный санъ мѣшаетъ даровитому западному уроженцу явиться дѣятелемъ въ области литературы. Симеонъ Полоцкій былъ остаткомъ прошлаго.

Сенька и Ѳедька когда пѣснь пѣли
Предъ тобою
Точно немазанны двери скрипѣли
Ветчиною.

говоритъ Кантеміръ о Симеонѣ Полоцкомъ и Ѳедорѣ Поликарповѣ въ посланіи къ Ѳеофану Прокоповичу. Максимовичъ плодилъ вирши силлабическимъ размѣромъ, но его стихотворенія одно въ 23,166

стиховъ и другое въ 5,922 [1]) теперь неизвѣстны и по имени. Иностранецъ по происхожденію, Кантеміръ заявилъ себя мыслью, но стихъ его былъ тяжелъ и не соотвѣтствовалъ русской рѣчи.

Въ это-то время, когда великорусскія области не подавали ни одного литературнаго голоса, предоставляя поприще литературы выходцамъ со стороны, явился Ломоносовъ.

Онъ засталъ поприще русской науки, какъ и литературы занятое сторонними выходцами. Живя въ 1736 г. съ марта по сентябрь въ Петербургѣ съ товарищами, потому что не было денегъ для отправленія ихъ за границу, поддерживая сношенія съ академіею послѣ; наконецъ самъ академикъ, онъ видѣлъ, что если въ области литературы утвердились или готовы были утвердиться схоластицизмъ и бездарность, то въ области науки утвердилась даровитая спекуляція иностранцевъ. Кантеміръ говоритъ о посѣтителѣ академіи, жаждущемъ услышать слово науки.

А пришедъ комплиментовъ услышитъ не мало.
Высокихъ же наукъ тамъ тѣни не бывало.

Русскій академикъ съ жалованіемъ въ 360 рублей, Ломоносовъ видѣлъ, что иностранцы не только прямымъ путемъ имѣютъ всѣ выгоды надъ русскими, но и спекулируютъ открыто. Берутъ на него деньги и не посылаютъ ихъ ему; получаютъ деньги для отсылки ему за границу когда онъ уже давно въ Россіи, и нѣмецкому академическому начальству это лучше чѣмъ кому нибудь извѣстно [2]).

Въ русскомъ человѣкѣ зарождается ненависть къ этимъ спекуляторамъ. Въ свою очередь спекуляторы чернятъ его. Матеріала для очерненія какъ не найти! Во первыхъ, крестьянинъ-академикъ подобно царю-академику любилъ чарку—можно представить его пьяницею. Во вторыхъ это — русская широкая натура и съ нимъ опасно было имѣть дѣло въ то время, когда стѣны академіи видѣли потасовки въ средѣ членовъ ученаго собранія. Адъюнкта Ломоносова арестуютъ за буйство, отчего отношенія между нимъ и непьющими спекуляторами конечно не улучшаются.

Если бы продолжалось бироновское время, то не долго бы быть

[1]) Современникъ, 1858, VI, Пекарскій, 452—453.
[2]) Современникъ, 1860, XII, 448.

Ломоносову академикомъ. Но Елисавета Петровна и Шуваловъ были люди русскіе и это сохранило Ломоносову званіе академика—русскаго академика въ средѣ нѣмцевъ.

Но для того, чтобы даже русскіе люди охранили его отъ нѣмцевъ академіи, ему нужно было войти въ сношенія съ ними, можетъ быть далеко неладившія съ его внутренними стремленіями. Ломоносовъ сохраняетъ свое мѣсто и утверждаетъ свою славу въ потомствѣ, также благодаря средствамъ, болѣе косвеннымъ, чѣмъ прямымъ. Читающая русская масса группировалась вокругъ двора. Прежде и послѣ въ Россіи дворъ былъ раздавателемъ литераторамъ лавровыхъ вѣнковъ. Опозиціонная пресса еще не существовала, какъ не существовало опозиціоннаго общественнаго мнѣнія и слава неслась о томъ, на кого указывалъ официальный жезлъ.

Третьяковскій, при бездарности, могъ быть русскимъ академикомъ, потому что ничего не могло быть пріятнѣе нѣмцамъ-академикамъ, какъ видѣть въ своей средѣ бездарнаго русскаго.

Но о Третьяковскомъ узнала вся Россія болѣе потому, что онъ явился придворнымъ шутомъ, получилъ отъ Анны Ивановны „всемилостивѣйшую оплеушину“ и разыгралъ роль паяца, произнеся при церемоніи ледянаго дома извѣстные стихи:

Здравствуйте, женившись, дуракъ и дура!..
Еще... Эка и фигура!..

Кондратовичъ былъ скромный и дѣльный переводчикъ, труды котораго, по его замѣчанію, были ввѣрены кирпичамъ и моли, потому что академія, вопреки указу Петра I печатать историческія книги, болѣе печатала Жилблазовъ, Хромоногихъ Бѣсовъ и другіе романы [1]). Своими переводами Кондратовичъ не достигъ бы и малой извѣстности, которой пользуется. Но онъ былъ придворнымъ философомъ Анны Ивановны, т. е. тоже шутомъ, только нѣсколько другаго рода.

Ломоносовъ какъ ученый и академикъ могъ быть оцѣненъ потомствомъ. Между современниками онъ пріобрѣлъ извѣстность своими торжественными одами. Въ поощреніяхъ къ послѣднимъ не

---

[1]) Библіографическія записки, 1858, Кондратовичъ, 231.

было недостатка: за одну оду онъ получилъ 2000 рублей [1]), тогда какъ его академическое жалованье было какъ мы видѣли 360 рублей въ годъ.

Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ шелъ за современниками. Существеннѣе чѣмъ денежные дары было то, что его оды охранили его отъ нѣмцевъ академіи.

Тактика нѣмцевъ, старавшихся вытѣснить Ломоносова, начала торжествовать по вступленіи на престолъ Екатерины II. Эта государыня, желавшая всѣхъ и все примирить въ видахъ мудрой политики и собственнаго спокойствія, посѣтила Ломоносова приближавшагося къ концу жизни и приглашала его на щи. Но она же сдалась на навѣты нѣмцевъ и уже подписала указъ о его отставкѣ, когда смерть отставила его отъ академіи. Бумаги его были запечатаны [2]).

Мы не примкнемъ къ тѣмъ восхваленіямъ, которыя въ данный моментъ, по сигналу жезла современныхъ Моисеевъ, расточаются тѣмъ или другимъ дѣятелямъ прошлаго въ темпъ и тактъ, хотя и безъ такта, ради современныхъ цѣлей. Мы не превысимъ значенія Ломоносова, не укажемъ въ немъ воплощенія русской мысли, русскаго слова и представителя Россіи прошлаго столѣтія.

Ломоносовъ былъ лишь протестъ трудовыхъ классовъ противъ увлеченія всѣмъ иностраннымъ въ высшихъ сферахъ, не знавшихъ скрытыхъ русскихъ силъ. Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ былъ историческій символъ, полный глубокаго значенія. Но какъ эти скрытыя и—отчего не сказать—подавленныя и захирѣвшія силы, не были пока достаточно могучи, такъ и представитель ихъ является геніальнымъ дѣятелемъ зараждающейся, но только зараждающейся мысли. Это былъ человѣкъ начала, но мы не сравнимъ его съ дѣятелями другихъ народовъ, сдѣлавшими важныя открытія въ области созрѣвшей науки.

Ломоносовъ по своей разнообразной и громадной дѣятельности былъ украшеніемъ русской Академіи, гдѣ за немногими исключеніями господствовали бездарность и спекуляція иноземцевъ. Ломо-

---

[1]) Современникъ, 1865, Грыцько, XI, 130.
[2]) Ламанскій. Ломоносовъ, 481.

носовъ безъ хвастовства могъ замѣтить Шувалову, что скорѣе можно академію отставить отъ него, чѣмъ его отъ академіи, потому что только онъ и придавалъ существованію петербургской академіи въ Россіи нѣкоторое русское значеніе. Но это не даетъ еще права слишкомъ возвышать пьедесталъ русскаго ученаго.

Ломоносовъ боролся съ иностранной спекуляціей и съ русскимъ ханжествомъ. Его совѣты поститься болѣе „духомъ чѣмъ брюхомъ [1])“, его замѣчаніе о томъ, что великій постъ по времени года очень опасенъ для здоровья — не могли особенно нравиться въ иныхъ сферахъ. Но не принадлежа къ оппонентамъ изъ любви къ искуству или изъ раздраженія, высказывая только то что дѣйствительно лежало на душѣ, Ломоносовъ былъ не прочь пойти и на мировую съ тѣми сферами, которыя какъ будто вмѣстѣ и желали просвѣщенія для страны и боялись его—указать имъ, что онѣ боятся призраковъ.

Какъ надпись на памятникѣ Ломоносову могутъ быть начертаны слѣдующія слова его: Народно-русскій ученый подобно Петру I разомъ понявшій значеніе естественнонаучнаго образованія для сельско-хозяйственной и земледѣльческой Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣвшій, что именно эту-то область знанія иностранцы и неумѣлые русскіе держатъ въ Россіи въ загонѣ —Ломоносовъ говоритъ: „Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери Единаго Всевышняго Родителя. Физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны. Великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содержать старались [2]). Это могъ сказать Ломоносовъ, почерпнувшій свою любовь къ изученію природы изъ чтенія твореній Василія Великаго [3]), и будемъ ли мы упрекать его, что онъ шелъ на мировую, прибѣгая къ техническимъ выраженіямъ современнаго большинства? Будемъ ли мы ставить ему въ укоръ, что не желая быть гласомъ вопіющаго въ пустыни, онъ не дѣлалъ скачковъ и говорилъ съ закрѣпшею въ предразсудкахъ прошлаго массою понятнымъ ей языкомъ?

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1861, I, Сухомлиновъ 145.
[2]) Сухомлиновъ 149.
[3]) Ламанскій 480.

ЛИТЕРАТОРЫ и ЛИТЕРАТУРА

ПОСЛѢДНЯГО СТОЛѢТІЯ.

Сумароковъ. Желчный, ѣдкій, злой сатирикъ въ обществѣ, какимъ описываютъ какъ его, напр., „Записки Порошина“, придворный человѣкъ, вхожій въ комнаты наслѣдника престола и собесѣдникъ Екатерины II, замѣчательный писатель и одно время корифей русской литературы,—Сумароковъ пережилъ свою эпоху и въ концѣ жизни свелся въ старика, одѣтаго въ грязный бѣлый балахонъ, съ анненскою лентою черезъ плечо, гордою поступью отправлявшагося въ кабакъ въ Кудринѣ, въ Москвѣ, гдѣ онъ доживалъ свои дни забытый и, по обычаю многихъ русскихъ талантовъ, въ водкѣ находившій вознагражденіе за апатію ближнихъ. Въ былое время онъ бичевалъ лесть на сценѣ, послѣ—разсердился и ударилъ палкою купца, неназвавшаго его „ваше превосходительство“. Самолюбіе его было громадно, уязвлялось легко и ему трудно было ужиться съ окружающими. Онъ въ своихъ ѣдкихъ эпиграммахъ не щадилъ никого, если къ нему не относились съ должнымъ почетомъ. Екатерина II провинилась въ чемъ-то предъ самолюбивымъ трагикомъ и онъ написалъ извѣстный стихъ:

Екатерину зрю — проснись Елисавета!

Княжининъ. На памятникѣ Княжнину было написано:

Творенья Княжнина Россія не забудетъ.
Онъ былъ и нѣтъ его; онъ есть и вѣчно будетъ.

Если это сказано слишкомъ громко для таланта автора „Дидоны“, то нельзя все-таки отрицать вліянія его на современную ему литературную эпоху. Княжнинъ извѣстенъ какъ авторъ трагедіи „Вадимъ“. Изданная въ эпоху страха Екатерины II и ея совѣтниковъ предъ французскою революціею, эта трагедія показалась политическимъ намекомъ. Автора призвали къ отвѣту. Придворная интрига была также отчасти причиною бѣды, обрушившейся на Княжнина. Кн. Дашкова издала „Вадима“ въ свѣтъ на зло Екатеринѣ, которую княгиня-президентъ академіи то восхваляла въ одахъ, печатавшихся въ ея журналѣ „Собесѣдникъ“, то преслѣдовала колкими замѣтками о неблагодарности и т. д. (конечно, не въ глаза). Сначала никто не обратилъ вниманія на трагедію, и она была сочтена за нѣчто обыкновенное. Затѣмъ вдругъ распространяется слухъ, что въ ней что-то найдено. Трагедія, находившая въ первые десять дней мало покупателей, вдругъ въ нѣсколько дней разошлась въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ [1]). Это ускорило и усилило преслѣдованіе. Шешковскій, министръ тайной полиціи, взялся за дѣло, и такъ какъ онъ не брался обыкновенно за дѣло слегка, то посѣщеніе Шешковскаго отозвалось жестокимъ физическимъ страданіемъ для бѣднаго автора „Вадима“ и это, какъ говорятъ, привело его къ могилѣ.

Хемницеръ. При характерѣ русскаго творчества и при нашихъ цензурныхъ условіяхъ, самымъ виднымъ и популярнымъ родомъ литературы должны были явиться у насъ басня, притча и сказка.

Нужда заставила Хемницера заняться литературою. Сынъ нѣмца, выѣхавшаго въ Россію изъ Саксоніи, пріятель Капниста, Хемницеръ предался баснѣ и такъ какъ Лафонтенъ былъ идеаломъ русскихъ баснописцевъ, то Хемницеръ засыпалъ и вставалъ съ

[1]) Стоюнинъ, Княжнинъ, «Русскій Вѣст.», 1860, № 10, стр. 105.

Лафонтеномъ (которому уже предъ тѣмъ подражалъ Сумароковъ), но не говорилъ даже другу своему, Капнисту, объ этомъ и вообще о своихъ авторскихъ попыткахъ. Случайно узнавъ о басняхъ своего пріятеля, Капнистъ уговаривалъ его издать ихъ; тотъ ссылался, что онѣ повредятъ ему по службѣ и хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, измѣнить явные намеки. Въ 1778 г. онъ напечаталъ свои басни, но безъ имени и взявъ слово съ своихъ друзей, что они его не выдадутъ.

Хемницеръ былъ не такъ плодовитъ, какъ Сумароковъ, написавшій 376 притчъ; онъ написалъ всего 89 басень, но слогъ его уже лучше сумароковскаго. Державинъ, случайно познакомившійся съ Хемницеромъ, очень лестно отзывался о немъ. Бантышъ-Каменскій замѣчаетъ, что Хемницеръ болѣе всѣхъ русскихъ баснописцевъ походилъ на Лафонтена. Въ подражаніе Лафонтену, Хемницеръ самъ написалъ себѣ слѣдующую эпитафію:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Капнистъ. Комедія „Ябеда“, отличающаяся живымъ и ѣдкимъ языкомъ, сдѣлала имя Капниста извѣстнымъ еще при Екатеринѣ II, но самая комедія не была разрѣшена для сцены до 1797 г. Павелъ I благоволилъ къ Капнисту. Темой для „Ябеды“ послужилъ споръ самого Капниста съ однимъ сосѣдомъ-помѣщикомъ, также малороссомъ, и возникшее отсюда дѣло. „Ябеда“ рисуетъ сутяжничество и подъячество стариннаго русскаго быта. Капнистъ и впослѣдствіи удерживаетъ значеніе въ русской литературѣ; Батюшковъ называлъ его даже Меценатомъ.

Новиковъ. Дружеское общество. Русскому просвѣщенію въ концѣ прошлаго столѣтія много способствовалъ Ник. Ив. Новиковъ. Студентъ московскаго университета, исключенный за нехожденіе на лекціи вмѣстѣ съ Потемкинымъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшимъ княземъ), Новиковъ дѣлается затѣмъ извѣстнымъ имп. Екатеринѣ и издаетъ журналъ „Утренній Свѣтъ“ (въ Петербургѣ), сборъ за который шелъ въ пользу устроеннаго въ Петербургѣ на

иждивеніе издателя, народнаго училища, явившагося еще до заведенія такого же казеннаго училища въ столицѣ.

Въ Москвѣ Новиковъ сблизился съ профессоромъ Шварцемъ, вызваннымъ изъ Германіи въ московскій университетъ. Они вмѣстѣ начинаютъ трудиться. Впослѣдствіи, когда несчастіе постигло обоихъ и Новиковъ, переживъ своего друга, могъ кончить дни покойно, вдова Шварца нашла у него пріютъ и жила въ его подмосковномъ имѣніи. Дѣятельность Шварца характеризуетъ достаточно одно то, что онъ роздалъ недостаточнымъ студентамъ свою библіотеку и занималъ ихъ переводами иностранныхъ сочиненій. Родители пріѣзжали благодарить Шварца за его заботы о ихъ сыновьяхъ и за направленіе, даваемое имъ.

Новиковъ. Шварцъ и другія лица составили въ Москвѣ (въ 1781 г.) „Дружеское общество“, имѣвшее цѣлью, между прочимъ, печатаніе книгъ, назначеніе пособій учащимся и пр.

Карамзинъ, кн. Лопухинъ, Ив. Тургеневъ, Гамалѣя должны быть поставлены между главными соучастниками Новикова и Шварца въ этомъ дѣлѣ. Члены Дружескаго общества носили, по взаимному согласію, одинаковую одежду — синій кафтанъ съ золотыми петлицами.

Дружеское общество выдавало содержаніе тридцати ученикамъ педагогической семинаріи и разослало на 3,000 р. книгъ духовнымъ семинаріямъ. Одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ дѣла, Гр. Макс. Походяшинъ, положилъ на него большой капиталъ. Сдержанный и молчаливый по природѣ, говорившій больше въ обществѣ двухъ или трехъ, Походяшинъ, богачъ изъ старинаго купечества, котораго именно за его скромность и молчаливость иные считали ограниченною личностью, былъ однимъ изъ самыхъ щедрыхъ людей на дѣла благотворенія. Въ 1783 г., въ голодное время, Походяшинъ, подвигнутый рѣчью Новикова, пожертвовалъ на раздачу бѣднымъ хлѣба около милліона рублей. Извѣстный богачъ въ свое время, онъ умеръ бѣднякомъ, на чердакѣ.

Въ 1784 г. Дружеское общество образовало типографическую компанію для распространенія полезныхъ книгъ, существовавшую до 1791 г.

Новиковъ арендовалъ „Московскія Вѣдомости“ и эта газета, имѣвшая до тѣхъ поръ мало подписчиковъ, вдругъ пріобрѣла ихъ 4,000.

Связью, скрѣплявшею дѣятелей Дружескаго общества, было масонство. Проникшее въ Россію изъ западныхъ государствъ, массонство повело къ образованію кружковъ изъ лицъ разныхъ состояній. Это были массонскія ложи. Вступавшаго въ ложу вводилъ знакомый членъ ея съ завязанными глазами. У дверей ложи стоялъ съ обнаженною шпагою послѣдне-принятый братъ. Когда завязка съ глазъ принимаемаго спадала, онъ видѣлъ себя въ темной комнатѣ, гдѣ глазъ съ трудомъ различалъ торжественно и тихо засѣдавшихъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ мастера ложи. Тутъ были таинственные символы массонства: черепа, библія и т. д. Подъ остріемъ шпаги у груди, принимаемый давалъ присягу, что онъ все видѣнное будетъ хранить въ тайнѣ.

Такую-то ложу основалъ и Новиковъ съ Шварцемъ и другими лицами въ Москвѣ. Екатерина II заподозрила московскихъ масоновъ въ политическихъ замыслахъ, и такъ какъ въ то время пугала умы французская революція, то противъ Новикова и Дружескаго общества приняты были мѣры. Типографію ихъ закрыли. Обширные склады книгъ, въ Москвѣ и провинціи, были запечатаны. Иные заподозрѣнные лица арестованы. Новиковъ подвергнутъ допросу.

Митр. Платонъ, къ которому посланъ былъ Новиковъ для испытанія въ вѣрѣ (такъ какъ въ масонахъ, при всемъ видимомъ ихъ благочестіи, видѣли невѣрующихъ) объявилъ, что онъ его испытывалъ и нашелъ, что дай Богъ каждому быть такимъ христіаниномъ, какъ онъ. За то другой представитель власти, московскій генералъ-губернаторъ Прозоровскій, повидавъ Новикова, писалъ къ начальнику тайной полиціи Шешковскому [1]): „экова плута тонкаго мало я видалъ“. Найдено было, что Новиковъ и его сотрудники, печатая книги, давали пенсіонъ цензору и переводчику при газетахъ, какъ объясняли — съ цѣлью пользоваться поблажками, и что всѣ университетскіе чины въ Москвѣ составляли одну масонскую университетскую ложу. На запросъ о средствахъ, которыя имѣло общество, Новиковъ показалъ, что онъ въ четыре года имѣлъ отъ типографіи дохода 150,000 руб. Съ Новико-

[1]) «Сборникъ Русскаго Историч. Общества», II, 103.

вымъ арестовано было 15 человѣкъ. Его освободили только по вступленіи на престолъ Павла I.

Радищевъ. Студентомъ въ Лейпцигѣ, Радищевъ былъ подъ надзоромъ хвастливаго силача Бокума, надзирателя надъ русскими студентами въ нѣмецкомъ городѣ. Каково было вліяніе этого университетскаго надзирателя на студентовъ видно изъ того, что Бокумъ разъ далъ студенту оплеуху и получилъ за нее въ отплату двѣ. Радищева въ зрѣломъ возрастѣ описываютъ человѣкомъ съ сдержаннымъ, угрюмымъ характеромъ, но это былъ человѣкъ съ душею и сердцемъ, если судить по слѣдующему посланію его къ покойной женѣ (въ свое время запрещенному):

О, если то не ложно,
Что мы по смерти будемъ жить —
Коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно,
А если чувствовать — нельзя и не любить.
. . . . . .
Но если то мечта что сердцу льститъ меня
И ненавистный рокъ отъялъ тебя на вѣки,
Тогда отрады нѣтъ ..

Сочиненіе, бывшее причиною всѣхъ бѣдъ для Радищева, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, посланное авторомъ, въ видѣ подарка, Державину, было отправлено этимъ послѣднимъ къ императрицѣ съ донесеніемъ, а затѣмъ за автора принялся Иванъ Грозный екатерининской тайной полиціи, Шешковскій, вынимавшій по три просфоры за обѣдней, молившійся по нѣсколько часовъ въ сутки и вмѣстѣ съ тѣмъ дававшій себя больно чувствовать врагамъ порядка, попадавшимся въ его руки.

Освобожденный впослѣдствіи, Радищевъ въ началѣ царствованія Александра I былъ даже указанъ, какъ одинъ изъ кандидатовъ, въ комиссію составленія законовъ, но вскорѣ умеръ. Какъ говорятъ, онъ отравился.

Дмитріевъ извѣстенъ, какъ поэтъ-баснописецъ и сатирикъ временъ Екатерины II и Александра I. При Павлѣ I, Дмитріевъ, будучи въ то время молодымъ офицеромъ семеновскаго полка, былъ арестованъ по доносу о замыслѣ на жизнь государя, но вскорѣ

освобожденъ по очевидности клеветы. При Александрѣ I онъ былъ изъ оберъ-прокуроровъ сената сдѣланъ министромъ юстиціи. Онъ преимущественно извѣстенъ своими мелкими колкими эпиграммами и баснями. Иванъ Ивановичъ былъ однимъ изъ почитателей Державина, съ которымъ познакомился по прочтеніи оды „На смерть князя Мещерскаго“. Эта ода произвела на него, какъ онъ послѣ признавался Блудову, очень сильное впечатлѣніе и онъ непремѣнно хотѣлъ узнать имя ея автора.

Впослѣдствіи онъ нерѣдко поправлялъ слогъ въ стихахъ Державина и Державинъ принималъ его поправки [1]). Дмитріевъ былъ очень начитанъ. Въ молодости въ выборѣ книгъ для чтенія руководилъ имъ бывшій крѣпостной извѣстнаго заводчика Твердышева, Серебряковъ, окончившій съ отличіемъ курсъ въ славяно-греко-латинской академіи и послѣ учившійся у извѣстныхъ врачей въ Москвѣ [2]). Дмитріевъ первый указалъ Карамзину на литературное поприще.

Дмитріевъ, нападая на Каченовскаго (ѳитолюба-Каченовскаго, какъ называлъ этого московскаго критика Батюшковъ), замѣчалъ, что Каченовскій, напримѣръ, позволялъ себѣ писать: „ѣхалъ на кораблѣ“, вмѣсто „въ кораблѣ“. Впрочемъ, ветеранъ русской литературы нападалъ на Каченовскаго не за одно только то, что критическія статьи его льнули, какъ „банный листъ“, между прочимъ и къ сочиненіямъ Дмитріева: онъ вообще былъ противъ многихъ нововведеній, тѣмъ не менѣе удержавшихся въ языкѣ. Такъ, напр., онъ возставалъ противъ выраженій: „давнымъ давно“, „словно“, „серьезно“, „наивно“ и проч., съ тѣхъ поръ вполнѣ освоившихся въ литературѣ.

Державинъ. Когда Державину, уже маститому старцу, пожелалось сдѣлать наслѣдникомъ его имени одного изъ его племянниковъ, Львова (онъ дѣтей не имѣлъ), то, въ просьбѣ къ императору Александру объ этомъ, какъ заслуга предъ отечествомъ, дававшая право на милость государя, было приведено то, что Державинъ сочинилъ „Соляной уставъ“. Поэтъ, статсъ-секретарь Ека-

---

[1]) Гротъ, Сочиненія Державина I, 17.

[2]) Дмитріевъ, Взглядъ, 20.

терины и министръ Александра I, Державинъ придавалъ особенное значеніе своей государственной дѣятельности. Масса проектовъ по государственнымъ учрежденіямъ лежала въ его бюро. Оцѣнка-то гражданской дѣятельности, въ сопоставленіи ея съ авторскою, безъ сомнѣнія, и заставила Державина сказать о самомъ себѣ:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

Пушкинъ справедливо замѣтилъ на это, что „слова“ поэта уже— дѣла его.

Гаврило Романовичъ обладалъ громаднымъ самолюбіемъ. У него были свои идеи и эти идеи онъ отстаивалъ съ жаромъ, съ запальчивостью, не разбирая лицъ. Это былъ другой А. П. Сумароковъ въ спорахъ. Разъ Державинъ былъ на докладѣ у императрицы Екатерины, какъ ея статсъ-секретарь. Въ жару спора онъ схватилъ императрицу за пуговицу кофты. Императрица позвонила. Вошелъ слуга. „Кто еще есть въ статсъ-секретарской?“ „В. С. Поповъ“. „Позови его сюда“. Вошелъ Поповъ. „Василій Семенычъ, посиди пожалуйста здѣсь, сказала Екатерина— вотъ этотъ господинъ ужь слишкомъ даетъ волю рукамъ“.

Державинъ сталъ извиняться, такъ какъ тутъ только замѣтилъ, что дѣйствительно поступилъ непочтительно въ отношеніи императрицы и дамы.

„Ничего, продолжайте вашъ докладъ, я слушаю“, замѣтила Екатерина. Но послѣ этого доклада Державинъ уже пересталъ быть статсъ-секретаремъ императрицы.

Если уже Екатерина находила, что должно быть что-нибудь было въ характерѣ Державина, какъ и Сумарокова, если они не уживались ни съ кѣмъ, то государственная служба Державина при ея внукѣ, повидимому, подтверждала мнѣніе императрицы. Державинъ, министръ юстиціи, заставилъ разъ Александра сказать ему: „ты всегда хочешь меня учить; я—самодержавный государь, и такъ хочу!“ [1]). Такимъ языкомъ утонченный въ обращеніи Александръ не говорилъ ни одному изъ другихъ министровъ.

Какъ генералъ-прокуроръ и министръ юстиціи, Державинъ успѣлъ поставить сенатъ въ лично-враждебныя къ себѣ отношенія. Мнѣ-

[1]) Державинъ, Записки, 481.

нія Потоцкаго и другихъ сенаторовъ и контр-мнѣнія Державина носили на себѣ отпечатокъ личной вражды и желанія колоть намеками, что еще болѣе ожесточало обѣ стороны.

Самолюбіе Державина иногда подавало поводъ къ злымъ насмѣшкамъ и нападкамъ. Разъ онъ получаетъ письмо, но видитъ, что почтальонъ ошибся: письмо было адресовано *оберъ-священнику* Державину. Такъ есть другой Державинъ? Этого Гаврило Романычъ не предполагалъ, или не хотѣлъ предполагать. Это вызвало со стороны его двустишіе:

Одинъ есть Богъ, одинъ Державинъ,
Одна мнѣ рѣка — древній Навинъ.

Оберъ-священникъ, его однофамилецъ, взглянулъ на это двустишіе не вполнѣ какъ на шутку и отомстилъ самолюбивому поэту колкою эпиграммою.

Державина-поэта знала вся Россія; но государственная дѣятельность часто навлекала ему однѣ непріятности. Наконецъ, выйдя въ отставку, онъ окончательно посвятилъ себя покою и литературѣ. Лѣтомъ онъ жилъ въ своей деревнѣ Званкѣ, на Волховѣ; зимою въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ, на Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста, гдѣ теперь римско-католическая духовная коллегія. Петербургскій домъ его былъ отстроенъ по плану самого Державина. Онъ выходилъ окнами въ садъ и стоялъ на дворѣ; къ воротамъ, выходившимъ на улицу, шли крыльями два флигеля. „Его превосходительство дома“, чинно говорилъ швейцаръ входившему гостю. Но Державинъ дома былъ не тотъ горячій, рѣзкій государственный сановникъ, какимъ мы видѣли его въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ. Тутъ онъ мало обращалъ вниманія на свои титула, принималъ гостя открыто и радушно, безъ всякихъ формальностей. Его обыкновенно можно было застать за книгою, въ халатѣ, фуфайкѣ и колпакѣ. За пазухою халата непремѣнно торчала крошечная бѣлая собачка, Бибишка. Не столько Гаврило Романычъ не могъ обойтись безъ этой Бибишки, сколько она безъ него. Она или сидѣла около него на диванѣ, или чаще на груди подъ халатомъ. Иначе Бибишка была сама не своя, и визгу и крику было на цѣлый домъ.

Съ Бибишкой былъ связанъ эпизодъ изъ жизни Гаврила Романовича, бросающій свѣтъ на характеръ его, какъ частнаго че-

ловѣка. Къ нему за пособіемъ долго ходила старушка-вдова. Бибишка ходила съ нею. Потомъ, когда немощи стали мѣшать старушкѣ самой ходить къ нему, онъ, гуляя, сталъ самъ заносить ей ея пенсію. Старушка изъ благодарности отдала ему единственную свою драгоцѣнность — Бибишку, и съ тѣхъ поръ Бибишка стала неотлучнымъ другомъ Гаврила Романовича.

Кабинетъ Державина былъ уставленъ книгами; книги были даже на двери, ведшей изъ кабинета, такъ что непривычный посѣтитель, попавшій къ Державину, останавливался въ недоумѣніи, какъ выйти. Книга и грифельная доска были постоянными товарищами уединенія Державина. Писать стихи прежде на грифельной доскѣ было тѣмъ удобнѣе для него, что онъ усидчиво дѣлалъ исправленія въ нихъ, хотя, какъ замѣчаетъ И. И. Дмитріевъ, не всегда удачно. Дмитріевъ, по старой дружбѣ, исправлялъ иногда стихи его и нерѣдко расходился съ нимъ въ мнѣніяхъ. Вообще Державинъ, какъ критикъ, былъ очень своеобразенъ. Поэтъ восхитившій такъ своими стихами „На смерть кн. Мещерскаго“ еще незнакомаго ему И. И. Дмитріева, что тотъ непремѣнно хотѣлъ узнать фамилію автора, и съ этого времени близко сошелся съ нимъ,—Державинъ, по замѣчанію Жихарева, часто одобрялъ именно тѣ мѣста своихъ стихотвореній, которыя, на взглядъ постороннихъ судей, были иногда слабы, и напротивъ не придавалъ особенной цѣны тому, что восхищало другихъ въ его глазахъ. Характеристична также его привязанность къ произведеніямъ нѣкоторыхъ писателей, какъ, напримѣръ, Боброва, теперь совсѣмъ забытаго и которому въ его время никто не приписывалъ особеннаго таланта.

Вѣчно за книгой и въ халатѣ, Державинъ дряхлѣлъ лѣтами, но постоянно отзывался на все, что выдавалось въ литературѣ и въ политикѣ. Энергическій противникъ министровъ и сенаторовъ, несходившихся съ нимъ въ мнѣніяхъ, рѣзкій защитникъ своихъ теорій у престола, Державинъ продолжалъ быть эхомъ общества, какъ поэтъ. Багратіонъ, одно время кумиръ московскаго и петербургскаго общества за свою молодецкую борьбу съ арміями Наполеона, былъ въ его стихахъ Богъ-рати-онъ. И это не была лесть со стороны ветерана-министра второстепенному генералу. Тутъ, какъ и въ своихъ одахъ, написанныхъ прежде, Державинъ

былъ отголоскомъ общества, иногда кружка, партіи, эхомъ своего времени, и если его лира, гремѣвшая оды, звучала иногда надтреснутою струною, если въ этихъ одахъ не слышно было души, хватающей чужую душу и заставляющей ее жить жизнью поэта — то разгадка этого въ духѣ и образѣ мыслей современнаго ему общества.

Стоило заговорить о литературѣ, коснуться какого-нибудь новаго явленія въ ней — и старикъ-Державинъ оживалъ. Старчески отдутая внизъ губа выправлялась; блѣдное, худое лицо въ морщинахъ оттѣнялось краскою; мутные глаза свѣтились огнемъ. Вспомнимъ лицейскій актъ 1815 года, почти наканунѣ смерти старца-поэта. Юноша Дельвигъ бѣжитъ на лѣстницу; ждутъ Державина на актъ, и молодой другъ Пушкина, лежебокъ и забіяка между товарищами, но подъ этою личиною живо чувствующій поэтическія красоты, знающій наизусть многихъ писателей и въ томъ числѣ Державина, Дельвигъ непремѣнно хочетъ дождаться маститаго поэта на лѣстницѣ и поцѣловать у него руку. Пріѣхалъ Державинъ. Дельвигъ прислушивается. „Гдѣ, братецъ, тутъ выйти?“ спрашиваетъ Гаврило Романовичъ у швейцара. Проза жизни обдала молодого поэта холодною водою. Онъ уже не желаетъ поцѣловать руку Державина. Разбитымъ, усталымъ старцемъ садится Державинъ и за столъ экзаменаторовъ. Онъ облокотился на руку и, повидимому, не слышитъ; блѣдно морщинисто лицо его; въ глазахъ нѣтъ выраженія. Но вотъ начался экзаменъ изъ словесности — говоритъ Пушкинъ — и старикъ Державинъ ожилъ, сталъ другимъ человѣкомъ. Пушкинъ долженъ былъ произнести имя Державина въ читанномъ имъ тутъ стихотвореніи; онъ переконфузился и послѣ экзамена убѣжалъ. Его искали, говорили, что Державинъ хотѣлъ обнять его; но не нашли. Этотъ случай, безъ сомнѣнія, подалъ поводъ сказать:

Старикъ-Державинъ насъ замѣтилъ
И въ гробъ сходя благословилъ.

Позже Пушкинъ строже относился къ Державину, какъ къ поэту. Въ одномъ изъ писемъ его, относящихся къ 1825 году, онъ говоритъ, что кумиръ Державина былъ на $^1/_4$ золотой и на $^3/_4$ желѣзный и о что лучшихъ сочиненіяхъ Державина трактуютъ точ-

но такъ-же, какъ и о плохихъ, что Державинъ, словомъ, еще ждетъ себѣ критика.

Казанскій дворянинъ и потомъ рядовой солдатъ въ полку, писавшій письма за своихъ менѣе грамотныхъ пріятелей, за что тѣ, въ свою очередь, отбывали за него службу, впослѣдствіи поэтъ, открывшій свою извѣстность „Фелицею“—одою въ честь Екатерины II, называвшей эту оду „хитро сложеннымъ пукомъ похвалъ“, и государственный человѣкъ, Державинъ былъ трудолюбивъ и кропотливъ въ работѣ какъ писатель. Онъ собиралъ для своихъ стихотвореній матеріялъ постепенно, втеченіе долгаго времени. Такъ разъ И. И. Дмитріевъ разсказалъ ему о пойманной щукѣ съ голубымъ перомъ. Чрезъ два года „щука съ голубымъ перомъ“ является въ посланіи Державина къ гр. Безбородко [1]). Сидя у себя дома въ креслахъ, онъ иногда, повидимому, спалъ среди гостей, но въ сущности это было только средствомъ отдѣлаться отъ пустыхъ толковъ и разговоровъ, и онъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ.

Въ рѣзкомъ и сварливомъ въ его официальной дѣятельности Державинѣ былъ чувствительная и даже отчасти сантиментальная душа. Онъ очень любилъ свою первую жену, Екатерину Яковлевну, и впослѣдствіи, по смерти ея, уже женатый второй разъ, онъ нерѣдко, наклонясь надъ тарелкой за обѣдомъ, забывалъ все, погруженный въ воспоминанія прошлаго и машинально чертилъ вилкой на тарелкѣ вензель Е. Д. (Екатерина Державина). Но въ это время, когда, можетъ быть, въ умѣ его проносились дни, когда онъ сидѣлъ въ своемъ атласномъ голубомъ кафтанѣ, въ которомъ такъ часто заставалъ его Дмитріевъ, въ сообществѣ любимой жены—вдругъ раздавался рѣзкій голосъ его второй жены (свояченицы Капниста):

— Ганичка! что это такое ты дѣлаешь?

Дѣйствительность будила поэта, и онъ, сконфуженный, пробуждался вновь для рутины жизни.

---

[1]) Ж. М. Н. Просв., т. 35, отд. VI, 88.

Крыловъ. Еще до 1824 г., по иниціативѣ гр. А. И. Орловой, 57 русскихъ писателей взялись перевести и перевели басни Крылова на французскій языкъ. Успѣхъ басень Крылова задолго предъ тѣмъ наводнилъ баснями русскую литературу. Въ 1816 г. одинъ безвѣстный литераторъ Лузановъ доставлялъ книгопродавцу-издателю не менѣе 2—3 басень въ недѣлю. Писать басни было модой. Уваровъ, въ письмѣ къ Штейну писалъ, что классики — слишкомъ скучное чтеніе для русской публики, „которая свыше басень Крылова ничего не хочетъ“. Впрочемъ критика вообще не благоволила къ баснѣ. Проф. Давыдовъ возставалъ въ Москвѣ противъ увлеченія этимъ родомъ литературы. Когда одному ученому нѣмцу на вопросъ его: какой родъ литературы въ Россіи самый популярный?—назвали басню, онъ замѣтилъ: „помилуйте, это показываетъ лишь младенчество литературы!“ Но предъ критикою домашнею и заграничною не останавливались, и басня продолжала быть самымъ популярнымъ родомъ литературы, пока около тридцатыхъ годовъ не смѣнила ее сказка.

Крылова вообще такъ честили, что слѣдующіе стихи Рылѣева, написанные при слухѣ, что съ Крыловымъ параличъ, навѣяны были слишкомъ мизантропическою музою:

Нѣтъ одобренія талантамъ никакого,..
Въ Россіи глушь и дичь.
О дарованіяхъ Крылова
Едва напомнитъ параличъ.

Карамзинъ. Увезенный изъ Симбирска 19 лѣтъ отъ картъ—которымъ онъ было предался со страстью — И. П. Тургеневымъ въ Москву, Карамзинъ съ романтическимъ направленіемъ своихъ первыхъ произведеній, съ чувствомъ, находившемъ даже въ стихахъ кн. Шаликова что-то „тепленькое“, умѣлъ соединить свободное мышленіе, бывшее въ ходу въ концѣ прошлаго столѣтія. Его описываютъ въ молодости человѣкомъ, который могъ увлекаться Робеспьеромъ. Императору Павлу присланъ былъ доносъ, что Карамзинъ — атеистъ. Къ чести Павла, онъ бросилъ этотъ анонимный доносъ въ каминъ. Попечитель московскаго учебнаго округа, Голенищевъ-Кутузовъ, доносилъ министру просвѣщенія, Разу-

мовскому, что сочиненія Карамзина наполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда. И Карамзинъ же, въ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ, оспаривалъ его мнѣніе о народномъ самоуправленіи, такъ что царь былъ несравненно либеральнѣе своего собесѣдника. Извѣстно, впрочемъ, что Карамзинъ былъ крѣпостникъ по убѣжденіямъ. Бѣлинскій, приводя параллельно два противоположныя мнѣнія о Карамзинѣ, отказывается стать на сторонѣ того или другого, но загадочною личность русскаго историографа перестаетъ быть, какъ скоро обратить вниманіе на него какъ на человѣка убѣжденій. Противникъ реформъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I, противникъ конституціоналиста Сперанскаго, защитникъ крѣпостнаго права — Карамзинъ могъ быть такимъ образомъ и якобинцемъ, и полнымъ консерваторомъ. Стоя за права дворянства, Карамзинъ долженъ былъ объявить себя противъ Ивана Грознаго,—такъ сказать, за кн. Курбскаго,—и противъ Петра, палка котораго сравнивала всѣ сословія. Другъ Новикова и членъ Дружескаго общества впослѣдствіи получаетъ деньги на изданіе исторіи чрезъ посредство Аракчеева; громитъ Грознаго, возстаетъ, такъ сказать, на троны и—въ своей запискѣ съ эпиграфомъ: „нѣсть лести на языцѣ моемъ“ (аракчеевскій, нѣсколько видоизмѣненный девизъ)—стоитъ за рабовладѣніе. Не одни потомки, какъ Бѣлинскій, но и современники, какъ Пушкинъ, останавливались въ сомнѣніи надъ сочиненіями Карамзина. Пушкинъ говорилъ, съ одной стороны, что Карамзинъ „открылъ русскую исторію“, но, съ другой стороны, онъ замѣчалъ объ этомъ открытіи:

> Въ «Исторіи» изящность, простота
> Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
> Необходимость самовластья
> И прелести кнута.

Личность Карамзина, какъ писателя, можетъ быть очерчена въ немногихъ словахъ. Онъ былъ олигархъ —представитель дворянскаго класса. Человѣкъ несомнѣнно свободномыслящій, онъ притуплялъ свою свободную мысль о доказательства необходимости безправія массъ.

Бесѣда любителей россійскаго слова, съ ея враждебнымъ Западу направленіемъ, явилась въ 1811 г., въ эпоху всеобщаго

настроенія умовъ противъ Франціи. Шишковъ, будучи разъ у Державина, предложилъ устроить чтенія, которыя бы поочередно происходили у нихъ и у сенаторовъ гр. Хвостова и Захарова. Это положило начало обществу. Въ рядахъ членовъ бесѣды смѣшался „литералитетъ“—по выраженію кн. Вяземскаго—съ „генералитетомъ“. Бесѣду называли ея противники „литературнымъ монастыремъ“, гдѣ были свои монахи и свои служки. Попечителями общества были гр. Завадовскій, адмиралъ Мордвиновъ, гр. Разумовскій и И. И. Дмитріевъ.

Архимандр. Филаретъ (послѣ митрополитъ московскій) писалъ въ „Бесѣду“ о событіяхъ 1812 г. Но главными, такъ сказать, присяжными дѣятелями ея были: Шишковъ, гр. Хвостовъ и кн. Шаховскій.

Адмиралъ Шишковъ, ополчившійся въ своемъ сочиненіи „О старомъ и новомъ слогѣ“ на Карамзина, былъ рьяный противникъ западнаго вліянія. Новыя понятія, входившія въ русскую жизнь съ запада, вносили съ собою новыя слова въ русскую рѣчь. Шишковъ стоялъ во главѣ тѣхъ, кто старался противодѣйствовать этому иноземному наплыву. Люди этой школы не препятствовали, напр., распространенію на Руси иноземной игры на бильярдѣ, но только хлопотали, чтобы бильярдъ назывался „шарокатомъ“. Противникомъ старой школы былъ въ особенности Карамзинъ и на него болѣе всего нападали шишковисты. Шишковъ говорилъ, что онъ ни за что не дастъ въ руки своей дочери „Наталью, боярскую дочь“ Карамзина. Литераторовъ карамзинской школы онъ называлъ „шайкою писателей“. Пушкинъ (В. Л.), представляя Шишкова, произнесъ:

И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить
Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить.

Иногда полемика Шишкова съ противниками принимала рѣзкій характеръ. Такъ, разъ почтенный адмиралъ замѣтилъ, что въ словѣ „око“ встрѣчается два *о*, потому что око кругло. Кн. Дашковъ подхватилъ это замѣчаніе и привелъ, что въ словахъ „шаръ“ и „кругъ“ нѣтъ ни одного *о*, а между тѣмъ то и другое несомнѣнно кругло. Шишковъ былъ задѣтъ за живое и, возражая, какъ-то ловко ввернулъ фразу: „и сотвори ти подзатыльницу“. Дашковъ не далъ понять, куда направлена была фраза, но на-

писалъ также ловкій отвѣтъ, въ который вклеилъ слова: „и абіе воздамъ тебѣ сторицею“.

Кн. Шаховской извѣстенъ нѣсколькими удачными комедіями. Плотный и массивный сложеніемъ, съ небольшою головою и большимъ носомъ, съ визгливымъ и крикливо-тонкимъ голосомъ, съ особеннымъ умѣньемъ пришептывать, произносить одни звуки вмѣсто другихъ и нѣкоторые совершенно скрадывать въ разговорѣ; выходившій иногда изъ себя отъ негодованія, ярый и набрасывавшійся, съ тѣмъ, чтобы чрезъ минуту стихнуть, опуститься и сдѣлаться добродушнымъ, какъ ребенокъ, — кн. Шаховской былъ не только комическимъ писателемъ своего времени и директоромъ театра, но даже учителемъ актеровъ въ декламаціи. Въ сатирахъ своихъ Шаховской, по выраженію Гнѣдича, кололъ булавками; тогда какъ, говоритъ Гнѣдичъ, сатирикъ долженъ бить кинжалами. Тѣмъ не менѣе булавки кн. Шаховскаго кололи иногда больно.

Гр. Хвостовъ былъ женатъ на дочери Суворова, Натальѣ Александровнѣ. Мужъ любимой дочери Суворова, „Наташи Суворочки“, какъ называлъ ее писавшій къ ней дружескія письма отецъ, гр. Хвостовъ и этимъ уже долженъ былъ много пріобрѣсти въ обществѣ. Гр. Хвостовъ писалъ хотя не обнаруживалъ никакого таланта. Впрочемъ добродушный графъ писалъ иногда эпиграммы, которыми обижались. Узнавъ, что ген. Львовъ собирается подняться съ Гарнереномъ на воздушномъ шарѣ, Хвостовъ написалъ на него эпиграмму:

Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ
Просить боговъ
О заплатѣ долговъ.

Львовъ, садясь въ гондолу, отвѣчалъ Хвостову экспромтомъ:

Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ
Хвосты есть у кнутовъ,—
Берегись Х (х) востовъ!

Соль каламбура заключалась, конечно, въ послѣднемъ словѣ.

Извѣстна также эпиграмма гр. Хвостова на Крылова:

Небритый и нечесанный,
Взвалившись на диванъ,
Какъ будто неотесанный
Какой-нибудь чурбанъ,

Лежитъ совсѣмъ разбросанный
Зоилъ Крыловъ Иванъ

Хвостовъ былъ страстный охотникъ читать свои стихи. Батюшковъ охарактеризировалъ эту страсть въ двухъ куплетахъ:

Пѣвецъ.

Пора домой, пора ко сну!
Отъ хмѣля я шатаюсь...

Хвостовъ.

Дай басню я прочту одну
И послѣ распрощаюсь.

Какъ-то удалось Хвостову написать недурные стихи на освященіе Казанскаго собора. Сейчасъ же явилась эпиграмма:

Хвостовъ стихи скропалъ—и, говорятъ, не худо.
Вотъ храма новаго неслыханное чудо!

Вообще надъ Хвостовымъ считали долгомъ потѣшаться друзья и недруги. Измайловъ, называвшій Хвостова „послѣднѣйшимъ изъ пѣвцовъ“, но вообще бывшій ему благопріятелемъ, посѣтивъ разъ гостинницу Троицкаго посада, у Лавры, и видя массу надписей на стѣнахъ комнаты, написалъ въ подражаніе Хвостову тутъ же на стѣнѣ:

Ахъ, ради Феба и Каменъ
Молю прохожихъ и проѣзжихъ,
Не пачкайте стихами стѣнъ!
За глупые стихи сѣчь нужно бы на съѣзжихъ.

И подписался подъ стихами „другъ графа Хвостова“.

Впрочемъ, графъ Хвостовъ былъ добрѣйшая душа въ мірѣ. Стоило ему узнать о несчастіи кого-нибудь — какъ онъ тотчасъ же спѣшилъ помочь, чѣмъ могъ. Такъ, узнавъ, что обремененный семействомъ нѣмецъ Маздорфъ, совершенно незнакомый ему человѣкъ, находится въ большой нуждѣ въ провинціи, онъ беретъ въ сенатѣ свое жалованье впередъ и посылаетъ Маздорфу 100 руб. Суворовъ, дядя Хвостова по женѣ, умирая, опасался, что племянникъ напишетъ эпитафію на его гробницѣ. „Митюша — говорилъ онъ — не черти моей гробницы, а развѣ только напиши: „здѣсь лежитъ Суворовъ“. За графомъ впослѣдствіи ходили всюду два гайдука, карманы которыхъ, какъ и карманы графа были набиты стихотвореніями на разные случаи. Страсть графа, читать свои произведенія доходила до того, что онъ держалъ нарочно чиновниковъ, на обязанности которыхъ лежало слушать и читать его

произведенія. Говорятъ, что не смотря на хорошее жалованье, такіе чиновники больше года у графа не выживали. Хвостовъ подсаживался иногда даже къ незнакомымъ лицамъ въ Лѣтнемъ саду и читалъ имъ свои стихи. О гр. Канкринѣ ходитъ анекдотъ, что онъ, чтобы отдѣлаться отъ Хвостова съ его чтеніемъ, сказалъ ему, что онъ серьезно пожалуется государю, если графъ-поэтъ будетъ читать ему свои произведенія, такъ какъ примѣръ въ такой степени заразителенъ, что и онъ — графъ Канкринъ — каждый разъ, услыхавъ стихи гр. Хвостова, принимается самъ писать стихами и этимъ отрываетъ время у государственныхъ занятій, чрезъ что терпитъ его служба и исполненіе долга.

Кн. Меньшиковъ, продолжая шутку гр. Канкрина (шутка была, впрочемъ, принята Хвостовымъ за серьозное), передалъ Хвостову, что Канкринъ дѣйствительно намѣренъ сказать государю и что ему—Хвостову—можетъ быть предстоитъ ссылка въ Сибирь. Канкринъ этимъ средствомъ избавился отъ слушанья хвостовскихъ стиховъ.

Жуковскій дѣлается извѣстнымъ литературными опытами съ 1797 г., когда ему было 15 лѣтъ. Затѣмъ онъ дружится съ кн. Вяземскимъ, Блудовымъ и др. и составляетъ съ ними отдѣльный литературный кружокъ, который можно назвать карамзинскимъ. Между главою и членами кружка существовали, впрочемъ, опредѣленныя отношенія. Такъ Жуковскій и Блудовъ были между собою на „ты“, но Карамзину говорили „вы“. Натура Жуковскаго высказалась въ словахъ его письма къ Тургеневу въ 1812 году. — „Жить—еще ничто—писалъ онъ исправленными словами нѣмецкаго автора Миллера;—жить и думать—кое-что; жить, думать и чувствовать — все“.

Больше поэтъ сердца, чѣмъ мыслитель, Жуковскій былъ представителемъ своей эпохи, но не оказалъ особеннаго вліянія на развитіе русской мысли. Онъ болѣе извѣстенъ какъ дѣятельный членъ „Арзамаса“.

Арзамасъ. На дачѣ С. С. Уварова, на рѣчкѣ Карповкѣ, подъ Петербургомъ, была выстроена бесѣдка, посвященная Штейну, извѣстному прусскому государственному человѣку, познакомившемуся съ Уваровымъ въ пріѣздъ свой въ Россію въ 1812 г. и находившемуся послѣ съ нимъ въ перепискѣ. Въ этой бесѣдкѣ нерѣдко собиралось литературное общество, „Арзамасъ“. Это общество явилось въ противодѣйствіе „Бесѣдѣ любителей россійскаго слова“. „Арзамасъ“ и „Бесѣда“ были два противоположные лагеря. Арзамасцы большею частію въ своихъ ироническихъ и шуточныхъ произведеніяхъ издѣвались надъ Хвостовымъ, Шишковымъ и другими „бесѣдистами“. „Арзамасомъ“ названо было это общество вслѣдствіе того, что въ 1815 году Арзамасъ, городъ, былъ у многихъ на языкѣ. Подтрунивали надъ поѣздкою въ Арзамасъ живописца Ступина для основанія тамъ школы живописи (Ступинъ послѣ оказалъ услуги улучшенію иконописанія). По словамъ другихъ, названіе Арзамаса дано было по иной причинѣ. Блудовъ написалъ стихотвореніе „Видѣніе въ Арзамасѣ“ (Арзамасъ—трактиръ), направленное противъ Шишкова и Шаховскаго. Извѣстенъ стихъ Блудова на обоихъ своихъ антагонистовъ:

Они умомъ равны, обоихъ зависть мучитъ,
Но одного сушитъ она, другаго — пучитъ.

Шишковъ, въ противоположность полному Шаховскому, былъ худъ. Шаховскаго „арзамасцы“ въ печати звали Шутовскимъ. Это названіе было пущено въ ходъ кн. Вяземскимъ. Стихъ:

Ты въ шубахъ Шутовской холодный
Въ водахъ ты Шутовской сухой.

всѣ тотчасъ отнесли къ кн. Шаховскому. Эпиграмма эта была сочинена по поводу комедіи его „Расхищенныя Шубы“ и „Липецкія Воды“. Въ „Липецкихъ Водахъ“ Шаховской (выведшій предъ тѣмъ въ комедіи „Новый Стернъ“ Карамзина) выводитъ на сцену Жуковскаго въ лицѣ жалкаго вздыхателя Фіялкина и потому гнѣвъ арзамасцевъ былъ понятенъ. Юмористическо-ироническимъ оттѣнкомъ своихъ засѣданій „Арзамасъ“ былъ преимущественно обязанъ Жуковскому и Блудову. Мечтательный поэтъ и авторъ балладъ, Жуковскій былъ вмѣстѣ большой поклонникъ юмора и дружескихъ стиховъ на распашку. Извѣстно, напр., „Объясненіе портнаго въ любви“, написанное имъ вмѣстѣ съ Блудовымъ на

нѣкоего Л. У. Это объясненіе попало въ старинные пѣсенники и самъ несчастный Л. У. названъ былъ его авторомъ. „Объясненіе“ начинается словами:

„О ты, которая пришила
Меня къ себѣ любви иглой
Какъ самый крѣпкій швъ двойной“,

замѣчаетъ, что

«Нагрѣто сердце какъ утюгъ»

и патетически заключается фразою:

«Умретъ несчастный твой портной».

Жуковскій, и въ особенности Блудовъ, отличались такими игривыми выходками.

Жуковскій былъ главнымъ дѣятелемъ на арзамасскихъ засѣданіяхъ. Новые члены принимались въ общество съ курьезными обрядами, которые иногда могли быть щекотливы для принимаемыхъ, еслибы все не отзывалось дружескою шуткою.

Вспомнимъ, напр., пріемъ Вас. Льв. Пушкина, какъ его описываетъ М. М. Дмитріевъ („Мелочи изъ запаса моей памяти“). Сибаритъ, человѣкъ любившій пожить и имѣвшій лучшаго повара въ Москвѣ; писатель, стихи котораго терпѣли изъ-за произведеній его кухни, къ которому племянникъ его, А. С. Пушкинъ, обратился со стихами:

Нѣтъ, нѣтъ! Ты мнѣ совсѣмъ не братъ!
Ты «дядя» мой и на Парнассѣ...

Сотоварищъ всѣхъ — стариковъ и молодого поколѣнія, Василій Львовичъ пожелалъ вступить въ число членовъ „Арзамаса“, и пріемъ совершился съ курьезными подробностями. Его было исключили изъ членовъ „Арзамаса“ за одни плохіе стихи, но приняли вновь, получивъ отъ него посланье, гдѣ, между прочимъ, говорилось:

Я оскорбилъ вашъ слухъ, вы оскорбили друга...

Каждый членъ „Арзамаса“ носилъ особенное названіе, взятое изъ балладъ Жуковскаго. Слѣдующее извлеченіе изъ протокола двадцатаго арзамасскаго засѣданія знакомитъ насъ съ большею частью этихъ названій:

Сѣлъ Арзамасъ за столъ съ величавостью скромной и мудрой насѣдки,
Сѣлъ Арзамасъ — и явилось въ тотъ мигъ небывалое чудо:

Нѣчто пузообразное, пупомъ вѣнчанное вздулось,
Громко взбурчало, и вдругъ гармоніей Арфы стало бурчанье.
Члены смутились. Рейнъ дернулъ за кофту Старушку.
Съ страшной перхотой Старушка бросилась въ руки Варвику.
Журка клюнулъ Пустынника, тотъ за хвостъ Асмодѣя.
Началъ бодать Асмодѣй Громобоя, а этотъ облапилъ,
Сморщась, какъ дряхлый сморчокъ, Свѣтлану. Одна лишь
Кассандра
Тихо и ясно, какъ пень благородный, съ своимъ протоколомъ,
Ушки сжавши и рыльце поднявъ къ милосердому небу,
Въ креслахъ сидѣла. — „Уймись Арзамасъ!“ возгласила
Кассандра.

Займемся перечисленіемъ приведенныхъ членовъ арзамасскаго собранія:

Эолова Арфа былъ А. И. Тургеневъ. Полное сложеніе его нерѣдко изощряло дружеское остроуміе Жуковскаго. Тучный и флегматикъ съ виду, Тургеневъ былъ, однако, однимъ изъ самыхъ энергическихъ дѣятелей въ свое время. Онъ въ одно время занималъ нѣсколько видныхъ должностей: былъ правою рукою Новосильцева и послѣ кн. Голицына.

Рейномъ назывался М. Ѳ. Орловъ—одинъ изъ наиболѣе образованныхъ военныхъ своего времени.

Старушкою называли С. С. Уварова, впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія.

Варвикъ былъ Н. И. Тургеневъ.

Журкой называли Ф. Ф. Вигеля, автора недавно напечатанныхъ „Воспоминаній“. Журка—сокращеніе „журавль“ („Ивиковы Журавли“) и было намекомъ на то, что у Вигеля былъ большой носъ. Внимательный наблюдатель происходившаго вокругъ него и сатирикъ по природѣ, Вигель можетъ быть чаще, чѣмъ бы слѣдовало, желчно отзывался о личностяхъ въ своихъ характеристикахъ. Къ нему были обращены стихи:

И въ Москвѣ, въ Нерчинскѣ-ль, въ Ригѣ-ль
Нѣтъ нигдѣ тебѣ житья.
О, Филиппъ Филиппычъ Вигель
Не красна судьба твоя!

Пустынникъ— Д. А. Кавелинъ.

Асмодей—кн. П. А. Вяземскій. Начавъ писать въ молодыхъ лѣтахъ, Вяземскій (сынъ извѣстнаго генералъ-прокурора Екатерины II, кн. А. И. Вяземскаго) скоро примкнулъ къ числу писателей новой школы. Сжатый, упругій, какъ хлыстъ свитый изъ ремней, стихъ его бичевалъ сильно, безпощадно. Это былъ преимущественно сатирическій талантъ. Кн. Д. П. Горчаковъ, А. Ѳ. Воейковъ и Вяземскій были тріумвиратомъ сатириковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Громобой — С. П. Жихаревъ, извѣстный „Дневниками“ студента и чиновника, „черно-желтый Жихаревъ“, по замѣчанію современниковъ, чѣмъ объясняется сравненіе съ сморчкомъ въ арзамасскомъ протоколѣ.

Свѣтлана — Жуковскій, онъ же секретарь и протоколистъ „Арзамаса“. Рожденный въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ домѣ Буниныхъ, отъ турчанки (онъ получилъ фамилію отъ своего крестнаго отца), Жуковскій поступилъ впослѣдствіи въ московскій университетскій пансіонъ. Онъ началъ писать впервые въ 1797 г., будучи 15 лѣтъ отъ роду. То, что Жуковскій родился отъ турчанки, даетъ замѣтить Вигелю въ его „Воспоминаніяхъ“, что самые видные изъ русскихъ писателей имѣли въ своихъ жилахъ частицу восточной крови: предокъ Пушкина былъ арабъ, Державинъ производилъ себя отъ мурзы Багрима, въ фамили Карамзина слышатся татарскіе звуки. Поклонникъ мечтательной германской музы, Жуковскій дѣлается извѣстнымъ съ 1812 года патріотическими стихами „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, затрогивавшими сильнѣе и живѣе многихъ другихъ патріотическія струны. Нѣсколько времени спустя Жуковскому выдано было 4,000 р. отъ имени имп. Александра на изданіе его сочиненій. Въ это время средства Жуковскаго были весьма ограниченны, такъ что ему съ Блудовымъ (тоже бѣднымъ до полученія наслѣдства) случалось довольствоваться одними щами у Гаврилы, слуги и дядьки Блудова. Вскорѣ послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ, Жуковскій былъ представленъ С. С. Уваровымъ имп. Маріи Ѳеодоровнѣ и назначенъ преподавателемъ русскаго языка къ вел. княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Жуковскій тутъ вмѣстѣ училъ и учился. Великой княгинѣ онъ объяснилъ русскихъ писателей, а она ему указывала нѣмецкія сочиненія, достойныя вниманія и заставила его полюбить

нѣмецкую литературу. Уроки его, въ сущности, походили на оживленную бесѣду, гдѣ пріобрѣтала та и другая сторона. Изъ писемъ Сперанскаго къ дочери видно, что въ 1817 г. Жуковскій совершенно заключился въ дворцѣ и его почти не видали въ прежнемъ дружескомъ кругу. Переходъ для Жуковскаго былъ, какъ кажется, труденъ и тяжелъ, но онъ послѣ свыкся съ своимъ новымъ положеніемъ. Съ этого времени онъ всецѣло предался своему новому дѣлу и, ознакомивъ съ русскою литературою будущую императрицу, приготовился къ выполненію болѣе трудной задачи—къ воспитанію ея старшаго сына, котораго ждалъ впослѣдствіи русскій престолъ.

Кассандра—Блудовъ, другъ и соратникъ по литературѣ Жуковскаго. Блудовъ былъ внукъ Тишина, приказнаго, извѣстнаго по дѣлу Долгорукихъ, сообщеніе котораго повело къ колесованію сосланнаго Ивана Долгорукаго. Живой и игривый умъ Блудова находилъ себѣ большую пищу въ вопросахъ, занимавшихъ Арзамасъ.

Нѣкоторые изъ замѣчательныхъ членовъ Арзамаса въ приведенныхъ стихахъ не упомянуты. Они были:

В. Л. Пушкинъ, о которомъ упомянуто было выше—староста Арзамаса. Его прозваніе было Вотъ. Онъ былъ ревностнымъ участникомъ въ засѣданіяхъ общества. Разъ онъ было разсердился на своихъ товарищей, но вскорѣ написалъ имъ арзамасское посланіе, начинающееся словами: „Вотъ я васъ!“ (отсюда его прозваніе „Вотъ“).

Нѣкоторыя стихотворенія Василья Львовича пріобрѣли, впрочемъ, извѣстность; напр., „Опасный сосѣдъ“, начинающееся стихомъ:

Славянофиловъ кумъ, угрюмый нашъ пѣвецъ..

Тутъ впервые упоминается „славянофилъ“—слово, вослѣдствіи сдѣлавшееся ходячимъ въ литературѣ. Подъ „угрюмымъ пѣвцомъ“ подразумѣвался извѣстный перелагатель псалмовъ и авторъ духовныхъ пѣсенъ, морякъ кн. Шихматовъ, но только кн. Шихматовъ вовсе не былъ „угрюмымъ пѣвцомъ“, хотя стихъ его и отзывался торжественностью и выспренностью.

Дашковъ, солидный и всегда дѣловой членъ общества, назывался *Чу!* или попросту — Чурка. Дашкову было придано прозваніе

министра юстиціи въ Арзамасѣ, и замѣчательно, что онъ дѣйствительно сдѣлался впослѣдствіи министромъ юстиціи въ царствованіе императора Николая, когда Блудову порученъ былъ другой портфель—министра внутреннихъ дѣлъ.

Батюшковъ носилъ названіе Ахилла и подписывался иногда Ахъ-хилъ! Другое дружеское названіе ему было Попинька, такъ какъ въ складѣ его лица было, по мнѣнію его товарищей что-то птичье. Подобно Жуковскому, бывшему въ рядахъ войска въ 1812 году и кн. Вяземскому, принимавшему участіе въ бородинской битвѣ, Батюшковъ былъ также участникомъ въ современныхъ войнахъ. Его вынесли замертво раненаго подъ Прейсишъ-Эйлау. Онъ впослѣдствіи сошелъ съума и 30 лѣтъ прожилъ въ этомъ состояніи.

Молодымъ членомъ арзамасскаго общества былъ А. С. Пушкинъ, попавшій туда прямо изъ лицея. Дядя, Василій Львовичъ, отнесся къ нему съ извѣстнымъ стихомъ:

Пятнадцать лѣтъ ему, не болѣе того?
Такъ розгами его.

Ему названіе было Сверчекъ.

Мы видѣли, что цѣлью Арзамаса было противодѣйствіе Бесѣдѣ Россійскаго слова. О Шишковѣ въ стихахъ арзамасцевъ говорится:

Кого читатели не знаютъ,
Но знаетъ бѣдный Глазуновъ,—

намекъ на книжную лавку Глазунова, заваленную сочиненіями Шишкова, которыхъ никто не раскупалъ. Нападки на гр. Хвостова были особенно рѣзки. „Притчи“ его были постоянною темою для шутокъ арзамасцевъ и настольною книгою для Жуковскаго, который на арзамасскихъ засѣданіяхъ имѣлъ ихъ постоянно подъ рукою. Въ насмѣшку надъ неблагозвучіемъ стиховъ гр. Хвостова въ Арзамасѣ читалось стихотвореніе, начинавшееся со словъ:

Се Росска Флакка зракъ! Се тотъ кто какъ и онъ
Высирь, быстро, какъ царь птицъ несъ звукъ на Геликонъ.
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ чтителя Свистова,
Кой поле испестрилъ Россійска красна слова.

Въ другомъ стихотвореніи арзамасцевъ о гр. Хвостовѣ говорится:

Дѣлами—онъ живой покойникъ,
Стихами—онъ тиранъ ушей;

По вашему онъ соловей;
Прибавьте. соловей-разбойникъ.

„Арзамасъ“ подвергся нареканіямъ со стороны части членовъ его за праздную шутливость его засѣданій и отсутствіе серьезныхъ цѣлей. Члены тайныхъ обществъ хотѣли, чтобы Арзамасъ занялся политическою дѣятельностью, пропагандою, но Блудовъ отъ лица консервативныхъ членовъ, рѣзко замѣтилъ М. Ѳ. Орлову, что Арзамасъ не измѣнитъ своей роли, что „свѣточъ“, о которомъ велъ рѣчь Орловъ, легко можетъ сдѣлаться „факеломъ поджигателя“. Арзамасъ исчезъ тихо, незамѣтно, но члены его еще долго впослѣдствіи сохраняли арзамасскія воспоминанія и назывались арзамасскими прозвищами.

Гнѣдичъ. Etudiant aux échasses—студентъ-ходульникъ—какъ называли Гнѣдича товарищи его по московскому университету, былъ столь же обходителенъ и простъ въ жизни, какъ выспренъ въ сочиненіяхъ. Батюшковъ, по его признанію, отводилъ душу въ бесѣдѣ съ Гнѣдичемъ [1]). Загоскинъ два мѣсяца писалъ посланіе къ Гнѣдичу, и такъ какъ стихописаніе для романиста-прозаика, сдѣлавшагося литераторомъ экспромтомъ, было очень трудно, то посланіе выковывалось, по замѣчанію С. Т. Аксакова, иногда въ день по четыре строчки. Въ университетѣ Гнѣдичъ отличался, между прочимъ, прилежаніемъ и терпѣніемъ. Ректоръ Чеботаревъ, въ припадкахъ подагры или хирагры, прибѣгая къ моціону, ни съ кѣмъ такъ не любилъ играть въ бабки, какъ съ Гнѣдичемъ. Первые литературные опыты Гнѣдича въ области романа были неудачны. Романъ его „Донъ-Коррадо“ вызвалъ экспромтъ Бородулина:

Всѣ грѣшники лишатся ада,
Кромѣ читателей «Коррада».

Зато греческій гекзаметръ и героическая поэма классической эпохи какъ разъ пришлись по склонной къ выспреннему натурѣ Гнѣдича и онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ переводчикъ Гомера. Какъ образецъ терпѣнія, можно привести, что Гнѣдичъ три

---

[1]) «Русская Старина», 1870, I, 66.

раза—по свидѣтельству Жихарева—перечитывалъ Телемахиду и, что замѣчательно, находилъ въ ней „безподобные“ стихи. Сатирики арзамасскаго кружка примѣняли къ Гнѣдичу стихъ изъ „Овсяннаго киселя“:

Вотъ и Гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ

Но выспренній слогъ Гнѣдича былъ не совсѣмъ не у мѣста въ то время, когда читались въ домѣ Оленина и съ восторгомъ выслушивались на сценѣ торжественно-высокіе по слогу стихи трагедій Озерова (исполненныхъ, впрочемъ, намековъ на войны того времени съ Наполеономъ). Впослѣдствіи императоръ Николай I зачитывался Иліадой, и при извѣстной роли дворца у насъ въ раздаваніи патентовъ на знаменитость литературную, какъ и всякую прочую, это сдѣлало Гомера модным чтеніемъ. Но модами нерѣдко скучаютъ, какъ доказываетъ извѣстный случай съ чтеніемъ отрывка изъ Иліады самимъ переводчикомъ у гр. Строганова. Графъ-хозяинъ слегка вздремнулъ подъ мѣрный темпъ гекзаметра. Гнѣдичъ читалъ ровно и монотонно, но вдругъ сдѣлалъ сильное удареніе на словахъ стиха „ты спишь!“. Графъ вскочилъ и съ просонокъ сталъ извиняться, что не спалъ.

Выспренность Гнѣдича, конечно, вызывала дружескія подтруниванья. Такъ Жуковскій, пародируя его гекзаметръ, писалъ къ нему:

Сладостно было принять мнѣ табакъ твой, о, выспренній Гнѣдичъ!
Буду усердно, перстами пріявши, къ преддверіямъ жаднаго носа
Прахъ сей носить благовонный и сладко чихал, сморкаться,
Будетъ платкамъ отъ него помаранье, а носу великая слава.

Глинка (С. Н.), издатель „Русскаго Вѣстника“ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, при нашествіи Наполеона получилъ, какъ говорятъ, отъ гр. Ростопчина 200,000 рублей „на возбужденіе массъ“ противъ непріятеля, но возвратилъ ихъ московскому главнокомандующему съ замѣчаніемъ, что „русскій патріотизмъ не нуждается въ возбужденіи деньгами“. Растопчинъ, нехотѣвшій поручить составленіе афишъ къ народу Карамзину (какъ тотъ самъ вызывался, живя въ Москвѣ, въ домѣ Растопчина), очень надѣялся на русскую рѣчь Глинки, хорошо писавшаго и по-французски, но

вмѣстѣ съ тѣмъ отчаяннаго противника всего французскаго. Увлеченія Глинки подали поводъ къ экспромтамъ на его счетъ. Глинка написалъ драму „Наталья“. Тотчасъ явился куплетъ:

„Наталью видѣли?“ Изрядная новинка.
„Фарфоръ или фаянсъ?“ О, нѣтъ! простая глинка.

Эта рифма „новинка“ и „глинка“ очень пришлась по душѣ русскому литературному міру. Когда, много лѣтъ спустя, другой Глинка (М. И.) удостоился овацій отъ двора за свою оперу „Жизнь за царя“ и русскіе авторы собрались прославить композитора, то у всѣхъ почти изъ нихъ явилась въ экспромтахъ эта рифма, и даже въ лучшемъ изъ нихъ, написанномъ кн. Вяземскимъ, оканчивающемся словами:

Славимъ мы Орфея Глинку
Отъ Неглинной до Невы.

Рылѣевъ. Въ числѣ литераторовъ эпохи Александра I одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занималъ Кондратій Ѳед. Рылѣевъ. Это была сильная натура. Переходъ отъ слова къ дѣлу былъ для Рылѣева очень легокъ. Матери друга его, А. Бестужева, одинъ господинъ ревновавшій свою жену къ Бестужеву, наговорилъ дерзостей. Бестужевъ вызывалъ его на дуэль. Рылѣевъ, встрѣтивъ оскорбителя, просто отхлысталъ его хлыстомъ, бывшимъ въ рукѣ. Рѣшительность была отличительною чертою его характера и въ болѣе важныхъ случаяхъ жизни.

Воспитанникъ кадетскаго корпуса, оставившій службу по принципу, чтобы не получать казенныхъ денегъ, когда онъ чувствовалъ себя такъ мало способнымъ служить согласно съ видами казны—Рылѣевъ взялъ частное мѣсто—секретаря въ правленіи россійско-американской компаніи. Рылѣевъ не терпѣлъ Петербурга. Онъ писалъ къ Булгарину, еще тогда непріобрѣтшему своеобразной извѣстности послѣдующаго времени:

Едва заставу Петрограда
Пѣвецъ унылый миновалъ,
Какъ разлилась въ душѣ отрада
И я дышать свободнѣй сталъ,
Какъ будто вырвался изъ ада.

Стихи Рылѣева отличались не столько изящнымъ слогомъ пушкинскаго стиха, сколько силою. На слова Рылѣева о себѣ:

Я не поэтъ, я—гражданинъ.

Пушкинъ замѣтилъ: если хочешь гражданствовать, то пиши прозою. Вообще между Рылѣевымъ и Пушкинымъ былъ нѣкоторый антагонизмъ — звѣзды первой величины сталкивались за преобладаніе. Рылѣевъ присталъ къ кругу членовъ тайнаго общества и скоро явился между ними однимъ изъ главныхъ. Онъ раздѣлялъ это вліяніе съ Пестелемъ, но маленькій, крутой характеромъ Пестель былъ идоломъ больше военныхъ членовъ тайныхъ обществъ. Извѣстенъ разсказъ, характеризующій вліяніе Пестеля на его товарищей. Имп. Александръ осматривалъ разъ корпусъ, гдѣ служилъ Пестель. — Кто здѣсь по вашему самая важная личность? спросилъ одинъ изъ офицеровъ у другого въ собраніи, гдѣ между прочимъ находился и императоръ Александръ Павловичъ.—Императоръ! былъ отвѣтъ.—Извините, нѣтъ! а вонъ тотъ, маленькій, плотный офицеръ! — возразилъ собесѣдникъ, указывая на Пестеля. Но между штатскими членами тайнаго общества столь же сильно было вліяніе американца по убѣжденію и теоретика Рылѣева. Пестель, въ которомъ видѣли будущаго Бонапарта, не всѣмъ приходился по душѣ. Съ 1817 по 1825 г. Рылѣевъ готовилъ все къ выполненію конституціоннаго переворота. У него, на извѣстныхъ „русскихъ“ завтракахъ собирался кружокъ сходныхъ по убѣжденіямъ литераторовъ. Американецъ Рылѣевъ любилъ класть на все печать руссицизма и завтраки его непремѣнно состояли изъ графиновъ очищенной, нѣсколькихъ кочней квашеной капусты и чернаго хлѣба—отчасти можетъ быть и потому, что желудокъ лучшаго друга Рылѣева и послѣ соиздателя его по журналу „Полярная Звѣзда“ А. Бестужева (Марлинскаго) требовалъ постоянно кислой пищи (на недостатокъ которой Бестужевъ такъ жаловался послѣ на Кавказѣ).

На этихъ завтракахъ велись собственно общіе разговоры, а бесѣды о планахъ тайныхъ обществъ отлагались до ужина въ ограниченномъ кружкѣ посвященныхъ.

Многія изъ литературныхъ произведеній Рылѣева запечатлѣны истиннымъ дарованіемъ, и если онъ остался сравнительно въ тѣни

въ исторіи литературы, то это всего болѣе благодаря долго лежавшему запрету на имени литератора за дѣла декабриста Рылѣева. Въ 1830 г. появились въ альманахѣ изданномъ Максимовичемъ, стихи Серафимы Тепловой, почему-то отнесенные къ Рылѣеву. Альманахъ едва не былъ запрещенъ и избѣгъ кары только, когда издатель доказалъ, что стихи относились къ покойному другу автора, совсѣмъ иному лицу. Вотъ эти стихи, за которые цензоръ С. Глинка высидѣлъ день на гауптвахтѣ.

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена....
О вѣрь. о вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!
О вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ,
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ....

Впрочемъ въ 1831 г. въ альманахѣ „Венера“., вышедшемъ подъ цензурою С. Аксакова, упомянуто имя Рылѣева, а въ 1833 г. Лажечниковъ выбралъ эпиграфомъ для своего романа „Послѣдній Новикъ“ отрывокъ изъ „Думъ“ Рылѣева. Затѣмъ имя Рылѣева уже не встрѣчается въ лѣтописяхъ цензурной русской литературы до сравнительно позднѣйшаго времени.

Пушкинъ не высоко ставилъ, какъ мы видѣли, поэтическое дарованіе Рылѣева, хотя и уважалъ въ немъ замѣчательно умнаго человѣка, но самъ Рылѣевъ требовалъ славы поэта. Онъ отвѣчалъ Пушкину:

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ
Кого съ земли восторгъ души уноситъ
На зло врагамъ, тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ.

Воейковъ далъ за „Думы“ Рылѣева 100 рублей асс. автору, въ то время, когда вообще литераторы отдавали свои труды въ журналы изъза славы, и въ литературныхъ кружкахъ того времени смотрѣли на это, какъ на очень достаточное вознагражденіе. Впрочемъ вскорѣ затѣмъ самъ Рылѣевъ далъ Пушкину за стихи для „Полярной Звѣзды“ по пяти рублей за строку.

Рылѣевъ присталъ въ заговорѣ къ той сторонѣ „сѣвернаго общества“, во главѣ которой стоялъ Никита Муравьевъ и цѣлью которой была ограниченная монархія, въ то время, какъ Пестель

требовалъ кровавыхъ мѣръ и низверженія династіи. Умственныя силы общества усилили сторону Рылѣева, и члены тайнаго союза, чрезъ депутатовъ своихъ на съѣздѣ въ Москвѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ Тургеневъ, объявили союзъ распущеннымъ. Пестель, лишенный опоры въ Россіи, оперся на поляковъ и мечталъ о всеславянскомъ союзѣ. Но и польскій депутатъ Яблоновскій отвергъ въ 1824 г. планы Пестеля. Такимъ образомъ за годъ до возмущенія не было уже никакого единодушія въ рядахъ заговорщиковъ. Между тѣмъ возбуждавшіе къ возстанію стихи Рылѣева въ литографированныхъ листкахъ ходили во множествѣ между заговорщиками.

Въ роковой день 14 декабря Рылѣевъ былъ въ кучкѣ заговорщиковъ на площади—во фракѣ, подвязанномъ полотенцемъ. „Хотятъ на голой площади устоять!“ сказалъ онъ подходя къ Ѳ. Глинкѣ. Онъ предчувствовалъ неудачный исходъ заговора. Во время слѣдствія и суда, Рылѣевъ старался взять на себя все, представить, что былъ душою всѣхъ плановъ заговорщиковъ. Говорятъ, что жена его, по убѣжденіямъ постоянно расходившаяся съ мужемъ, старавшаяся останавливать его стремленія, и не понесшая несчастій, постигшихъ его, была взыскана монаршими милостями и даже во время ареста мужа получила отъ высочайшихъ щедротъ 2,000 рублей.

Бестужевъ-Марлинскій. Александръ Бестужевъ былъ однимъ изъ пяти сыновей, наслѣдовавшихъ отъ отца наклонность къ литературнымъ занятіямъ, искуствамъ и т. д. Это было семейство, состоявшее какъ бы сплошь изъ даровитыхъ личностей. Маленькимъ, Александръ лежалъ гдѣ-нибудь, свернувшись калачикомъ и лежа сочинялъ, не забывая затѣмъ свои сочиненія выписывать каракулями на выкройкахъ сестеръ. Съ антипатіей ко всему нѣмецкому, въ Бестужевѣ, мальчикѣ и ученикѣ, соединялось нерасположеніе къ математическимъ наукамъ и страстная склонность къ литературѣ и къ чтенію. Чтеніе лежа было однимъ изъ обыкновенныхъ занятій его. Будучи лейбъ-драгуномъ, онъ стоялъ со своимъ полкомъ въ Марли близъ Петергофа,—отсюда послѣдующее литературное имя его—Марлинскій.

Ребенкомъ срывавшій съ себя въ одну минуту куртку чтобы заткнуть пробоину въ заливавшейся лодкѣ, Александръ Бестужевъ достигнувъ юношескихъ лѣтъ отличался энергіею характера, и сошелся съ Рылѣевымъ, съ которымъ раздѣлилъ и послѣдствія 14 декабря. Онъ принималъ главное участіе на Рылѣевскихъ завтракахъ. Послѣ 14 декабря Бестужевъ былъ сосланъ въ Сибирь но впослѣдствіи получилъ право вступить солдатомъ въ кавказскую армію и покончилъ жизнь на Кавказѣ. Имя Марлинскаго, одно время очень извѣстное любителямъ легкаго чтенія, было принято имъ главнымъ образомъ потому что собственное имя его какъ декабриста, естественно находилось подъ опалою.

По замѣчанію современниковъ только Александръ Бестужевъ да кн. Вяземскій могли разгорячить Пушкина въ спорѣ, и можетъ быть именно потому тотъ особенно любилъ спорить съ ними.

Кюхельбекеръ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на Руси является классъ людей посвятившихъ себя литературѣ какъ спеціальности, хотя не имѣвшихъ особенныхъ литературныхъ способностей. Родоначальниками этой плеяды литераторовъ были: Струйскій, гр. Хвостовъ и кн. Шаликовъ, воспѣтый кн. Вяземскимъ въ строфахъ:

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой,
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ,
И чуть звенящимъ кошелькомъ,—
Пустился бѣдный нашъ Вздыхаловъ
По свѣту странствовать пѣшкомъ.

Къ этому разряду писателей принадлежитъ и Кюхельбекеръ, человѣкъ съ душей и характеромъ, но не писатель по призванію, Однокашникъ Пушкина и Дельвига по лицею, Кюхельбекеръ хотѣлъ писать и быть литераторомъ, въ чемъ и успѣлъ. Пушкинъ тяготился его литературною дружбою. Схватясь разъ за жалобу Жуковскаго, что тому Кюхельбекеръ и разстройство желудка помѣшали быть на нужномъ свиданіи, Пушкинъ написалъ:

За ужиномъ объѣлся я
Да Яковъ заперъ дверь оплошно—
И было мнѣ мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

Слово „кюхельбекерно“ съ тѣхъ поръ пошло въ ходъ. Пушкинъ и въ другой разъ, въ письмѣ къ Жуковскому изъ изгнанія, употребляетъ это слово. Лицейскій товарищъ разсердился на автора не на шутку, когда куплетъ получилъ огласку, и даже вызвалъ его на дуэль, неимѣвшую, впрочемъ, послѣдствій.

Сосланный послѣ 14 декабря въ Сибирь, Кюхельбекеръ жилъ много лѣтъ въ заточеніи и въ концѣ жизни испрашивалъ ходатайства Жуковскаго, съ которымъ былъ близокъ прежде. Литераторъ и только— онъ былъ безпомощенъ въ ссылкѣ. „Заняться чѣмъ нибудь, а не поэзіею, не могу—писалъ онъ къ Жуковскому—еслибъ и пришлось мнѣ умереть съ голоду“. Вспомнивъ лицейскую годовщину Кюхельбекеръ писалъ въ Сибири:

А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
Стою въ ночи безпомощный и хилый,
Надъ страшной всѣхъ моихъ надеждъ могилой,
Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей.

Дельвигъ. Дружба Пушкина, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала тому, что имя Дельвига, человѣка безъ особенныхъ литературныхъ дарованій, стало довольно извѣстно въ литературѣ. Въ лицеѣ Дельвигъ былъ болѣе извѣстенъ какъ забіяка и шалунъ. Проф. Куницынъ говорилъ о немъ: Дельвигъ непонятливъ и лѣнивъ. Товарищи по поводу первыхъ стихотвореній Дельвига острили:

Ха, ха, ха! хи, хи, хи!
Дельвигъ пишетъ стихи.

И однако его литературные опыты явились въ печати прежде чѣмъ его товарищей. „Дельвигъ гдѣ ты учился языку боговъ“? спрашивалъ впослѣдствіи Плетневъ въ посланіи къ нему.—„У Копанскаго“ отвѣчалъ „баронъ“ (сокращенное прозвище барона Дельвига въ дружескомъ кружкѣ).

Грибоѣдовъ. Родственникъ Паскевича, авторъ комедіи „Горе отъ ума“ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ при персидскомъ дворѣ и тамъ защищая какихъ-то „рыжеволосыхъ нѣмокъ“, какъ выражались современники, вступилъ въ пререканіе съ чернью, ко-

торая, наконецъ, возмутилась, бросилась на домъ русскаго посольства и умертвила посланника съ защищавшими его 36 казаками. Замѣчательно, что Грибоѣдовъ какъ бы предчувствовалъ свою участь. „Тамъ моя могила!“ говорилъ онъ, отправляясь въ Персію [1]).

Персидское правительство послѣ извинилось, дало удовлетвореніе за самовластный поступокъ тегеранской черни и дѣло не повело къ столкновенію, тѣмъ болѣе, что виною происшествія была отчасти горячность самого русскаго посланника.

Грибоѣдовъ былъ сатирическій юмористъ въ жизни, какъ и въ своемъ главномъ произведеніи, сдѣлавшимся столь извѣстнымъ, что многія выраженія изъ него стали ходячими въ обществѣ. Разъ въ театрѣ раздалось шиканье, а такъ какъ въ императорскихъ театрахъ аплодировать дозволялось, но шикать было запрещено, то въ ложу Грибоѣдова явился приставъ Ровинскій съ другимъ полицейскимъ. Произошелъ діалогъ. Приставъ освѣдомился, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и строго передалъ своему спутнику — полицейскому, чтобы тотъ записалъ фамилію. Теперь наступила очередь Грибоѣдова. Тотъ также серьезно спросилъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и тономъ пристава замѣтилъ своему другу Алябьеву (извѣстному композитору, также бывшему въ ложѣ: „Алябьевъ, запиши!“

Баратынскій. Юношею, Баратынскій былъ исключенъ изъ пажескаго корпуса и отданъ въ солдаты за проступокъ, походившій болѣе на юношескую опрометчивость, чѣмъ на преступленіе, но положившій тяжелый слѣдъ на всей его жизни. То было время героическихъ романовъ и рыцарскихъ повѣстей. Начитавшіеся ихъ пажи рѣшились явиться чѣмъ-то въ родѣ шиллеровскихъ разбойниковъ. Баратынскій, въ которомъ огонь жизни, впослѣдствіи вылившійся въ возвышенныхъ и грандіозныхъ стихахъ, въ корпусѣ проявлялся больше въ школьномъ головорѣзничаньи и шалостяхъ, былъ главный запѣвало во всѣхъ проказахъ и даже составилъ лигу противъ корпуснаго начальства. Верхомъ проказъ было, когда юные разбойники вломились въ домъ родственника одного пажа и

[1]) Бантышъ-Каменскій, Біографіи, IV, стр. 287.

утащили деньги. Проступокъ былъ серьезенъ. О немъ довели до свѣденія государя, и приговоръ состоялся по указу императора Александра. На дѣло взглянули не какъ на шалость замечтавшихся и разбуянившихся юношей, а какъ на уголовное преступленіе противъ собственности. Послѣ Баратынскому всею жизнью приходилось доказывать, что этотъ несчастный проступокъ молодости былъ больше дѣломъ опрометчивости и увлеченія, чѣмъ нравственной испорченности. Юный поэтъ былъ вообще беззаботенъ. Онъ не безъ основанія писалъ къ Путятѣ:

Прости мой милый Такъ создать
Меня умѣла власть Господня:
Люблю до завтра отлагать
Что сдѣлать надобно сегодня.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не предвидѣлъ, до чего доведетъ его школьный разгулъ и удальство юноши, а между тѣмъ за шалость шестнадцатилѣтняго юноши послѣдовало наказаніе, какъ за преступленіе взрослаго.

Тоска Баратынскаго въ Финляндіи, гдѣ онъ стоялъ солдатомъ съ полкомъ, по друзьямъ въ Петербургѣ, вылилась въ слѣдующихъ страфахъ, обращенныхъ авторомъ къ другу дѣтства, Дельвигу:

Ужель душѣ твоей такъ скоро чуждымъ сталъ
Другъ отлученный, другъ далекій,
На финскихъ берегахъ, между пустынныхъ скалъ,
Бродящій съ думой одинокой?
Гдѣ ты, о Дельвигъ мой? Ужель минувшихъ дней
Лишь мнѣ мучительна утрата?
Ужель не ищешь ты вокругъ своихъ друзей
Судьбой отторженнаго брата?

Загоскинъ. Общество, вообще мало свыкшееся съ серьезною наукою, требовало историческаго легкаго чтенія. Романы Вальтеръ-Скотта нашли въ Россіи массу читателей. Наконецъ и для русской публики явился свой Вальтеръ-Скоттъ—Мих. Ник. Загоскинъ. Загоскинъ былъ чиновникъ, служилъ ревностно и даже, чтобы получить коллежскаго асессора, держалъ, какъ неполучившій образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи, экзаменъ, къ которому старательно готовился втеченіе полутора года. Загоскинъ раз-

сказывалъ послѣ, что его, человѣка въ лѣтахъ уже зрѣлыхъ и извѣстнаго писателя, профессоръ на экзаменѣ спросилъ: кто былъ Ломоносовъ? „Я хотѣлъ отвѣчать: сапожникъ!“ замѣчаетъ Загоскинъ.

Натура въ высшей степени впечатлительная, но вмѣстѣ крайне скромная и непритязательная, Загоскинъ, пріобрѣтя успѣхъ, не замечтался о себѣ. — „Мы отъ васъ этого не ожидали!“ замѣтили ему послѣ чтенія отрывка изъ Юрія Милославскаго.— „И я также“, отвѣчалъ Загоскинъ.

Успѣхъ историческихъ романовъ Загоскина былъ полный. Они читались отъ дворца до лачуги. За „Рославлева“ еще до окончанія его давали автору 40,000 рублей, 36,000 рублей (тогда счетъ былъ на ассигнаціи) было внесено московскими книгопродавцами подъ условіемъ, что они не будутъ продавать романа дороже 20 рублей.

Разъ ступивъ на литературную дорогу, Загоскинъ весь предался своему дѣлу. Читая о событіяхъ 1612 г. для своего „Юрія Милославскаго“ онъ не узналъ никого и не понималъ, что ему говорилось при встрѣчахъ. Вмѣсто отчета онъ подалъ министру счетъ своего портнаго. Аксаковъ (С. .Т) [1]) засталъ разъ Загоскина всего въ слезахъ за описаніемъ смерти боярина Кручины Шелонскаго.

Измайловъ. Въ гостиной Соф. Дм. Пономаревой, собиравшей въ двадцатыхъ годахъ вокругъ себя многихъ изъ тогдашнихъ литераторовъ, можно было видѣть толстаго и неуклюжаго господина, изображеннаго Дельвигомъ въ стихахъ:

Въ черномъ фракѣ былъ онъ; былъ тотъ фракъ запыленъ;
Какой цвѣтомъ, нельзя распознать.
Оттопыренъ карманъ, въ немъ торчитъ, какъ чурбанъ,
Двадцати-фунтовая тетрадь.

Героемъ этой пародіи на „смалькгольмскаго барона“ Жуковскаго былъ баснописецъ Измайловъ, издатель журнала „Благонамѣренный“. Вигель, вообще сатирически отзывавшійся о лицахъ, къ

[1]) Аксаковъ, Біографія Загоскина.

которымъ не благоволилъ, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что баснописца Измайлова современники называли: „Крыловъ, зашедшій въ харчевню“, „Крыловъ на-веселѣ“ и т. д.

Пушкинъ. Подобно Лермонтову, Пушкинъ представлялъ въ дѣтствѣ замѣчательный контрастъ въ сравненіи съ тѣмъ, что видимъ въ немъ въ зрѣломъ возрастѣ. До 7 лѣтъ онъ былъ толстый, неуклюжій, неповоротливый ребенокъ, безпомощный безъ няни, Арины Радіоновны, къ которой онъ впослѣдствіи сохранилъ родственную привязанность. Десяти лѣтъ онъ поступаетъ въ царскосельскій лицей и въ это время, почти не зная русской грамотѣ, хорошо уже пишетъ и читаетъ по-французски. Умственное его развитіе начинается съ лицея, гдѣ онъ учился вообще неблистательно, былъ лѣнивъ и, оказывая склонность къ литературнымъ занятіямъ, не могъ никогда понять (какъ впослѣдствіи и Гоголь) математики.

13-14 лѣтъ это былъ юноша съ рѣзкимъ негрскимъ типомъ— живо напоминавшимъ его предка Ганнибала, извѣстнаго „арапа Петра Великаго“, по правописанію поэта-потомка. По сохранившемуся отъ этого времени портрету Пушкина видно, что впослѣдствіи въ немъ произошла рѣзкая физическая перемѣна и въ взросломъ человѣкѣ негрское происхожденіе предка обличалось въ потомкѣ только курчавыми волосами, нѣкоторыми особенностями въ характерѣ и лишь очень незначительно чертами лица.

Пушкинъ, ребенкомъ садившійся на улицѣ, когда прочіе шли, или умѣщавшійся въ бабушкину корзинку и по цѣлымъ часамъ неподвижно смотрѣвшій на работу бабушки—въ зрѣломъ возрастѣ отличался постоянною физическою дѣятельностью, напр., пѣшкомъ ходилъ изъ Петербурга въ Царское Село и назадъ. Получивъ до лицея исключительно французское образованіе, онъ послѣ въ мѣщанскомъ костюмѣ изучаетъ русскую жизнь на псковскомъ базарѣ, а затѣмъ дѣлается вполнѣ народнымъ русскимъ писателемъ, хотя аристократическія тенденціи, внушенныя въ дѣтствѣ, и заставляли его почти до самаго конца жизни стыдиться названія писателя [1]).

---

[1]) Новаковскій, Біографія Пушкина.

Живость характера Пушкина, придавшая смыслъ провинціальной остротѣ на него во время ссылки его въ Бессарабію („бѣсъ арабскій“ — бессарабскій) увлекала не разъ писателя за предѣлы осторожности и ему доставалось за нецензурныя сочиненія тѣмъ болѣе, что при неосторожности автора добраться до него было очень легко. За оду на „Свободу“, его, какъ говоритъ Вигель, хотѣли было сослать въ Сибирь, и только благодаря ходатайству Каподистріи и Карамзина замѣнили Сибирь южною Россіею, гдѣ Пушкинъ долженъ былъ жить подъ надзоромъ добряка генерала Инзова. Въ ссылкѣ онъ объѣздилъ югъ Россіи и, благодаря уединенію, муза его была тѣмъ болѣе плодовита.

Въ концѣ царствованія Александра I онъ жилъ въ изгнаніи въ своемъ псковскомъ имѣніи, за одно изъ стихотвореній, гдѣ онъ между прочимъ выказалъ себя атеистомъ. Наблюденіе за нимъ поручено было губернатору, предводителю дворянства, а такъ какъ обвиненіе въ атеизмѣ значилось какъ главный поводъ къ ссылкѣ, то и архимандриту сосѣдняго монастыря. Этотъ архимандритъ иногда посѣщалъ его, и въ такомъ случаѣ Пушкинъ, въ то время болѣвшій физически и хандрившій, раскладывалъ обыкновенно Четьи-Минеи и предавался чтенію ихъ, надѣвая маску религіозности.

Изъ этого невольнаго уединенія онъ писалъ письма къ Жуковскому. Въ одномъ письмѣ Жуковскій спрашивалъ его: какая цѣль была у него написать въ то время появившуюся въ печати поэму „Цыгане“. Пушкинъ въ отвѣтъ указывалъ на слова Дельвига („если только Дельвигъ не укралъ этого“, прибавлялъ Пушкинъ), что цѣль поэзіи — поэзія. Надобно замѣтить, что въ это время Жуковскій разошелся съ кружкомъ Рылѣева, у котораго на извѣстныхъ завтракахъ, Жуковскаго не щадили и даже сложили извѣстные стихи на него, въ которыхъ, между прочимъ, попадаются строки:

Съ указкой втерся во дворецъ,
И тамъ предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею,—
Бѣдный пѣвецъ!

Намекъ на „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“. Пушкинъ стоялъ какъ-то посреди двухъ партій. У него было много друзей между будущими декабристами, но онъ вообще относился къ Ры-

лѣеву не совсѣмъ дружелюбно, можетъ быть отчасти, какъ мы видили, соперническ; говорилъ, напримѣръ, что „Думы“ Рылѣева „цѣлятъ, а все не впопадъ“, и не разрывалъ связи съ Жуковскимъ.

Характеристическую черту въ жизни Пушкина представляетъ его склонность къ суевѣріямъ и мистицизму. Разъ въ молодости, слоняясь по Невскому проспекту (на которомъ онъ послѣ подчивалъ сайками, въ компаніи съ гр. Саллогубомъ, свѣтскихъ фатовъ при игрѣ въ демократизмъ), онъ зашелъ отъ нечего-дѣлать къ „гадальщицѣ на кофе“ и просилъ прорѣчь ему его судьбу. Та стала гадать ему, что въ тотъ же день онъ будетъ говорить о службѣ, неожиданно получитъ письмо съ деньгами и долженъ вообще беречься бѣлой лошади или бѣлаго человѣка, такъ какъ отъ нихъ грозитъ опасность его жизни, въ особенности на 37 году. Юноша — ему въ то время было 17 лѣтъ — готовъ былъ смѣяться надъ этимъ прорицаніемъ, но такъ случилось, что онъ въ тотъ же день встрѣтился съ однимъ знакомымъ военнымъ (Орловымъ), и тотъ совершенно неожиданно началъ съ нимъ разговоръ о службѣ, спросивъ отчего онъ нейдетъ въ военную службу. Денегъ Пушкину не откуда было получать, такъ какъ онъ получалъ ихъ отъ отца и жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ, а слѣдовательно и не могъ получить денегъ въ письмѣ. Но такъ случилось, что дѣйствительно ему пришло письмо съ деньгами — карточнымъ долгомъ одного товарища, остававшимся еще отъ временъ школьнаго ученія и совсѣмъ забытымъ.

Все это заставило Пушкина задуматься о предсказаніи и придать ему вѣру. Предсказаніе о бѣлой лошади и бѣломъ человѣкѣ было извѣстно многимъ знакомымъ и пріятелямъ Пушкина. Такъ, когда разъ одинъ господинъ хотѣлъ вызвать Пушкина на дуэль, ему говорили, чтобы онъ не дѣлалъ этого, во-первыхъ, потому, что можетъ лишить Россію Пушкина, а во-вторыхъ, потому, что Пушкинъ можетъ заявить предъ смертью, что умираетъ отъ „бѣлой лошади“. Замѣчательно, что Пушкинъ, дѣйствительно, погибъ на 37 году жизни, отъ блондина, одѣтаго въ бѣлую военную (кавалергардскую) форму.

Извѣстно также, что по какому-то необъяснимому предразсудку Пушкинъ никогда не стригъ одного ногтя на рукѣ и носилъ ка-

кой-то магическій перстень съ таинственнымъ изображеніемъ. Не менѣе замѣчательно также, что Пушкинъ-женихъ, предъ бракомъ на свѣтской красавицѣ,—предъ бракомъ, поведшимъ къ дуэли и смерти — почему-то обратилъ особенное вниманіе на вывѣску гробовщика, находившуюся не далеко отъ его дома, и написалъ стихотвореніе „Гробовщикъ“, а во время вѣнчанія, обходя налой, уронилъ крестъ. Ходили толки, что дуэль Пушкина тѣмъ легче было устранить, что начальникъ жандармовъ гр. Бенкендорфъ зналъ о ней. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ дрался съ человѣкомъ, имѣвшимъ всѣ шансы убить его, а послѣдующія симпатіи, оказанныя поэту и семейству его, въ иныхъ кружкахъ, слишкомъ отзывались холодностью и какъ бы говорили, что судьба сбыла съ рукъ подчинившагося, правда, въ послѣдніе годы, но все еще безпокойнаго писателя.

Лермонтовъ. Неуклюжій, неловкій, семнадцатилѣтній мальчикъ, неумѣвшій отличить, ѣстъ-ли онъ ветчину или телятину, который вообще мало обращалъ вниманія вообще на все, что ѣлъ, перебирая булокъ съ опилками, нарочно испеченныхъ для него смѣявшимися надъ его особенностями знакомыми, — Лермонтовъ въ зрѣломъ возрастѣ превратился въ аристократа-офицера, немножко фата, съ замашками Печорина и сорви-головы, которому ничего не стоило вызвать человѣка изъ-за пустяковъ на дуэль. Лермонтовъ, съ его наполеоновскою заботливостью о своихъ бѣлыхъ рукахъ, съ его такъ живо памятнымъ, мучительнымъ, устремленнымъ на избранную жертву взоромъ, былъ столько же тираномъ окружавшихъ его, сколько сильный и возвышенный, часто хватающій за сердце стихъ находилъ ему поклонниковъ между читателями.

Его стихи на смерть Пушкина, стоившіе ему ссылки на Кавказъ, переписывались и расходились въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Литературная извѣстность Лермонтова начинается съ появленіемъ въ свѣтъ его „Казначейши“. Онъ отнесъ ее въ рукописи къ Жуковскому и тотъ съ кн. Вяземскимъ одобрили ее и положили напечатать въ „Современникѣ“ Пушкина.

Лермонтовъ былъ не только поэтъ, но и художникъ съ довольно

замѣчательнымъ дарованіемъ. Въ домѣ Тютчева, въ Поварскомъ переулкѣ, въ Петербургѣ, показывали дивную головку, набросанную Лермонтовымъ на стѣнѣ углемъ.

Кольцовъ. Въ 1835 г. Кольцовъ впервые вступилъ въ литературный кружокъ въ Москвѣ. Сынъ прасола и самъ торговецъ скотомъ съ малыхъ лѣтъ, человѣкъ изъ народа по происхожденію и по складу ума, онъ нашелъ радушный пріемъ въ писательскомъ московскомъ кружкѣ. Ввелъ его Станкевичъ и тутъ же на вечерѣ предложена была подписка на изданіе стихотвореній Кольцова. Подписка принесла достаточно въ одинъ вечеръ для покрытія расходовъ по изданію. Томъ сочиненій Кольцова былъ изданъ Станкевичемъ въ томъ же году. Въ это время Кольцову было 24 года и онъ уже четыре года сочинялъ свои пѣсни, то въ дорогѣ, то ночью, верхомъ.

Никитинъ. Въ числѣ поэтовъ изъ народа, подобно Кольцову, считается Никитинъ. Это не вполнѣ вѣрно. Хотя литературная извѣстность застала Никитина, дѣйствительно, въ то время, когда онъ былъ въ Воронежѣ дворникомъ, но онъ вышелъ изъ философскаго класса семинаріи и вообще успѣлъ получить нѣкоторое образованіе. Своимъ внутреннимъ развитіемъ онъ болѣе всего былъ обязанъ сочиненіямъ Бѣлинскаго.

Гоголь пробовалъ сначала поприща служебное, актерское и художническое, пока остановился на литературѣ. Но онъ и впослѣдствіи рисовалъ и считалъ себя не послѣднимъ художникомъ. Самолюбивый въ высшей степени и зная, что онъ мастерски читаетъ, Гоголь любилъ читать отрывки изъ своихъ произведеній въ кружкѣ слушателей, но часто жеманился, показывалъ видъ, что не готовъ, что лучше было бы отложить чтеніе.

— А що се таке у васъ, пане? спросилъ его по-малороссійски

разъ въ подобномъ случаѣ другъ его, Прокоповичъ, къ которому онъ явился читать свое произведеніе, но ссылался, по обыкновенію, на неготовность. При этихъ словахъ Прокоповичъ вытащилъ солидную тетрадь изъ кармана своего пріятеля и нельзя было долѣе ссылаться, что нѣтъ рукописи съ собою. Гоголь читалъ нѣсколько съ малорусскимъ напѣвомъ. Онъ принялся за Мольера послѣ упрека отъ Пушкина за небреженіе къ этому писателю.

Какъ человѣкъ, Гоголь представлялъ много своеобразностей. Онъ могъ проводить часы за выслушиваніемъ тонкостей о игрѣ въ бабки [1]), любилъ рядиться въ пестрые, огромные галстухи, самъ нерѣдко стряпалъ свои любимыя блюда. Самолюбіе его иногда доходило до забавныхъ крайностей. Такъ, по выходѣ его „Вечеровъ на Хуторѣ“ онъ, проѣздомъ чрезъ, Москву хлопоталъ, чтобы его въ числѣ пріѣхавшихъ прописали въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ не коллежскимъ регистраторомъ, а коллежскимъ ассесоромъ. Въ вечеръ перваго представленія „Ревизора“ авторъ остался недоволенъ пріемомъ—впрочемъ, очень лестнымъ—его произведенію и швырнулъ въ досадѣ экземпляръ своей пьесы.

Въ физіологическомъ отношеніи натура Гоголя представляла ту странность, что у него никогда не было пота. „Я горю, но не потѣю“, говаривалъ онъ. Погребальныхъ церемоній онъ положительно боялся.

Одно время онъ былъ домашнимъ учителемъ у Васильчиковыхъ, потомъ профессоромъ исторіи въ петербургскомъ университетѣ, но прочелъ всего двѣ лекціи. Служба, какъ и петербургскій климатъ, были не по немъ и онъ съ радостью отправился за границу при первой возможности.

Римъ съ его климатомъ, разогнавшимъ хандру малоросса, несвыкшагося съ воздухомъ Петербурга, былъ мѣстомъ, гдѣ написаны лучшія мѣста въ сочиненіяхъ Гоголя. Диктуя повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ, Гоголь самъ смѣялся отъ души. Молодой пріятель автора, писавшій подъ его диктовку „Мертвыя души“, припоминаетъ, что Гоголь особенно торжественнымъ тономъ диктовалъ сцену въ саду Плюшкина.

Этимъ мѣстомъ романа авторъ былъ очень доволенъ, былъ

[1]) Аннѣнковъ, Библ. для Ч., т. 141, стр. 140.

послѣ того въ отличномъ расположеніи духа; проходя по глухому переулку у дворца Барберини, запѣлъ разгульную малорусскую пѣсню и пустился въ плясъ, такъ что, вертя зонтикомъ, оставилъ отъ него въ рукахъ наконецъ одну ручку.

Панаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ замѣчаетъ, что его, при первомъ свиданіи, поразилъ носъ Гоголя, сухощавый, длинный, острый, какъ клювъ хищной птицы. Носъ играетъ видную роль также въ сочиненіяхъ Гоголя и его дружескихъ замѣткахъ. Вообще, знавшіе Гоголя лично были убѣждены, что онъ многое въ своихъ сочиненіяхъ срисовываетъ съ себя по части человѣческихъ слабостей и недостатковъ.

Арнольди въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Гоголѣ“ рисуетъ намъ портретъ его. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, съ длинными бѣлокурыми волосами, острымъ, птичьимъ носомъ и маленькими карими глазами, тарантившій ногами, махавшій рукой, одѣтый не по вкусу. Но улыбка его была добрая и пріятная. Это было уже въ пору извѣстности Гоголя, когда онъ—какъ замѣчаетъ Арнольди—хотѣлъ все знать лучше всѣхъ (онъ даже занимался ботаникой). Тотъ же авторъ замѣчаетъ, что, по мнѣнію Гоголя, „Землетрясеніе“ Языкова было лучшимъ изъ всѣхъ русскихъ стихотвореній.

Бѣлинскій. Будучи директоромъ гимназіи и обозрѣвая училища своей дирекціи, Лажечниковъ видитъ на экзаменѣ въ одномъ изъ этихъ училищъ черненькаго остраго мальчика, лѣтъ двѣнадцати, поразившаго его основательными и дѣльными отвѣтами. Это былъ сынъ уѣзднаго врача Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Директоръ лестно отозвался о способностяхъ и успѣхахъ этого ученика уѣзднаго училища и подмѣтилъ, что ученикъ этотъ очень самолюбивъ. По крайней мѣрѣ Бѣлинскій принялъ похвалу какъ должную дань себѣ, безъ особеннаго выраженія удовольствія, очень сдержанно. Но оцѣнка способностей вещь очень условная. Въ московскомъ университетѣ начальническій списокъ замѣчалъ о студентѣ Бѣлинскомъ: „способностей слабыхъ и нерадивъ“. Бѣлинскій оставилъ университетъ, не окончивъ курса.

Критическія статьи Бѣлинскаго скоро обратили на себя общее вниманіе въ эпоху политическаго безмолвія. Отрицаніе авторитетовъ было такъ ново, что московскаго критика читали во всѣхъ кружкахъ. Въ журналистикѣ предъ тѣмъ преобладали „шутовство, гаерщина, сеньковщина“, по выраженію человѣка, также не далеко ушедшаго отъ своихъ журнальныхъ собратій—А. Краевскаго. Если уже изъ такого лагеря неслся враждебный отзывъ о литературномъ направленіи эпохи „Библіотеки для чтенія“, то массѣ дѣльно и гражданскинастроенныхъ читателей она становилась рѣшительно не по силамъ.

Въ такое время написанныя живымъ и задорчивымъ слогомъ критики Бѣлинскаго были какъ разъ по читающей массѣ. Имя его становилось извѣстнымъ, хотя онъ по большей части не подписывалъ своихъ статей. О Бѣлинскомъ говорили въ отдаленныхъ уголкахъ Россіи. Онъ скоро вошелъ въ близкія отношенія съ Грановскимъ и Герценомъ. Онъ сдѣлся авторитетомъ. У него были свои особенности. Такъ, ревностный приверженецъ опрятности, онъ имѣлъ особенную страсть къ духамъ, но это не мѣшало ему укорять Кольцова за пристрастіе къ духамъ и Кольцовъ склонялся предъ укорами патрона. Полевой, отправляясь изъ Москвы въ Петербургъ, счелъ долгомъ извиниться предъ Бѣлинскимъ, что измѣнлетъ своему прежнему независимому направленію. „Если я буду дѣйствовать не такъ какъ слѣдуетъ—сказалъ Полевой—то не вините меня, а пожалѣйте-съ! Я человѣкъ обремененный семействомъ“ [1]).

Грановскій указывалъ чрезъ Герцена Бѣлинскому на одну изъ своихъ статей въ „Москвитянинѣ“ „Скажите Грановскому—замѣтилъ Бѣлинскій,—что друзьямъ въ такихъ неприличныхъ мѣстахъ свиданія не назначаютъ“. Даже генералы-авторы, желая задобрить злого критика, зазывали его къ себѣ и съ умильною улыбкою заставляли дочекъ набивать ему трубки, хотя въ душѣ и за глаза костили на чемъ свѣтъ стоитъ выскочку, недоучившагося студента, осмѣлившагося смѣло говорить про всѣхъ и про все.

На набережной Невы не всѣмъ нравился московскій критикъ съ его вольнымъ языкомъ. Жуковскій,—все мечтатель, хотя и

---

[1]) Свѣяжскій В. Г. Бѣлинскій, 42.

одѣтый въ придворный мундиръ—цѣлые дни декламировавшій въ Царскомъ Селѣ приведшіе его въ восхищеніе стихи Бенедиктова, не благоволилъ къ критику Бѣлинскому. Напротивъ, болѣе практическій поэтъ, Пушкинъ, отзывавшійся о Бенедиктовѣ гораздо хладнокровнѣе (онъ оцѣнивалъ у него нѣкоторые черты—напр., сравненіе неба съ опрокинутой чашей) внутренно сочувствовалъ критику Москвы и хотя жилъ въ Петербургѣ подъ охранительнымъ дворцовымъ надзоромъ, тайно посылалъ, какъ говорятъ, Бѣлинскому свои сочиненія и одобрительныя слова. Послѣ, когда Бѣлинскій жилъ въ Петербургѣ, у него, въ домѣ Лопатина, на Невскомъ, читались впервые „Обыкновенная исторія“ Гончарова и „Бѣдные люди“. Въ 1840 г. въ Бѣлинскомъ произошелъ переворотъ. До тѣхъ поръ онъ былъ гегеліанецъ, но Герценъ отвлекъ его отъ Гегеля и оппозиція существующему приняла въ нашемъ критикѣ еще болѣе рѣзкое направленіе. Онъ перебрался въ Петербургъ и поднялъ своимъ сотрудничествомъ „Отечественныя Записки“ Краевскаго, но на него наваливали такую массу труда, что онъ скоро изнемогъ. Онъ послѣ признавался, что его заставляли писать рецензіи о такихъ книгахъ, какихъ онъ не желалъ бы и коснуться и какихъ не могъ даже прочесть,—напримѣръ, нѣмецкихъ, по незнанію нѣмецкаго языка.

Некрасовъ, въ посланіи, посвященномъ памяти Бѣлинскаго, говоритъ:

Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ несчастливъ и незнаемъ,
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные, безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время...

Славянофилы и западники. Петербургъ былъ городъ слишкомъ офиціальный, слишкомъ жившій казенною жизнью, чтобы въ немъ могъ быть въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія центръ независимой умственной дѣятельности. Этимъ центромъ была скорѣе Москва. Грановскій, Герценъ, Хомяковъ, Языковъ, К. Аксаковъ и послѣ Бѣлинскій составляли мыслящій литературный кру-

жокъ Москвы того времени. Но этотъ кружокъ скоро распался. К. Аксаковъ вполнѣ могъ обратиться къ Москвѣ со словами:

Тебя назвать—и Русь родная
Съ тобою вмѣстѣ названа.

Это былъ русакъ и москвичъ до костей. Сынъ образованнаго и развитаго литератора, Сергѣя Тимофѣевича Аксакова, Константинъ Аксаковъ обладалъ душою съ поэтическими, мечтательными наклонностями. Это былъ человѣкъ идеала и идеаломъ его была „святая Русь“. Убѣжденный, что Россія сама въ себѣ должна почерпнуть все, что ей нужно, Аксаковъ со своими друзьями положилъ начало школѣ славянофиловъ. Онъ первый — чтобы даже внѣшность была отголоскомъ внутреннихъ стремленій—надѣлъ русскую рубашку, поддевку и засунулъ брюки за голенища сапоговъ. Но собственно это былъ самый умѣренный членъ славянофильскаго кружка въ своихъ воззрѣніяхъ, точно также какъ Грановскій былъ самый умѣренный изъ западниковъ. Сначала споры двухъ партій болѣе велись устно, по-дружески, въ оживленныхъ бесѣдахъ. Потомъ, когда Языковъ (женатый на сестрѣ Хомякова) написалъ ѣдкіе стихи противъ западниковъ, явилась полная размолвка.

Журналистика въ XIX столѣтіи. Осьмнадцатое столѣтіе представило не мало повременныхъ изданій съ сатирическимъ направленіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ „Живописецъ“ и „Трутень“ Новикова, были напечатаны вновь въ недавнее время. Они сохранили интересъ вѣроятно въ силу замѣчанія Эмина, что сатирическія сочиненія не портятся и сохраняются въ прокъ находящеюся въ нихъ аттическою солью.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія являются „Вѣстникъ Европы“ Карамзина и „Русскій Вѣстникъ“ С. Глинки. Оба названія говорятъ отчасти и о направленіи. „Вѣстникъ Европы“ проводилъ въ Россію европейскія понятія и слова. „Русскій Вѣстникъ“ ратовалъ противъ иноземнаго и въ особенности противъ Франціи. Оба журнала, послѣ, въ эпоху возрожденія эпохи Александра I при Александрѣ II, возродились съ сходными программами.

Каченовскій принявъ на себя завѣдываніе „Вѣстникомъ Европы“, придалъ ему критическое направленіе. И. И. Дмитріевъ въ письмѣ къ Жуковскому жаловался, что Каченовскій въ своемъ журналѣ раскритиковалъ его сочиненія и что теперь остается проститься съ „девятилѣтней славишкой“, если никто не заступится противъ нападокъ малоросса — московскаго профессора. Критика Каченовскаго льнула—какъ замѣчали послѣ—какъ банный листъ. Каченовскому помогалъ проф. Мерзляковъ. Походяшинъ привезъ съ собою изъ Вятки 14-ти-лѣтняго бѣднаго мальчика, подававшаго ему чайникъ и изъ этого мальчика-провинціала послѣ выработался авторъ пѣсни „Среди долины ровныя“ и ученый, серьезный профессоръ Мерзляковъ, другъ Жуковскаго и замѣчательный писатель. Впослѣдствіи въ сферѣ журнальной дѣятельности становятся извѣстными Воейковъ, Измайловъ, Ник. Полевой, Гречъ и Булгаринъ.

Воейковъ, небольшаго роста, сутуловатый, съ серебристой сѣдиной черныхъ волосъ въ старческомъ возрастѣ, съ недурными чертами лица, но—какъ замѣчаетъ И. И. Панаевъ—съ суровымъ и злымъ выраженіемъ глазъ, былъ ѣдкимъ сатирикомъ своего времени. Женатый на Протасовой, племянницѣ Жуковскаго (она воспѣта поэтомъ-дядей подъ именемъ Свѣтланы), одно время профессоръ дерптскаго университета, что навлекло на него пареканія въ тогдашнемъ обществѣ, относившемся къ профессорству и учительству какъ къ занятіямъ недостойнымъ дворянина—Воейковъ впослѣдствіи является журналистомъ. Онъ называлъ трехъ братьевъ Тургеневыхъ тремя Гракхами, но вообще лестные отзывы были не въ его духѣ Онъ больше бичевалъ и зло смѣялся. Въ „Домѣ съумасшедшихъ“ онъ вывелъ русскихъ литераторовъ своего времени. Это произведеніе имѣло большой успѣхъ. Аракчеевъ, вообще не цѣнитель авторскихъ дарованій, пожелалъ видѣть автора и тотъ былъ представленъ ему Мордвиновымъ.

Булгаринъ. До Петра I иностранцы были приставляемы къ русскимъ, для внушенія имъ дисциплины, только въ войскѣ. Съ Петра церковныя и гражданскія должности были съ тою же цѣлью отдаваемы западнымъ уроженцамъ, полякамъ и нѣмцамъ. Впослѣд-

ствіи то же правило было примѣнено и къ литературѣ. Благонамѣренность поляковъ и нѣмцевъ не оставляла сомнѣнія, что они, стоя во главѣ журналовъ или какъ издатели книгъ, будутъ сдерживать въ предѣлахъ великорусскіе и малорусскіе нецензурные порывы.

Цѣлая плеяда дѣятелей въ этомъ родѣ явилась въ русской литературѣ. Гречъ и Булгаринъ были образцами.

Булгаринъ, родомъ полякъ, былъ сынъ своего вѣка, когда создавались какія-то двусмысленныя и половинныя личности, одну изъ которыхъ поэтъ-сатирикъ обрисовалъ въ словахъ:

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-мудрецъ, полу-невѣжда,
Полу-подлецъ,—но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

Эти личности создавались главнымъ образомъ подъ вліяніемъ крѣпостного права, чувствовавшемся въ Польшѣ даже больше, чѣмъ въ Россіи. Исконное шляхетское униженіе предъ магнатомъ и высокомѣріе предъ хлопомъ, дѣлали то, что тотъ же Булгаринъ, который гордо смотрѣлъ на подчиненную ему братію, съ улыбкою подставлялъ плечо для дружескаго удара его превосходительства директора департамента Панаева, обращавшагося къ нему съ „ты“, въ то время какъ Булгаринъ почтительно говорилъ ему „вы“. Пушкинъ отнесъ къ Булгарину ѣдкое четырехстишіе, начинающееся словами:

Предъ лакеемъ важный баринъ,
Съ важнымъ барином лакей

Булгаринъ умѣлъ втереться въ близкое знакомство съ Бестужевымъ-Марлинскимъ и Рылѣевымъ, но особенно характеристична была его послѣдующая литературная дѣятельность. Связи его были уже совсѣмъ другаго рода въ то время, когда, напр., сошедшаго съ ума Петра Бестужева нельзя было отправить въ домъ съумасшедшихъ, потому что одинадцатая верста была слишкомъ близка къ столицѣ, а Бестужеву въѣздъ въ столицу былъ запрещенъ.

Булгаринъ сошелся съ Сеньковскимъ, душу котораго онъ самъ называлъ „кострюлькою съ ядомъ“. Въ одномъ изъ писемъ къ нему онъ услуживаетъ ему своимъ „пуделевскимъ проницаніемъ“ [1])—доказательство, что и въ тридцатыхъ годахъ онъ еще

[1]) „Русскій Архивъ“, 1870, стр. 1943.

не освоился вполнѣ съ русскимъ языкомъ. Литературный кружокъ Пушкина рѣзко относился къ кружку Булгарина, Греча, Сеньковскаго и проч. Когда Плюшаръ, задумавъ издавать энциклопедическій лексиконъ, собралъ въ домѣ Греча 105 русскихъ литераторовъ и Гречъ былъ поставленъ въ главѣ предпріятія, Пушкинъ отправился туда не одинъ, а съ пріятелемъ, изъ опасенія, какъ онъ отзывался въ шутку, чтобы его не побили.

Особенно нападалъ на Булгарина соперникъ его на журнальномъ поприщѣ, Измайловъ. Онъ честилъ его словами:

Гречевъ ученикъ и клеврета,
Самозванецъ, критикъ и поэтъ.

Басня Измайлова, начинающаяся словами:

Петрушка мѣдный лобъ—приличное названье
Имѣлъ ко лжи большое дарованье,

была написана на Булгарина и начиналась словами:

Фаддей чугунный лобъ—приличное названье.

Но послѣ подверглась цензурному измѣненію.

Въ другой эпиграммѣ на Булгарина Измайловъ говоритъ:

Фаддей французовъ билъ какъ коренной русакъ,
А на испанцевъ шелъ онъ въ арміи французской,
Ругалъ онъ русскихъ какъ полякъ,
А поляковъ ругалъ какъ русскій.

Значеніе литературы въ обществѣ и вліяніе ея на общество было у насъ всегда незначительно. На это было много причинъ. Батюшковъ, какъ говорятъ, сошелъ съ ума, потому что ему не хотѣли дать дипломатической должности, упрекая его въ авторствѣ. Впослѣдствіи редакторы журналовъ какъ бы осуждены были, дойдя до чина статскаго совѣтника, оставаться въ немъ неограниченное время, къ вящшей печали чиполюбивыхъ, потому что странно было бы, при установившемся взглядѣ на литературу, еслибы редакторъ—и тѣмъ болѣе не офиціальнаго журнала — былъ вмѣстѣ генераломъ. Хотя и говорятъ, что званіе литератора пріобрѣло у насъ значеніе, помимо его чина, начиная съ Александра I, но тѣмъ не менѣе иностранное слово „литераторъ“ не пріобрѣло у насъ права гражданства и послѣ. Правда, прошли патріархальныя времена, когда Третьяковскій декламировалъ стихи, вползая въ

комнату на колѣняхъ, чтобы получить въ знакъ поощренія царскую оплеушину и когда Волынскій могъ бить академика императорской академіи наукъ, но наука все еще не пріобрѣла особеннаго почета, а литература и тѣмъ болѣе. Литература естается непризнаннымъ въ Россіи цехомъ.

Главною причиною такого явленія было, конечно, отсутствіе свободы рѣчи. Но одно оно не подорвало бы вліянія литературы на общество, потому что всякое стѣсненіе не вызываетъ презрѣнія къ стѣсняемому, а цензурныя условія сверхъ того вовсе не могли оказывать вполнѣ стѣснительнаго вліянія, если писатель обращался съ рѣчью толково и съ тактомъ. Вспомнимъ, когда училъ Грановскій и писалъ Бѣлинскій. Много значилъ, напротивъ, нравственный уровень не малой доли русскаго литературнаго кружка.

Въ Россіи, какъ вездѣ, образованіе давало запасъ свѣденій, пригодныхъ человѣку обезпеченному и съ достаткомъ, но ничего людямъ безъ средствъ, которымъ нужно трудиться изъ-за куска хлѣба. Образованіе такого рода, неучившее труду, было безполезно народной массѣ, и если правительство, взявъ его съ Запада, насадило безъ измѣненія въ Россіи, то потому, что въ обмѣнъ за полученное образованіе давало людямъ служебное обезпеченіе. Но служебныя мѣста не могли быть впослѣдствіи найдены для всѣхъ. Явился кругъ людей образованныхъ, безъ всякихъ средствъ. Эти люди, ненаучившіеся труду, предпочитали сидѣть безъ гроша и не ронять своего достоинства работою наравнѣ съ крестьяниномъ и ремесленникомъ.

Образовался умственный пролетаріатъ, и онъ-то наполнилъ преимущественно литературу. Люди этого закала не могли похвалиться принципами и съ ними въ литературѣ явились подкупность и продажность. Перо отдавалось на откупъ литературному кулаку, а иногда и кой-кому повыше.

Могло-ли общество относиться съ уваженіемъ къ такому литературному подъячеству?

Другою причиною незавидной роли русской литературы была ея роль втеченіе долгаго времени. Въ эпоху изнѣженнаго барскаго феодализма, при процвѣтаніи крѣпостнаго права, литература была какою-то пѣною на умственномъ застоѣ и пресыщенности. Она была забавою, игрушкою, когда люди писали стихи ради убиванія

празднаго времени, когда гр. Хвостовъ затаскивалъ посѣтителей въ свой душный кабинетъ для выслушанія новыхъ своихъ произведеній или не выпускалъ ихъ изъ кареты, занимая своими твореніями; когда рузаевскій помѣщикъ Струйскій заставилъ сына-офицера наизустъ долбить свои сумбурныя стихотворенія и иначе не слалъ ему денегъ въ Петербургъ, если онъ не могъ сказать на какой страницѣ находится такая-то строчка въ стихахъ родителя; когда, наконецъ, были стихотворные мономаны, въ родѣ владимірскаго помѣщика Т—ва, на дочери котораго женился одинъ изъ братьевъ Муравьевыхъ.

Забава и игрушка не можетъ быть въ уваженіи. Ею играютъ, кидая ее. Но и впослѣдствіи, когда литература стала болѣе входить въ серьезную роль, она не съумѣла поднять своего значенія.

Барскій феодализмъ уступилъ мѣсто чиновничьему господству. Лоскъ съ французской политурой уступилъ мѣсто угловатымъ пріемамъ и рѣзкимъ выраженіямъ. Русскій народъ бранчивъ по природѣ. Національная брань сдѣлалась пятномъ на русской національности. Не смотря на то, она усвоилась языкомъ всѣхъ классовъ общества и сосѣди русскихъ научились ей, такъ что инородцы, вообще плохо говоря по-русски, выражаются отчетливо и чисто, какъ скоро начинаютъ браниться, а въ Сибири нерѣдко, говоря на своемъ туземномъ языкѣ, прибѣгаютъ къ русскимъ выраженіямъ, какъ скоро начинаютъ браниться.

Но мало того, что самъ по себѣ русскій языкъ обиленъ бранными выраженіями, русскій человѣкъ обобралъ всѣхъ своихъ сосѣдей въ области сильныхъ выраженій. „Шельма“, „каналья“, „бестія“— лишь самыя употребительныя изрѣченія, заимствованныя у Германіи, Франціи и Италіи. Простаковы, не зная географіи въ эпоху крѣпостнаго права, обшарили всю Европу въ поискахъ за бранными выраженіями и дали имъ полное право гражданства на русской почвѣ, а уже простому-то русскому человѣку было и вовсе простительно побраниться при встрѣчѣ съ сосѣдомъ и затѣмъ браниться разойдясь, тѣмъ громче и сильнѣе, чѣмъ дальше былъ противникъ. Тѣмъ естественнѣе было брани сдѣлаться въ русскомъ говорѣ иногда даже словами ласки и любезности.

Люди, благодаря гимназіямъ, семинаріямъ и университетамъ, вышедшіе въ сферу чиновничества изъ подначальныхъ классовъ

подъячества и духовенства, естественно вносили съ собою свой языкъ и свои привычки. Вскорѣ они сдѣлались главными представителями русскаго читающаго міра и съ этого времени въ литературѣ начинается переворотъ. Сильные выраженія канцеляріи и бурсы являются принадлежностью авторскаго слога. Читается больше то, что удовлетворяетъ привычкѣ къ крупнымъ и сильнымъ выраженіямъ, и потому литераторы бранятся. Кто сильнѣе бранится, того больше читаютъ, тому больше платятъ. Брань дѣлается предметомъ конкурренціи. Доходитъ до того, что Джона Стюарта Милля обзываютъ „ракаліей“.

Литература, мирволящая низкимъ наклонностямъ природы, не вызываетъ уваженія даже въ тѣхъ, къ кому она подлащивается. Не смѣя сыпать аттическою солью въ сильныхъ міра, литература довольствовалась посыпаніемъ соли на хвосты воробьямъ и вошла въ мелкія перебранки, дрязги и сплетни. Этимъ она еще болѣе проигрывала въ общественномъ мнѣніи, а тѣ, кому взаимныя униженія авторами другъ друга и униженіе литературы было на руку, могли только рукоплескать такому отрадному для нихъ явленію.

Цензура. Въ 1720 г. введено было предварительное просматриваніе рукописей къ печати. Въ 1728 г. нельзя было перевести на русскій языкъ рѣчей петербургскихъ академиковъ Делиля и Бернулли о вращеніи земли вокругъ солнца,— въ Россіи, преобразованной Петромъ I, такія разсужденія еще продолжали считаться еретическими. Указъ 1727 г., предписывая имѣть въ Петербургѣ всего двѣ типографіи: синодскую и академическую, постановлялъ, что историческія сочиненія могутъ печататься въ синодской типографіи, но прежде должны быть „аппробованы“ синодомъ. Въ 1731 году книги свѣтскаго содержанія предписано было аппробовать сенату. Сатиры Кантеміра не были одобрены къ печати и съ 1730 по 1762 г. оставались въ „рукописи“. Татищевъ безуспѣшно пытался напечатать гдѣ-нибудь свою русскую исторію. Въ изложеніи ея видѣли вольности, и боялись печатаніемъ навлечь на себя хлопоты и непріятности. Впослѣдствіи Миллеръ, съ разрѣшенія Екатерины II, напечаталъ исторію Татищева, но съ большими пропусками.

При Екатеринѣ II цензура книгъ лежала на обязанности управы благочинія. Въ 1797 г. имп. Павелъ I велѣлъ закрыть всѣ частныя типографіи и установить цензуру на опредѣленныхъ основаніяхъ. При Александрѣ I составленъ былъ цензурный уставъ, гласившій, что, въ случаѣ двоякаго истолкованія мѣста въ сочиненіи, принимается толкованіе въ пользу автора.

По поводу этого устава былъ поднятъ вопросъ въ литературѣ. Пнинъ, отрицая необходимость цензуры, приводилъ, что нѣтъ причинъ, почему бы правительственныя инструкціи цензорамъ не могли быть извѣстны гражданамъ вообще, тѣмъ болѣе, что цензорское дозволеніе еще вовсе не избавляло автора отъ преслѣдованія. Эпоха кн. Голицына и Магницкаго въ особенности была замѣчательна цензурными курьезами. Магницкій слушаетъ, напр., лекцію проф. Соколова о горахъ и находитъ въ ней что-то несогласное съ библіею. Онъ крестится, надѣваетъ шляпу и уходитъ, а затѣмъ лекцію требуютъ на просмотръ къ министру.

Попечитель округа въ такой степени вліялъ на цензуру, что цензоръ не позволялъ писать противъ авторовъ, покровительствуемыхъ имъ [1]). Иногда офиціальныя мѣста не знали, въ чемъ состоитъ духъ министерства. Такъ, редакція „Ж. М. Н. Пр.“, получивъ нагоняй за статью Сперанскаго, сдѣлала запросъ: въ чемъ именно состоитъ духъ министерства народнаго просвѣщенія [2]). Въ уставѣ, составленномъ при Николаѣ Павловичѣ (было составлено два устава и первый, скоро отмѣненный, былъ значительно строже послѣдующаго) основное правило — въ случаѣ двойственности смысла рѣшать въ пользу автора — было удержано, но примѣнялось къ дѣлу, смотря по цензору и по времени.

Нельзя не замѣтить, что нерѣдко само общество взывало къ цензурнымъ преслѣдованіямъ. Такъ, когда на сценѣ были пропѣты стихи А. А. Писарева:

У насъ теперь народъ затѣйный,
Пренебрегаетъ простотой,
Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ полевой.

Друзья журналиста Полеваго (это было въ 1824 г.) приняли

---

[1]) „Русск. Арх.“, 1871, стр. 979.

[2]) Тамъ же, стр. 973.

стихи за намекъ на Полеваго и обратились къ начальству съ просьбою запретить послѣдній стихъ. Велѣно было вмѣсто „полевой“ поставить „луговой“, но послѣ былъ выброшенъ весь куплетъ.

Другой примѣръ представляетъ извѣстное вмѣшательство Вигеля въ дѣло Чаадаева. Чаадаевъ написалъ статью въ журналѣ Надеждина, гдѣ критически относился къ русскому народу и курилъ ѳиміамъ папѣ. Это была обыкновенная журнальная статья, но ей придано было тотчасъ же политическое значеніе. Вигель пишетъ письмо къ митр. Серафиму. Серафимъ (памятный своимъ замѣчаніемъ на лекціи въ морскомъ корпусѣ, что „благосостояніе государства зиждется не на водѣ, а на религіи“), еще предъ тѣмъ незадолго получившій высочайшій приказъ наблюдать за печатью въ дѣлѣ духовной цензуры, пишетъ о томъ же предметѣ гр. Бенкендорфу и имп. Николаю Павловичу. Начато было дѣло, окончившееся высылкою Надеждина въ провинцію и прекращеніемъ его журнала.

Ходатайствовать о покровительствѣ цензуры было дѣло обычное. Гречъ въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ о своей просьбѣ къ предсѣдателю петербургскаго комитета, кн. Дондукову-Корсакову, не пропускать ничего въ печати, что могутъ написать противъ него — Греча — его враги. Эта просьба была уважена.

Уставъ 1826 г. предписывалъ направлять мысль автора; другой, изданный въ 1828 г., говоритъ уже не о „направленіи“, а только объ „ограниченіи“ мысли автора. Отвѣтственность цензора сдѣлалась очень значительною. Такъ въ 1829 г. цензоръ, пропустившій статью объ упадкѣ откупныхъ сборовъ въ Курской губерніи, былъ посаженъ на 8 дней подъ арестъ. Въ 1834 г., съ вступленіемъ въ должность министра просвѣщенія бывшаго арзамасца гр. С. С. Уварова, наступило особенно тяжелое время для цензоровъ. За статью Чаадаева, какъ мы видѣли, издатель журнала, Надеждинъ, былъ посланъ въ Устьсысольскъ, цензоръ смѣненъ. Полевой за статью противъ драмы Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“ подвергся преслѣдованію и притихъ. Самъ Кукольникъ не избѣгъ предостереженій. Онъ написалъ романъ, въ которомъ податныя сословія представлялись въ нѣсколько благопріятномъ свѣтѣ и, напротивъ, выводились слабыя стороны дворянства. Результатомъ было письмо Бенкендорфа, гдѣ авторъ

предостерегался на будущее время отъ подобныхъ сюжетовъ. Когда гр. Бенкендорфъ передалъ Гречу о неудовльствіи имп. Николая Павловича на статью въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ и спросилъ имя автора, Гречъ замѣтилъ, что, какъ редакторъ изданія, онъ принимаетъ отвѣтственность на себя и просилъ графа только сказать, на какую гауптвахту идти. Дѣло, впрочемъ, ограничилось замѣчаніемъ и до гауптвахты не дошло.

Въ 1848 г. по поводу перевода сочиненія Флетчера объ Иванѣ Грозномъ отмѣнено было право ученыхъ обществъ самимъ цензуровать свои изданія. Грановскій просилъ о дозволеніи издавать журналъ „Московское Обозрѣніе“—въ этомъ ему было отказано. Цензурныя условія дѣлали то, что стали чаще являться сочиненія сельско-хозяйственныя и юридическія и рѣже по другимъ отраслямъ научной литературы, гдѣ было большее поле для цензорскихъ ограниченій. Цензора, впрочемъ, не ограничивались исключеніемъ нецензурныхъ мѣстъ, но и вставляли мѣста отъ себя.

Въ прошломъ столѣтіи синодальная цензура сдѣлала исправленія въ стихахъ Попа, переведенныхъ проф. Поповскимъ. Поповскій представилъ объ этомъ Шувалову и затѣмъ напечаталъ стихи, исправленныя цензурою крупными буквами, оставивъ прочіе безъ измѣненія, не смотря на совѣтъ Шувалова измѣнить, чтобъ не выходило безсмыслицы. Еще Шишковъ замѣтилъ, что цензура, только „зачеркивающая“, иногда можетъ впасть въ промахи. Извѣстенъ его примѣръ. Въ стихахъ:

Что въ мірѣ семъ? Что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и рокъ — цари —

цензоръ зачеркнулъ слово „рокъ“ и въ печати читалось:

Гдѣ смерть и — цари.

Что, конечно, было сугубо-нецензурно. Такимъ образомъ нужда повела къ превышенію устава—къ вписыванію вмѣстѣ съ зачеркиваніемъ. Литераторы негодовали на цензоровъ, которые, напр., не допускали даже слова „вольный духъ“ въ дѣлѣ не только политики, но и кухни. Но съ другой стороны и цензоры были не совсѣмъ неправы, когда они говорили, что „оптика измѣняется“ съ мѣстомъ, что литераторы сами дѣлали бы то же на мѣстѣ цензоровъ.

Дѣйствительно, литераторы, и извѣстные, становились нерѣдко

цензорами: напр., Аксаковъ (С. Т.), Лажечниковъ, Гончаровъ и др., и отъ этого не очень измѣнялись цензурныя условія. Съ своей стороны правительству выгоднѣе было привлекать въ цензорскія должности людей даровитыхъ, потому что тѣ, не роняя авторитета карающей власти мелкими придирками и заявленіемъ индивидуальныхъ склонностей, зорко открывали дѣйствительно серьезное и нецензурное и, конечно, также не давали пощады въ этомъ отношеніи.

Цензура дѣйствовала на литературу постоянно однимъ и тѣмъ же образомъ. Авторы, находя необходимымъ бороться съ цензорскимъ карандашомъ, нисходили до ребяческихъ замашекъ, до хитростей; литература теряла даже то малое значеніе, какое имѣла; запрещенное, дѣльное и не дѣльное, читалось съ жаромъ, собственно благодаря запрещенію; воспитывалось то чувство желчнаго раздраженія въ пищущихъ людяхъ, которое устраняло безпристрастіе въ сужденіяхъ, и гдѣ изъ-за благонамѣренности, доходившей до тошноты, прорывался русскій радикализмъ, тамъ онъ доходилъ разомъ до тиранніи мысли—писатели раздѣлились на ташкентцевъ и ультрарадикаловъ. Кто не курилъ и не возвышалъ на пьедесталъ, тотъ плевалъ и топталъ въ грязь. Англійскаго, хладнокровнаго отношенія къ дѣлу не было. Ни общество, ни правительство, по замѣчанію одного профессора петербургскаго университета „не имѣли понятія о свободѣ слова“.

Конечно, такой порядокъ вещей могли приводить въ доказательство необходимости цензурныхъ стѣсненій, но безпристрастное отношеніе къ предмету въ цензурныхъ-то помочахъ и открывало главную причину этого ребяческаго недоразвитія общества до свободы слова.

Филаретъ, митрополитъ м[illegible]ковскій. Митрополитъ Филаретъ, въ мірѣ Вас. Мих. [illegible] Дроздовъ, происходилъ изъ духовнаго званія и родился в[illegible] въ коломенско[illegible] Коломнѣ, въ 1782 г. Онъ учился сначала Коломн[illegible] семинаріи, а потомъ, по упраздненіи епархіи въ м[illegible], въ тульской. Учителемъ своимъ въ области философскаго [illegible]мленія. Филаретъ послѣ признавалъ одного изъ преподавателей коломенской семинаріи, Малинина. Знакомый лично съ многими русскими

писателями, отъ Державина и впослѣдствіи до начинавшаго свою литературную карьеру Гоголя, Малининъ внимательно слѣдилъ въ своемъ званіи преподавателя граматики за современною ему литературою, не опуская даже мелкихъ явленій литературнаго міра и внушалъ охоту къ литературнымъ занятіямъ своимъ слушателямъ. Свободное время отъ занятій молодой Дроздовъ употреблялъ на занятіе музыкой. Въ то время еще велось въ нѣкоторыхъ священническихъ домахъ обыкновеніе играть на гусляхъ, подражая царю-псалмопѣвцу, и бряцанію дѣдушки Дроздова вторилъ нерѣдко молодой внукъ, сохранившій послѣ на всю жизнь любовь къ музыкѣ и пѣнію. Затѣмъ мы видимъ семинариста Дроздова прибывшимъ въ Троицкую Лавру для поступленія въ академію. На пріемномъ экзаменѣ онъ долженъ былъ написать сочиненіе на латинскомъ языкѣ и, окончивъ успѣшно испытаніе, былъ принятъ студентомъ философіи. Въ Лаврѣ онъ занимался серьезно. Охоту преимущественно къ научно-философскимъ занятіямъ въ молодомъ Дроздовѣ доказывало то, что онъ нарочно выучился французскому языку, чтобы быть въ состояніи прочесть Кантову „Критику чистаго разума“ во французскомъ переводѣ. Въ свободное время отъ занятій молодой Дроздовъ любилъ заниматься музыкой, играть въ шахматы, или ловить рыбу въ вифанскихъ прудахъ. Лавра и ея окрестности были тогда—въ началѣ нынѣшняго столѣтія—во многомъ не то, что теперь. Митр. Филаретъ послѣ въ проповѣдяхъ своихъ припоминалъ, что по. сосѣдству съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ въ деревянной избѣ, при свѣтѣ трещавшей и дымившейся лучины, молился преп. Сергій, былъ воздвигнутъ роскошный лѣтній домъ съ паркомъ вблизи его, гдѣ искуство подчиняло себѣ природу. Теперь на мѣстѣ этихъ дома и парка—Гефсиманскій скитъ. Студентъ Дроздовъ былъ любимцемъ ректора академіи Евграфа. Только разъ произошла между ними временная размолвка. Ректоръ просилъ написать латинскіе стихи къ пріѣзду въ Лавру митр. Платона. Дроздовъ стихи написалъ, но вести приготовленный разговоръ при встрѣчѣ митрополита отказался, сказавъ, что подобные, заученные заранѣе разговоры вообще отзываются театральностью, а онъ „не актеръ“. Вообще съ молодости и послѣ Филаретъ не былъ расположенъ къ легкимъ родамъ литературы; онъ чувствовалъ расположеніе только къ сатирѣ. Многіе находили, что ир-

ническое выраженіе было одною изъ характеристическихъ чертъ проницательнаго и какъ-бы отыскивающаго взгляда нашего архипастыря. Врочемъ, скоро молодой студентъ опять поладилъ съ своимъ ректоромъ и когда Евграфъ назначенъ былъ ректоромъ петербургской духовной академіи, онъ перезвалъ къ себѣ на службу Дроздова, оставшагося въ Лаврѣ, по окончаніи курса, преподавателемъ. Когда Дроздовъ кончилъ курсъ, его коломенскіе сограждане просили назначить его къ нимъ священникомъ, но епархіальное начальство не согласилось: оно готовило Дроздова къ высшимъ духовнымъ степенямъ. 27 лѣтъ отъ роду Василій Дроздовъ принялъ монашество подъ именемъ Филарета. Вызванный въ Петербургъ, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе. Скоро почести и вниманіе высшихъ лицъ измѣнили положеніе молодого іеромонаха и инспектора семинаріи. Будучи еще іеромонахомъ, Филаретъ получилъ наперстный крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями. Въ его званіи такихъ наградъ до того времени не давалось, и это обратило на себя вниманіе. Чрезъ годъ (въ 1812 г.) Филаретъ былъ сдѣланъ архимандритомъ, а въ 1817 г. мы видимъ его уже епископомъ ревельскимъ (живя въ Петербургѣ, онъ, впрочемъ, не посѣтилъ своей епархіи) и викаріемъ петербургскимъ, а въ 1822 г. послѣдовало назначеніе его митрополитомъ московскимъ. Сорока лѣтъ отъ роду бывшій коломенскій семинаристъ предсталъ предъ своими коломенскими согражданами, какъ ихъ духовный владыко и затѣмъ втеченіе 45 лѣтъ оставался архипастыремъ Москвы.

Въ эпоху послѣдовавшую за наполеоновскими войнами, мы видимъ молодого архимандрита принимающимъ всѣ заботы объ устроенномъ въ то время библейскомъ обществѣ. Приглашеніе, пришедшее изъ Лондона, устроить въ Россіи общество для распространенія въ народѣ священнаго писанія, нашло у насъ дѣятельныхъ сторонниковъ. Главными между ними были: кн. Софья Серг. Мещерская и кн. А. Н. Голицынъ. Оба эти лица пользовались дружескимъ расположеніемъ императора Александра Павловича, принявшаго также живое участіе въ учрежденіи русскаго библейскаго общества. Архим. Филаретъ, котораго скоро отличила кн. Мещерская между другими духовными, тѣмъ дѣятельнѣе участвовалъ въ трудахъ общества, что вопросъ о передачѣ библейскихъ книгъ на народномъ языкѣ еще прежде занималъ его. Скоро одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ

членовъ библейскаго общества, кн. Мещерская, умерла и всѣ замѣтили выраженіе тяжелой грусти на довольно-пріятномъ въ молодости, но холодномъ и безстрастномъ лицѣ Филарета, когда онъ, по собственному вызову, совершая похоронный обрядъ надъ покойницею, бросилъ на нее прощальную горсть земли.

Въ 1823 г. императоръ Александръ Павловичъ рѣшается узаконить государственнымъ документомъ переходъ престола по смерти его, помимо отрекшагося отъ своихъ правъ Константина, къ Николаю Павловичу. Манифестъ съ этою цѣлью поручено было написать Филарету, тогда уже митрополиту московскому. Филаретъ написалъ манифестъ и отдалъ его въ Царскомъ Селѣ кн. Голицину, который—такъ какъ дѣло положено было хранить въ глубокой тайнѣ—собственноручно переписалъ его. Кромѣ Аракчеева, кн. А. Н. Голицына и митрополита Филарета никто изъ приближенныхъ къ государю не зналъ ничего объ этомъ манифестѣ. Первоначально хотѣли, чтобы манифестъ въ запечатанномъ пакетѣ хранился только въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, но Филаретъ далъ совѣтъ, чтобы копіи съ него хранились также въ главныхъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Пакетъ нужно было распечатать по полученіи извѣстія о смерти государя. Императоръ Александръ, умеръ въ Таганрогѣ, и одновременно съ вѣстью объ этомъ въ Москву пришла другая, что великій князь Николай Павловичъ, котораго манифестъ назначалъ преемникомъ, уже присягнулъ Константину Павловичу. Какъ тутъ было поступить? Филаретъ, самъ писавшій манифестъ и хорошо знавшій волю императора Александра, былъ въ затрудненіи. Пакетъ былъ вскрытъ впослѣдствіи, когда Николай Павловичъ уже вступилъ на престолъ.

Извѣстно, что декабристы хотѣли, въ случаѣ, если ихъ цѣли будутъ достигнуты, выбрать Филарета въ члены временнаго правительства. Это только доказываетъ, что между ними были лица, отдававшія дань уму московскаго митрополита. Что же касается образа мыслей митрополита, то, какъ мы увидимъ далѣе яснѣе, онъ едва-ли подходилъ къ требованіямъ предводителей заговора. Блестящій проповѣдникъ, Филаретъ поражалъ и увлекалъ слушателей картинностью своихъ образовъ и нѣкоторою поэтичностью при всемъ холодно-сдержанномъ тонѣ поученія. Но отличительною

чертою его проповѣдей было духовно-полемическое направленіе при чрезвычайной сдержанности выраженій. Онъ въ своихъ проповѣдяхъ больше заставлялъ чувствовать, чѣмъ высказывалъ прямо. По замѣчательной осторожности въ характерѣ, онъ представлялъ полный контрастъ руководителямъ заговора.

Во все царствованіе императора Николая Филаретъ живетъ въ Москвѣ, но ни одно изъ важныхъ дѣлъ въ синодѣ не рѣшается безъ его участія. Оберъ-прокуроръ синода, гр. Протасовъ, посылалъ ему бумаги изъ Петербурга и нерѣд о самъ ѣздилъ въ Москву исключительно для того, чтобы видѣться съ Филаретомъ и переговорить о нужныхъ дѣлахъ.

Въ царствованіе императора Александра II желаніе московскаго митрополита видѣть св. писаніе преподаннымъ на народномъ русскомъ языкѣ, исполнилось. Духовныя академіи: кіевская, московская, казанская и с.-петербургская занялись переводомъ св. писанія на русскій языкъ и впослѣдствіи переводъ евангелистовъ былъ изданъ. По желанію Филарета, переводъ дѣлался съ подлинника: вѣтхій завѣтъ съ еврейскаго текста, новый—съ греческаго.

Манифестъ 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ былъ въ проектѣ не только исправленъ, но отчасти и передѣланъ Филаретомъ противъ первоначальной редакціи.

Самъ писатель, оставившій даже опыты переложеній духовныхъ авторовъ стихами, Филаретъ слѣдилъ внимательно за современною ему литературою. Но иногда во взглядахъ его проскальзываютъ своеобразности. Въ басняхъ Крылова, по его мнѣнію, напрасно выводились безсловесные звѣри подъ христіанскими именами. „И точно, спрашиваетъ біографъ митрополита, Сушковъ—почему медвѣдь—Мишка, кошка—Машка, козелъ—Васька, а самое нечистое животное Февронья?“. Дѣлающему этотъ вопросъ, вѣроятно, однак было хорошо извѣстно, что молодое поколѣніе, учившееся по баснямъ Крылова никогда не могло обратить вниманіе на это обстоятельство, подмѣченное съ теологической точки зрѣнія, да и самъ Крыловъ, конечно, не предполагалъ, что оно обратитъ этимъ на себя вниманіе, такъ какъ онъ бралъ лишь выраженія и названія изъ устъ народа.

Филаретъ совѣтовалъ уступчивость въ дѣлѣ внѣшняго обычая при присоединеніи уніатовъ къ православію. Монахи-уніаты брили

бороды и ѣли мясо. Положено было не касаться вопроса о бритьѣ бородъ и пищѣ. Филаретъ замѣтилъ, что дворяне брѣютъ бороды и никто ихъ за это не считаетъ еретиками, а употребленіе той или другой пищи не составляетъ сущности религіи и монахи въ Бессарабіи, по обычаю и климатическимъ условіямъ, ѣдятъ мясо. Благодаря этой уступчивости во второстепенныхъ подробностяхъ, которыя, однако, много значатъ въ быту народовъ, возсоединеніе уніатовъ не представило особенныхъ затрудненій. Филаретъ высказывался въ пользу снисхожденія и въ другихъ случаяхъ. Такъ, когда г-жа Полье, урожденная гр. Шувалова, хотѣла похоронить своего мужа на кладбищѣ Александро-Невской Лавры и синодъ затруднился исполнить это желаніе, такъ какъ Полье былъ римско-католикъ, а погребеніе иновѣрцевъ на русскихъ кладбищахъ не допускалось, то Филаретъ далъ мнѣніе, что просьба супруги можетъ быть удовлетворена, такъ какъ церковь не могла противиться желанію любящей супруги не разлучаться и за гробомъ съ тѣмъ, кого любила она при жизни, хотя онъ и былъ иновѣрецъ.

За то тамъ, гдѣ митрополитъ московскій считалъ необходимымъ выказать рѣшимость, онъ твердо стоялъ на своихъ правахъ. Такъ извѣстный П. А. Клейнмихель (послѣ графъ), разведясь съ своею женою безъ особенной причины, сватался за ея близкую родственницу. Московскій владыка возсталъ противъ этого. Ему представляли, что Клейнмихель—иновѣрецъ и не подлежитъ вѣдѣнію православной духовной власти. Филаретъ представлялъ, что разведенная жена его—русская, и православная духовная власть должна охранить ее, если разводъ послѣдовалъ безъ всякаго повода съ ея стороны. Хотѣли обойти протестъ митрополита, но это было не такъ легко.

КНИЖНОЕ ДѢЛО

въ эпоху имперіи.

Петръ I самъ выбиралъ иностранныя книги и отдавалъ передѣлывать или переводить ихъ на русскій языкъ. Въ этомъ отношеніи его можно назвать главнымъ редакторомъ большей части сколько-нибудь замѣчательныхъ книгъ, напечатанныхъ въ его царствованіе. Копіевскій, Гавріилъ Бужинскій, Поликарповъ, Кипріановъ и другіе писали и составляли книги, болѣе или менѣе, по указанію Петра. Въ первые годы своего царствованія Петръ поручилъ печатаніе русскихъ книгъ голштинцу Избранту; въ 1700 г. печатаніе русскихъ книгъ за границей было поручено голландцу Тессингу. Тессингъ получилъ 15 лѣтнюю привилегію на печатаніе заграницей (въ Амстердамѣ) и на ввозъ въ Россію русскихъ книгъ свѣтскаго содержанія. Книги духовнаго содержанія печатались по прежнему, исключительно въ московской и кіевской типографіяхъ. Въ кіевской прежде печатались и свѣтскія книги, но съ тѣхъ поръ, какъ Кіевъ въ духовномъ отношеніи, вмѣсто Константинополя, сталъ зависѣть отъ Москвы, его типографія ограничилась печатаніемъ однѣхъ книгъ духовнаго содержанія. Привиллегія, данная Тессингу, не дозволяла никому кромѣ его привозить русскія книги въ Россію. Книги, напечатанныя не въ его типографіи и ввезенныя въ Россію, подвергались конфискаціи и съ ввезшаго былъ назначенъ штрафъ. При ввозѣ книгъ Тессинга, въ архангельской таможнѣ съ нихъ бралось 8% пошлины; затѣмъ они везлись въ Москву, въ посольскій приказъ, и оттуда пускались въ продажу. Тессингъ однако не имѣлъ боль-

шой прибыли; его книги мало раскупались. Въ 1703 г. дошла до Петра жалоба изъ Амстердама, что продажа книгъ, напечатанныхъ по его приказу, причиняетъ убытокъ—„понеже—было сказано въ жалобѣ — купцевъ и охотниковъ въ землѣ вашего царскаго величества зѣло мало“. Продажа книгъ не усиливалась и послѣ, печатаніе ихъ происходило скорѣе изъ государственныхъ цѣлей, чѣмъ вызывалось требованіемъ читателей. Впрочемъ Тессингъ не могъ повести дѣло съ успѣхомъ. Какъ иностранецъ, онъ не зналъ ни русскихъ нуждъ, ни русскаго языка. Онъ искалъ дѣльнаго и опытнаго помощника, изъ русскихъ, но не могъ найти его. Онъ обратился къ Копіевскому, котораго документъ, разрѣшавшій печатаніе ему въ Амстердамѣ книгъ на русскомъ языкѣ, называетъ полякомъ. Полякъ-ли, русскій-ли былъ Копіевскій, только во всякомъ случаѣ онъ оказался плохимъ, хотя и трудолюбивымъ помощникомъ Тессинга. Въ Москвѣ трудовъ Копіевскаго не цѣнили. Подъячій Михайло Ларіоновъ, возвративъ въ 1698 г. Копіевскому одинъ изъ его трудовъ „аки бездѣлицу какую“ (какъ выражается Копіевскій), привелъ автора къ себѣ на поварню, бранился и говорилъ, что у нихъ на Москвѣ промышленныхъ людей „стегаютъ“. Арифметика, заказанная Копіевскому приказчиками Филатьевыми и напечатанная въ 3350 экземплярахъ, такъ и осталась у автора, потому что заказавшіе отказались взять ее. Изъ трудовъ Копіевскаго видно, что это былъ труженникъ безъ всякаго дарованія. Зато онъ былъ дѣйствительно труженникъ. Онъ въ одно время писалъ книги, показывалъ въ Амстердамѣ наборщикамъ какъ ихъ набирать и училъ пріѣзжавшихъ въ Голландію русскихъ князей и бояръ. Послѣдняя статья—обученіе русскихъ знатныхъ господъ—не была особенно выгодна для Копіевскаго. Князья и бояре, пріѣхавшіе съ Петромъ въ Амстердамъ и учившіеся у Копіевскаго, не сказали ему даже „спасибо“, а князья Щербатовъ и Салтыковъ увезли у него сверхъ того 4 глобуса, не заплативъ денегъ.

По смерти Тессинга его мастеръ повезъ типографію въ Россію, въ 1708 г., но въ Данцигѣ она была перехвачена шведами. Это-то обстоятельство и позволило Карлу XII при вступленіи въ Россію обратиться къ малороссамъ съ воззваніемъ на русскомъ языкѣ. Въ 1707 г. мы видимъ Копіевскаго уже въ Москвѣ, но

шрифтъ, которымъ печатались его книги, остался въ Германіи и тамъ было напечатано имъ впослѣдствіи, нѣсколько русскихъ книгъ. Русскій шрифтъ работы Тессинга, присланный въ Москву въ 1708 г., болѣе отступалъ по начертанію отъ церковно-славянскаго, чѣмъ венеціанскій русскій шрифтъ, бывшій первою попыткою уклоненія отъ славянскаго, и которымъ печатались книги съ 1681 г. въ Венеціи. Только съ этого времени, съ 1708 года, начинается правильное, постоянное печатаніе русскихъ книгъ свѣтскаго содержанія въ Москвѣ. До тѣхъ поръ русскія произведенія свѣтской литературы печатались заграницей; въ самой Россіи выходили только духовныя и нѣсколько учебниковъ. Первый русскій календарь („Святцы или календарь“) былъ изданъ въ Амстердамѣ въ 1702 г. Первый календарь изданный въ Россіи, такъ-называемый Брюсовъ (составленный Кипріяновымъ), былъ стѣнной и изданъ въ 1709 г. Затѣмъ явились „Приклады, како пишутся комплименты“ (1711) и другія подобныя книги. Исторической и философской литературѣ Петръ отдавалъ предпочтеніе, но печатались книги по всѣмъ отраслямъ. Впрочемъ книжная торговля шла, какъ мы видѣли, туго; продавалось книгъ на сумму втрое меньшую, чѣмъ во сколько обходилась бумага для типографскихъ станковъ. Болѣе другихъ шли въ продажѣ духовныя книги и учебники. Въ 1691 г. изданъ былъ букварь Истомина съ картинами. Затѣмъ въ 1695 г. другой такой-же, Леонтія Буница. Букварь изданный въ 1696 г., повидимому, предназначенъ былъ для обученія царевича Алексѣя Петровича. Въ 1701 г. явился „Славянскій, латинскій и греческій букварь“, Поликарпова, съ молитвами и популярною энциклопедіею. Въ 1720 г. напечатано было „Первое ученіе отрокамъ“ Ѳеофана Прокоповича; это былъ первый букварь, написанный народнымъ русскимъ, а не церковно-славянскимъ языкомъ.

Единственная грамматика явившаяся въ царствованіе Петра была — иподьякона Ѳедора Максимова (1723). Максимовъ много заимствовалъ изъ единственной, извѣстной до тѣхъ поръ русской грамматики Смотрицкаго, но имѣетъ предметомъ уже разговорный русскій языкъ. Изъ арифметикъ того времени наиболѣе была распространена Магницкаго. Магницкій былъ лично извѣстенъ Петру, велѣвшему ему писаться „Магнитскимъ“, отъ слова магнитъ. Самъ съ любовью занимавшійся математикою, до конца жизни трудившійся

надъ рѣшеніемъ невозможной задачи „perpetuum mobile“, Петръ не разъ бесѣдовалъ съ Магницкимъ и поощрялъ его труды. Арифметика Магницкаго долго была въ употребленіи въ школахъ. Главнымъ матеріяломъ, какъ полагаютъ, для Магницкаго послужила рукописная арифметика конца XVII столѣтія. Въ эту рукописную арифметику входили также понятія изъ астрологіи, астрономіи и и товаровѣденія. Въ этой рукописной арифметикѣ первыя четыре правила названы: *адисіе, сюбстрясіе, мюлтипликасіе* и *дивизія*—съ французскаго. Впрочемъ приведены и русскія названія—*считаніе, выниманіе, умноженіе* и *дѣловая*. Изъ этихъ четырехъ названій, какъ видимъ, сохранилось только одно—*умноженіе*. Въ этой-же арифметикѣ приведены „счетная нюмерасіе“ (счисленіе), указъ какъ „костьми считати“ и указъ о „досчаномъ счетѣ“ (счеты).

Въ составленной въ концѣ XVII, или въ началѣ XVIII вѣка въ Венеціи „Аритметика или Щисленія“—находимъ познанія „ѳрактъ“ (дроби) и „регулу трехъ“ (тройное правило). „Арихметика“, по которой учился Петръ I. очевидно составлена была по латинскимъ источникамъ—въ ней четыре правила названы „аддиція, субстракція, мултипликація и дивизія“. Но это все были рукописныя арифметики. Первая печатная была Магницкаго. На заглавномъ листѣ этой арифметики представлена сама „Арифметика“, сидящая въ коронѣ; къ ней ведутъ „счисленіе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе“. На столбахъ храма, въ которомъ сидитъ „Арифметика“, представлены „геометія астрономія“ и пр. Подпись гласила:

„Арифметика что дѣетъ,
„На столпахъ то все имѣетъ“.

Далѣе авторъ говоритъ:

„Узрѣвъ яко въ томъ есть плодъ многъ
Внесохъ изъ морскихъ книгъ, что возмогъ“.

Въ этой же арифметикѣ были собраны свѣденія изъ геометріи, тригонометріи, астрономіи, даже приведены градусы 26 городовъ. За свой трудъ Магницкій получилъ 49 руб. 31 алтынъ и 4 деньги. Конечно, въ то время, когда московскимъ наборщикамъ платилось 3—5 коп. за дневной заработокъ, 49 р. по цѣнѣ товаровъ стоили едва-ли не въ десять разъ больше нынѣшняго—тѣмъ не менѣе

вознагражденіе было незначительно. Но впослѣдствіи Петръ щедро вознаградилъ Магницкаго. Въ этой арифметикѣ авторъ упоминаетъ, что онъ русскій. По словамъ Магницкаго, въ этой книгѣ:

„Разумъ весь собралъ и чинъ
Природный русскій, а не нѣмчинъ".

Петру могло льстить то, что книга была составлена трудомъ русскаго человѣка. Притомъ авторъ обратилъ вниманіе на приложеніе арифметики къ практическимъ нуждамъ. „Коликогуба есть арифметика"? говоритъ одинъ вопросъ у Магницкаго. Отвѣтъ: „есть сугуба—арифметика-логистика и арифметика-практика". Практическая сторона арифметики Магницкаго обращаетъ вниманіе на морское дѣло, что не могло не вызвать одобренія Петра. Называя автора „Магнитомъ", Петръ далъ ему деревню и велѣлъ построить домъ въ Москвѣ. Арифметика Копіевскаго, вышедшая около того же времени, заключаетъ въ себѣ „руководеніе въ аритметику" (введеніе) на 16 страницахъ. Затѣмъ слѣдуютъ: числа (счисленіе), придача (сложеніе), изъятіе или убавка (вычитаніе), умноженіе и раздѣленіе (дѣленіе). Нуль называется „оникомъ". Впрочемъ Копіевскій сохраняетъ также и иностранныя названія: адыцыя, субстракцыя, мултипликацыя и дивизія. Повѣрка названа „искушеніемъ"; „таблицу умноженія" авторъ называетъ „лѣствица умноженія перстовъ или способъ Питагоревъ". Въ книгѣ приведены также „сентенціи или причти", иногда неимѣющія никакого отношенія къ арифметикѣ. Одна изъ такихъ сентенцій, напримѣръ, говоритъ:

„Пропало дѣло того господина
Коего учитъ его же слуговина".

Федоръ Поликарповъ составилъ въ 1704 г. славяно-греко-латинскій лексиконъ.

Обращенія къ читателю и предисловія вообще играютъ большую роль въ тогдашнихъ учебникахъ. Поликарповъ въ предисловіи къ лексикону говоритъ:

„Лучше ли вѣси—гдѣ худо поправи
Аще нѣсть силъ, умъ твой въ сихъ направи".

Мы видѣли предисловіе Магницкаго. Рукописная арифметика, послужившая ему матеріаломъ, говоритъ о себѣ: „заочныя, невидимыя и предъочныя дѣла объявляю".

Въ географіи Глюка на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (руко-

писной) *мысъ* называется „кабъ“ (отъ caput), *проливъ*—„ужина“. Кіевскій написалъ „всякую“ (всеобщую) исторію. Что она была въ научномъ отношеніи—видно изъ „введенія“, гдѣ о Москвѣ рѣкѣ говорится: „она паче всѣхъ рѣкъ прославися зѣло и именемъ Мосоха, праотца россійскаго, и пресвѣтлѣйшимъ престоломъ пресвѣтлѣйшаго и великаго монарха“. Авторъ производитъ „Москва“, какъ видимъ, отъ баснословнаго праотца славянъ Мосоха. Въ той же исторіи Москва-рѣка приведена между тремя великими и главными рѣками, играющими видную роль относительно востока, запада и полуденныхъ странъ.

Со смертью Петра I въ русскомъ книжномъ дѣлѣ разомъ наступаетъ переломъ. И прежде печаталось немного, теперь стало печататься еще меньше. Какъ трудно было пріобрѣтать необходимыя книги, видно изъ того, что когда учителю инженерной школы въ Петербургѣ въ 1731 г. понадобилась книга по морской механикѣ, то потребовался экстренный указъ: приторговать эту книгу въ академіи наукъ [1]). До 1725 г. въ Москвѣ типографія (единственная) печатала на 14 станахъ — на 11 духовныя книги, на 2—свѣтскія и на 1 гравюры. Въ 1725 г. признано было достаточнымъ имѣть въ той же типографіи только 4 стана для всѣхъ работъ. Дѣйствительно, прежніе расходы на типографію не оплачивались продажею книгъ. Такъ, расходъ на типографію опредѣлялся въ 11,000 рублей въ годъ, а книгъ продавалось въ годъ не болѣе, какъ на 3,000 рублей. Въ 1725 г. жалованье рабочимъ въ типографіи стало выдаваться книгами и рабочіе просили выдавать имъ московскими и кіевскими духовными книгами, такъ какъ онѣ продавались лучше другихъ. Долго затѣмъ типографское дѣло было въ Москвѣ въ незавидномъ состояніи. Извѣстно, что печатаніе сочиненій Ломоносова въ московской университетской типографіи (немного спустя, по основаніи университета,) было пріостановлено, потому что недостало буквы *й* и ее надобно было выписывать изъ Петербурга. Типографское дѣло въ Москвѣ улучшается, когда университетская типографія берется въ аренду Новиковымъ. Новиковъ вмѣсто одной типографіи завелъ три. Заведенныя имъ въ Москвѣ и другихъ городахъ книжныя

[1]) Историч. обозрѣніе, 2 кад. корпуса, 23.

лавки распространили кругъ читателей печатныхъ произведеній, такъ что вмѣсто прежнихъ 600 подписчиковъ у „Московскихъ Вѣдомостей“, при издательствѣ Новикова, было 4,000. Новиковъ устройство своихъ типографій довелъ до такого совершенства въ 1781 г., что, по словамъ проф. Шварца, немного было и въ Европѣ имъ подобныхъ. Въ три года Новиковъ напечаталъ больше книгъ, чѣмъ съ основанія университета, втеченіи 24 лѣтъ, до него. Впослѣдствіи его типографіи и книжныя лавки были закрыты за печатаніе и распространеніе книгъ противуцензурнаго содержанія. Но митр. Платонъ, разсмотрѣвъ въ 1787 г. 455 книгъ, изданныхъ Новиковымъ, нашелъ изъ нихъ вредными только 6.

Книжная торговля не могла особенно процвѣтать.

Пасторъ Гейдеке сравнивалъ русскихъ провинціальныхъ книгопродавцевъ съ ослами, играющими на флейтѣ,—такъ мало понятія имѣли они о товарѣ, проходившемъ чрезъ ихъ руки. Жихаревъ упоминаетъ о костромскомъ книгопродавцѣ, ведшемъ большую торговлю, и который, какъ старообрядецъ, считалъ смертнымъ грѣхомъ прикоснуться къ книгѣ съ гражданской печатью.

По словамъ Снегирева, въ началѣ нынѣшняго столѣтія учебныхъ книгъ вообще было такъ мало, что старинный способъ списыванья книгъ былъ еще въ полномъ ходу. Списывались цѣлые лексиконы. Какъ вообще слаба была поддержка книжнаго дѣла въ обществѣ, видно изъ того, что когда первое изданіе исторіи Карамзина все разошлось и на второе не явилось такаго же пособія, какъ на первое (50,000 рублей отъ казны) —издатель разорился [1]). А первое изданіе исторіи Карамзина разошлось въ 24 дня.

Въ библіотекахъ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, иностранныя книги значительно преобладали по числу надъ русскими. Такъ, хотя къ упоминаемымъ Бантышъ-Каменскимъ въ 1776 г. 900 русскимъ книгамъ прибавились новыя (по Бакмейстеру, съ 1770 по 1788 г. напечатано было 800 русскихъ книгъ), тѣмъ не менѣе въ 1794 г. въ имп. публичной библіотекѣ было всего 2247 русскихъ книгъ въ 2795 томахъ. Предполагая, что около этого времени было до 4,000 русскихъ книгъ (больше

[1]) Колбасинъ, Литерат. дѣятел. прошл., 125.

переводныхъ), все-таки окажется, что иностранныя значительно превышали массою. Такъ въ эрмитажѣ было 40,000 томовъ, но изъ этого числа 10,000 сочиненій было на иностранныхъ языкахъ, а русскія находились лишь въ двухъ комнатахъ, подъ присмотромъ камердинера [1]). Съ пріобрѣтеніемъ библіотеки Залусскаго, численное преобладаніе иностранныхъ книгъ явилось громаднымъ. Первый русскій глобусъ былъ изданъ комиссіею народныхъ училищъ.

Первая частная, типографія Гартунова, явилась въ Петербургѣ съ разрѣшенія сената, въ 1769 г. Въ 1783 г. въ Петербургѣ было уже 8 типографій, въ Москвѣ—3, въ другихъ мѣстностяхъ Россіи—4 [2]). Библіотекъ для чтенія не было до 1777 г., когда явилось нѣмецкое „общество для чтенія". Потомъ явилось и французское, но объ учрежденіи такого же русскаго тщетно хлопоталъ въ 1791 г. книгопродавецъ Туманскій. Оно не было разрѣшено. Первая русская библіотека для чтенія (Овчинникова) явилась до 1793 г. Тамъ, при покупкѣ книгъ на 5 рублей, покупатель имѣлъ право вернуть ихъ назадъ, уплативъ по 2 рубля за каждый мѣсяцъ пользованія. Въ 1793 г. было въ Петербургѣ 8 иностранныхъ книжныхъ лавокъ и три русскія (Глазунова, Полежаева и Сопикова). До 1760 г. была только одна книжная лавка въ Петербургѣ—академическая.

Расходились болѣе другихъ книгъ календари. Такъ въ 1780 г. было продано 8,000 экземпляровъ академическаго календаря, въ 1786—13,000, въ 1793—23,000. Чтеніе публичныхъ лекцій начинаетъ вводиться у насъ съ 1784 г., когда профессора и адъюнкты академіи, по иниціативѣ кн. Дашковой, читали лекціи по математическимъ и естественнымъ наукамъ (напр., проф. Крафтъ—по физикѣ).

Въ Москвѣ не было книжной лавки до 1753 г. Первую общественную библіотеку въ ней (безплатную), открылъ Новиковъ.

---

[1]) Георги, Описаніе Санктъ-Петербурга, 1793.
[2]) Etat prèsent de la Russie, 1788, p. 101—102

УЧИЛИЩНЫЙ БЫТЪ.

При Петрѣ ученикамъ морской академіи, учрежденной въ 1715 г., предписано было, подъ страхомъ наказанія, называть другъ друга не иначе, какъ „мой господинъ“ [1]), но собственноручная царская резолюція прибавляла относительно этихъ господъ: „выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ, чтобы хлыстами били безчинствовавшихъ, не смотря на фамиліи“.

Въ уставѣ академіи, выработанномъ духовною коллегіею, было помѣщено, чтобы тупыхъ учениковъ не принимать. Но тупость могла быть напускною въ то время, когда масса кандидатовъ въ школьники старалась всѣми средствами избавиться отъ училища. Поэтому, того, кто притворялся тупымъ, можно было принимать и держать годъ въ академіи на испытаніи, чтобы узнать, дѣйствительно-ли онъ тупъ. Тупаго положено было не принимать, по замѣчанію устава, потому „что лѣта потеряетъ, а ничему не научится, а обаче возымѣетъ о себѣ мнѣніе, что онъ мудрый и отъ таковыхъ нѣсть горшихъ бездѣльниковъ“. Уставъ предписывалъ сварливыхъ и непокорныхъ, послѣ годичнаго испытанія, высылать изъ академіи, „чтобы бѣшеному меча не дать“. Въ предполагавшейся семинаріи положено было дать семинаристамъ по складной кровати, „чтобы въ день логовища знати не было“. Въ „избахъ“ для семинаристовъ должно было быть по особому надсмотрщику, хотя и не ученому, но честнаго житія, только бы не былъ „вельми

[1]) П. С. З., ст. 2937.

свирѣпъ и не меланхоликъ". Семинаристовъ велѣно было занимать плаваніемъ на судахъ, геометрическими размѣрами, строеніемъ крѣпостей, чтеніемъ воинскихъ исторій за обѣдомъ и проч. [1]). Тутъ видна рука Петра. Впрочемъ, эта проектированная семинарія имѣла въ виду приготовленіе не однихъ духовныхъ.

Хозяйственная часть въ московскомъ университетѣ, прямо по его основаніи, не могла похвалиться особеннымъ порядкомъ. Ученики, какъ разночинцы, такъ и „благородные", терпѣли нужду въ платьѣ; профессора и учителя, по мѣсяцамъ не получая жалованья, терпѣли нужду; въ классѣ учителя латинскаго языка, Фрязина, стѣна треснула, а потомъ разрушилась, когда стали поправлять, а между тѣмъ университетскія суммы отдавались тысячами рублей въ ростъ [2]). Чиновничество настолько проникло въ университетъ, что профессора, какъ академики въ Петербургѣ, считались мѣстами и спорили о старшинствѣ. Не видно однако, чтобы преподавательное званіе стояло высоко. Такъ, разъ воспитанникъ изъ дворянъ подставилъ ногу учителю. Тотъ далъ ему пощечину. Воспитанникъ пожаловался и резолюція начальства была, чтобы тотъ и другой просили извиненія другъ у друга. Но воспитанникъ принесъ затѣмъ жалобу другому университетскому ассесору и этотъ отдалъ приказъ солдатамъ арестовать учителя. Солдаты, исполняя приказаніе, арестовали учителя въ постели, но оказалось, что арестовано было не то лицо.

Въ 1766 г. университетское начальство обратило вниманіе на жестокое обращеніе съ учениками университетской гимназіи учителя Рехта и подвергло его наказанію. Затѣмъ издано было постановленіе: не бить воспитанниковъ ферулами (линейками), а одѣвать *въ крестьянское платье*. Студентовъ университета за проступки лишали шпаги, сажали на хлѣбъ — на воду, по три дня заставляли ходить въ крестьянскомъ платьѣ, лишали мѣсячнаго жалованья.

Университетъ и всѣ лица, входящія въ составъ его, пользовались льготами: свободою отъ постоя, неплатежемъ налоговъ на

---

[1]) П. С. З., т. VII, стр. 337.

[2]) Шевыревъ, «Ист. моск. унив.», стр. 77.

содержаніе ночныхъ сторожей, на мощеніе улицъ и проч. Такъ какъ студенты также пользовались этими льготами, то они нерѣдко давали свое имя при покупкѣ домовъ и числились хозяевами, не будучи ими. Это все относительно московскаго.

Петербургскій университетъ имѣлъ свою скандалезную эпоху. Въ 1821 г. попечитель Руничъ, обвиняя профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева, называлъ тетрадки лекцій Германа смердящими и давалъ ихъ нюхать присутствовавшимъ; бранилъ иностранцевъ, и тѣмъ сильнѣе, когда замѣтилъ, что иностранцы, бывшіе въ конференціи, обижаются. Крики изъ конференціи были слышны запертымъ въ камерахъ студентамъ. Это засѣданіе произвело такое впечатлѣніе на проф. Соловьева, что онъ, отправясь домой, вмѣсто 6 линіи Васильевскаго острова попалъ въ Коломну.

При системѣ блеска и чистоты снаружи, и простоты съ безпорядочностью — на оборотной сторонѣ медали, въ бытѣ учебныхъ заведеній, было много такого, о чемъ начальство не вѣдало. Неофиціальная жизнь текла особо отъ офиціальной.

Въ петербургской семинаріи при Сперанскомъ кутежъ семинаристовъ начинался собственно съ 9 часовъ вечера, когда начальники ложились спать. Тутъ играли въ карты — красненькими и синенькими бумажками, представлявшими карты. Одинъ изъ учителей Сперанскаго въ семинаріи былъ постоянно пьянъ. Наставники вообще не были въ особенномъ почетѣ въ обществѣ. Какъ родители искали преподавателей своимъ дѣтямъ по рынкамъ между портными и парикмахерами (противъ чего такъ возставалъ проф. Шаденъ), такъ въ шляхетномъ корпусѣ нарочно приготовляли солдатскихъ и мѣщанскихъ дѣтей для занятія впослѣдствіи мѣстъ учителей и надзирателей въ корпусѣ: поступленіе въ эти должности для дворянъ считалось предосудительнымъ (въ 1772 г. было 86 мѣщанскихъ дѣтей, обучавшихся съ этою цѣлью). При такомъ пренебреженіи къ званію наставника и воспитателя, люди, шедшіе въ эти должности, благодаря самой печати отверженія, лежавшей на нихъ, спивались съ кругу и вообще мало заботились о поддержаніи своего достоинства.

Въ болѣе отдаленную старину было еще болѣе своеобразнаго въ бытѣ учащаго состава. Извѣстно дѣло академической гимназіи учителя Введенскаго, котораго брали подъ караулъ за нехожденіе въ

классы. Введенскій, въ пьяномъ видѣ, велъ себя подъ карауломъ неспокойно и прапорщикъ Петръ Галлъ отхлесталъ Введенскаго плеткою, по выраженію послѣдняго: „какъ лошадей погоняютъ“. Галлъ былъ смѣненъ отъ академическаго караула и опредѣленъ къ другимъ дѣламъ.

Профессоръ московскаго университета Барсовъ (недоброжелатель шварцевскаго Дружескаго общества) обращался иногда къ студентамъ съ словами: „верхолетъ, сударь, чумичка! Что, сударь, на васъ—голова или чайникъ?“ [1])

Адамъ Селлій, датчанинъ и лютеранинъ, сдѣланный инспекторомъ петербургской семинаріи, высѣкъ плетьми воспитанника Брызгалова за то, что тотъ показывалъ жалобу на него по сосѣдству съ семинаріею. При Селліѣ чуть не поголовно всѣ семинаристы были больны цынгою, такъ что зубы выпадали и челюсти гнили.

„Воспоминанія“ Снегирева рисуютъ училищный бытъ начала нынѣшняго столѣтія. Учитель французскаго языка въ университетской гимназіи въ Москвѣ не спрашивалъ тѣхъ изъ учениковъ на урокахъ (въ видѣ поощренія), которые говорили, что французы побили русскихъ (въ эпоху начала наполеоновскихъ войнъ). Этотъ учитель имѣлъ обыкновеніе сидѣть въ классѣ въ шубѣ, спустя рукава, и ученики пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы распарывать шубу сзади. Учителю ариѳметики Сивкову ученики кричали: „сивка бурка, вѣчная каурка!“ Учителя этой гимназіи, сходясь въ корридорѣ на бесѣду, выставляли ученика смотрѣть: не пойдетъ-ли по классамъ инспекторъ. Учитель латинскаго языка Дмитревскій являлся въ классъ въ засаленномъ кафтанѣ (онъ очень любилъ блины) и въ башмакахъ съ заплатками, но по крайней мѣрѣ не прибѣгалъ къ бѣганію по корридорамъ съ палею (линейкою) за учениками, каковое занятіе часто прерывало уроки учителя исторіи Падерина.

Около того же времени въ московскомъ университетѣ существовалъ въ столовой „Ослиный столъ“ для виновныхъ, и ректору университета довольно было послать свою шинель въ прихожую, чтобы студенты сидѣли тише [2]).

---

[1]) Біографическій Словарь моск. университета.

[2]) Сушковъ. Воспом. о Моск. Благород. пансіонѣ, 56, 57.

Во 2 кадетскомъ корпусѣ въ 1809 г. розги были въ употребленіи и въ лазаретѣ: сѣкли приходившихъ съ чесоткою. Въ этомъ же заведеніи учитель французскаго языка, въ отрепьяхъ и разорванныхъ сапогахъ, продавалъ въ классѣ ученикамъ разныя вещи, больше съѣстное, и ставилъ махальнаго, который давалъ бы знать, когда идетъ инспекторъ. Учитель нѣмецкаго языка дѣлалъ то же, но лишь съ тою разницею, что продавалъ непремѣнно на наличныя деньги, а не въ кредитъ. Этотъ наставникъ и учитель географіи, обыкновенно разсказывавшій что-нибудь веселое, также ставили махальныхъ [1]).

Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ отношенія учившихъ къ учившимся имѣли приблизительно тотъ же характеръ. Такъ Энгельгардтъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что его учитель, іезуитъ, имѣлъ обыкновеніе еженедѣльно наказывать его „дисциплиною“, а въ пансіонѣ Эллерта въ Смоленскѣ били учениковъ безъ пощады „ферулами“ (линейками), по подошвѣ и деревянными лопатками по рукамъ [2]). Въ этомъ заведеніи старшіе ученики наказывали ферулою младшихъ, а самъ содержатель пансіона разъ на танцахъ „отбилъ руки“ дѣвицѣ Лебедевой при всемъ собраніи—какъ замѣчаетъ Энгельгардтъ.

Вообще обращеніе съ учащимися представляло нерѣдко противоположности. Такъ въ Горномъ корпусѣ одно время розги нарочно мочили въ разсолѣ, чтобы онѣ больнѣе сѣкли [3]), и офицеры, уже по выпускѣ игравшіе въ карты въ Барнаулѣ, невольно вскакивали съ своихъ мѣстъ по крику товарища: Остермейеръ идетъ! (Остермейеръ былъ корпуснымъ надзирателемъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ же кадетамъ предоставлялось быть или не быть въ церкви, по усмотрѣнію, что не мѣшало церкви всегда быть полною, тогда какъ въ другихъ заведеніяхъ строго смотрѣли, чтобы всѣ шли въ церковь, а въ московскомъ коммерческомъ училищѣ предписывались даже когда какіе поклоны класть должны воспитанники въ церкви. Въ царскосельскомъ лицеѣ воспитанники вели себя свободно съ наставниками и учились или не учились,—какъ хотѣли,

---

[1]) Халютинъ, Совр. 1858, т. 71, стр. 636, 650—651.

[2]) Энгельгардтъ, Записки, 6.

[3]) Ивановъ, (Современникъ 1859), 262.

а между тѣмъ по уставу заведенія имъ нельзя было вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе выходить изъ лицея.

Энгельгардтъ, будучи директоромъ лицея, измѣнилъ прежнія отношенія начальства къ воспитанникамъ. Вообще въ учебныхъ заведеніяхъ эти отношенія были болѣе полицейскаго характера. Въ Казани разъ дошло до того—какъ замѣчаетъ Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“,—что на требованіе гимназистовъ объ удаленіи ненавистнаго имъ квартермейстера (эконома) явился губернаторъ съ военными чинами и отправилъ гимназистовъ подъ карауломъ солдатъ въ карцеръ. Какъ исключеніе, выдавался въ ряду директоровъ гр. Ангальтъ, директоръ кадетскаго корпуса, при Екатеринѣ II завѣщавшій похоронить его сердце подъ одной изъ залъ любимаго имъ заведенія. Но обходительный и дружественный въ обращеніи съ кадетами, Ангальтъ былъ чудакъ не послѣдней руки. Совсѣмъ другимъ является человѣкъ принципа, дѣйствовавшій по обдуманному плану—Энгельгардтъ. Онъ старался стать къ подчиненнымъ въ положеніе друга, сдѣлалъ свой домъ и свою семью ихъ домомъ и семьею и устранялъ то покорное недовѣріе, которое постоянно отличало отношенія воспитанниковъ къ начальникамъ въ училищахъ, гдѣ существовалъ одинъ полицейскій надзоръ.

А вотъ изъ училищнаго быта сравнительно недавняго времени. Въ пансіонѣ гимназіи, скрытомъ подъ названіемъ Нетеченскаго [1]), учитель математики дѣлалъ мѣломъ крестъ на лбу ученика такъ, что мѣлъ ломался. Тотъ же учитель наступалъ каблукомъ на ногу ученика и повертывался, такъ что у мальчика брызгали слезы, или лбомъ ученика вытиралъ доску. Въ сороковыхъ годахъ надзиратель гимназіи Реймерсъ собственноручно наказывалъ учениковъ мочеными розгами, иногда при этомъ декламируя въ тактъ нѣмецкіе стихи. Учитель математики въ этомъ заведеніи устраивалъ живыя картины: провинившійся мальчикъ долженъ былъ, стоя на колѣняхъ, долго оставаться въ позѣ подающаго моченое яблоко. За зѣваніе этотъ педагогъ наказывалъ тѣмъ, что провинившійся долженъ былъ въ теченіи цѣлаго класса стоять съ разинутымъ ртомъ [2]). Въ этой же гимназіи имѣлся для оштрафованія воспи-

---

[1]) Иллюстрированная Газета 1864, № 40.

[2]) Лосевъ, Гимназіи сороковыхъ годовъ (Русс. Вѣст. 1863, 5, 302, 313.

танниковъ дурацкій колпакъ, изображавшій звѣриную морду съ разинутою пастью и длинными не то ушами, не то крыльями.

Въ Иркутскѣ буйство и непристойное поведеніе учителей приводили какъ причину того, что нужно было одно время закрыть мѣстный театръ. Самый благосклонный отзывъ иркутскихъ жителей былъ объ учителѣ латинскаго языка, но и тотъ „любилъ хвастаться силою, отчего въ обществѣ бывалъ несносенъ, въ нетрезвомъ же видѣ предпріимчивъ и дерзокъ на руку“ [1]). Гувернеры казенныхъ учебныхъ заведеній очень нерѣдко тиранствовали. Одинъ, въ московскомъ коммерческомъ училищѣ, имѣлъ обыкновеніе мыть грязныя шеи воспитанниковъ предъ пріѣздомъ попечителя пескомъ съ водою, такъ что надолго впослѣдствіи оставались знаки.

[1]) Сухомлиновъ, Мат. для ист. образов. при Ал. I, I, 142—143.

ПАНСІОНЪ СКОРНЯКОВА.

въ Москвѣ.

Въ новой сферѣ.

Я шелъ по Мерзляковскому переулку. Какъ изъ сита моросилъ мелкій октябрьскій дождикъ, неизвѣстно откуда падая—съ земли, или съ сѣраго неба, увлажая сверху и подбираясь снизу. Я взглянулъ изъ подъ зонта, подъ которымъ не было спасенья, и глаза мои невольно остановились на вывѣскѣ „Пансіонъ Скорнякова.“

— Скорнякова! Скорнякова! — подумалъ я. Мысли зароились въ моей головѣ. Я припоминалъ, что мнѣ кто-то говорилъ о пансіонѣ Скорнякова и даже называлъ его чѣмъ-то въ родѣ реальнаго лицея. Набивъ оскомину на классицизмѣ и реализмѣ, толками, о которыхъ въ особенности богата Москва, я уже хотѣлъ было пройдти большой сѣрый каменный домъ, вмѣщавшій реальный лицей, но потомъ пришло мнѣ въ голову: отчего бы и не взглянуть на диковинку. Реальный лицей долженъ быть основанъ на гуманно-либеральныхъ началахъ; закрытости и замкнутости тутъ не должно быть. Вѣроятно не откажутся допустить меня осмотрѣть его, не обративъ вниманія на незначительность моего ранга?

Эти мысли заставили меня остановиться у двери, надъ которою начертана была надпись „Пансіонъ Скорнякова.“ Дверь оказалась не запертою и я вошелъ. Что это такое? Это вовсе не швейцарская? Едва ступилъ я за порогъ двери на меня пахну-

ло какою-то уютностью, чѣмъ-то домашнимъ. Есть смѣси, составъ которыхъ отвергаетъ всѣ аналитическія попытки, но которыя даютъ тѣмъ не менѣе чувствовать себя осязательно. Въ воздухѣ носился запахъ чего-то вкуснаго, готовящагося на кухнѣ, и домашняго скарба. Вокругъ стояла мебель, обличавшая скорѣе частную квартиру, чѣмъ учебное заведеніе. Нигдѣ положительно ни одной ливреи. Глазъ ни въ одномъ углу комнаты не открывалъ швейцара, ни даже простаго сторожа съ галунами, безъ котораго ни одно русское благоустроенное заведеніе, будь оно хоть десять разъ частное, немыслимо.

Я стоялъ нѣсколько секундъ въ недоумѣніи и не замѣтилъ какъ со стороны подошелъ господинъ лѣтъ сорока слишкомъ, съ привѣтливою и открытою физіономіею.

— Что прикажете? спросилъ любезно этотъ господинъ.

— А вотъ, если позволите, зашелъ взглянуть на вашъ пансіонъ. Я кое-что уже слышалъ...

Все что слышалъ я было такъ смутно, что я окончательно спутался бы, если бы моему монологу суждено было продолжаться. Но собесѣдникъ выручилъ меня.

— Сдѣлайте одолженіе! Двери нашего заведенія во всякое время открыты для каждаго кто хочетъ ознакомиться съ его бытомъ.

Я опять осмотрѣлся, не зная какъ раздѣлаться съ верхнимъ платьемъ.

— Извините, у насъ швейцара нѣтъ — сказалъ съ улыбкой господинъ, замѣтивъ мое смущеніе.—Вотъ не угодно ли вамъ повѣсить ваше пальто здѣсь и поднимемтесь на верхъ. Я повѣсилъ свое пальто.

— Позвольте узнать съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ я.

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ Силинъ, преподаватель классическихъ языковъ, экономъ и экзекуторъ въ здѣшнемъ пансіонѣ.

— Боюсь запутаться въ официальныхъ названіяхъ, прибавилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ чрезъ минуту въ полутонъ и улыбаясь.— У насъ здѣсь вообще такъ мало официальности, что это не мудрено было бы.

Сознаюсь откровенно — я стоялъ озадаченный на мгновеніе. Вотъ тебѣ и реальный лицей съ классическими языками! Да и какое сочетаніе должностей: преподаватель классическихъ языковъ и экономъ! Экономъ! — развѣ не знаетъ каждый изъ насъ что это такое въ учебныхъ и другихъ заведеніяхъ? Это маленькій чиновникъ, думающій о томъ, чтобы были маленькія порціи; это большой человѣкъ въ столовой, помышляющій какъ бы нажить себѣ большой карманъ и не забывающій кармана своего начальника. Такъ по крайней мѣрѣ убѣждены злые сатирики изъ кормимыхъ этими экономами и такъ по крайней мѣрѣ думаютъ многіе. Какъ же совмѣстимо это званіе съ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ, когда отъ экономa не требуется, чтобы онъ зналъ и русскій языкъ? Курьезно что-то!

Не знаю читалъ ли Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ моей душѣ сквозь свои очки, только онъ какъ бы давалъ мнѣ время придти въ себя и стоялъ съ благосклонно-любезною улыбкою.

— А вотъ и моя квартира! прибавилъ онъ, очертя рукою кругъ, захватившій и комнату, которую по общепринятому обычаю называютъ швейцарскою.

Собесѣдникъ мой видимо понималъ рядъ моихъ недоумѣній и поспѣшилъ на выручку.

— Видите ли, у насъ совсѣмъ другіе порядки, чѣмъ съ какими свыклись въ другихъ мѣстахъ. У насъ до того привыкли отдѣлять школу отъ жизни, учебное заведеніе отъ семьи, что можетъ быть дикимъ покажется на первый разъ, что входя въ училище вы входите прямо въ частную квартиру.

— Нѣтъ, помилуйте...

— Позвольте, будемъ откровенны. Вы ожидали войдти въ швейцарскую, гдѣ съ васъ сниметъ пальто сторожъ, и вошли въ частную квартиру, гдѣ дѣвушки на время не случилось въ передней и сами сняли и повѣсили свое пальто. Я замѣтилъ, что васъ поразило и то, что у насъ преподаватель классическихъ языковъ вмѣстѣ и экономъ...

— Сознаюсь, да! и притомъ я слышалъ, что вашъ пансіонъ — родъ реальнаго лицея, а между тѣмъ едва ступишь на порогъ его — слышишь о преподаваніи греческаго языка...

— Реальный лицей, классическій лицей — повѣрьте все это только громкія названія. Нужно дѣло, а не фразы. Односторонность вредитъ всему. Естествознаніе должно быть русскою земскою наукою, потому что Россія страна земледѣльческая, а земледѣліе шагу не можетъ сдѣлать безъ естествознанія. Такъ, но съ другой стороны имѣемъ ли мы право отвергать необходимость греческаго и латинскаго языковъ въ образованіи? Помилуйте, да можетъ ли человѣкъ прочесть хотя одну серьезную книгу на англійскомъ, французскомъ, даже на русскомъ языкѣ, не имѣя понятія о классическихъ языкахъ, изъ которыхъ такъ много словъ — и именно научныхъ терминовъ - вошло въ новѣйшіе языки? Конечно всему нужно отвести свое мѣсто, но безъ латинскаго и греческаго языковъ вы никакъ не обойдетесь въ общемъ образованіи, если не хотите чтобы ваши ученики только лепетали на новѣйшихъ языкахъ, а желаете основательнаго изученія этихъ языковъ. Безъ классическихъ языковъ вы дадите страшную работу памяти при изученіи новѣйшихъ языковъ, потому что только тогда слово легко запоминается мною, когда я знаю отчего оно происходитъ, а развѣ не тысячи французскихъ и англійскихъ словъ происходятъ отъ латинскихъ и греческихъ? А развѣ мало также оставили слѣдовъ на русскомъ языкѣ общеніе съ Греціею и православная греческая религія. Мы живемъ въ обществѣ и должны удовлетворять его нуждамъ.

— Въ какомъ же объемѣ проходится у васъ греческій языкъ?

— Вы уже замѣтили изъ того что я сказалъ, какой главной цѣли мы достигаемъ. Это опредѣляетъ и нашу программу. Мы желаемъ, чтобы учащіеся у насъ могли прослѣдить всѣ слова классическаго происхожденія къ ихъ корню, конечно съ необходимыми объясненіями. Учащійся при выходѣ изъ заведенія долженъ знать читать по гречески, т. е. знать какъ произносятся буквы, но перевода мы не требуемъ, и вообще не преподаемъ греческаго языка чтобы научить читать греческіе подлинники. Все переведено съ классическихъ языковъ на новѣйшіе; можно ознакомиться съ древними памятниками по лучшимъ переводамъ. Грамматики мы совсѣмъ не проходимъ, признавая въ этомъ одно безтолковое зубреніе, такъ какъ греками нашимъ ученикамъ никогда

не придется быть, да грамматика греками ихъ никогда и не сдѣлаетъ. Признаюсь вамъ, всѣ грамматики, а въ томъ числѣ и русская, какъ бы изобрѣтены для того, чтобы, если не отуплять, то безплодно затруднять учащагося. Сколько мнѣ извѣстно никто по грамматикамъ никогда не выучивался языку и изучивъ грамматическія правила каждый обыкновенно забываетъ ихъ очень скоро послѣ экзамена. Для экзамена можно проходить грамматику; для жизни никогда.

— Однако проходятъ по грамматикамъ всѣ языки...

— Да мало ли чего не дѣлаютъ! Признаюсь, какъ ни непріятно попасть въ число эксцентриковъ, но нельзя же и переваривать рутины не вздохнувъ. Скажите положа руку на сердце, научились ли вы языкамъ по грамматикамъ, научился ли кто нибудь изъ тѣхъ кого вы знаете?

— Позвольте, я лично согласенъ вполнѣ съ вами. Я хотѣлъ только сказать нашли ли вы болѣе вѣрный способъ преподаванія, которымъ могли бы замѣнить прежній?

— А вотъ вы увидите когда ближе ознакомитесь съ нашими порядками.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты вышла одѣтая по домашнему дама.

— Ѳедя! я иду наверхъ—обратилась она къ моему собесѣднику.

— Хорошо! А Лиза гдѣ?

— На урокѣ географіи.

Я рѣшительно потерялся. Я воображалъ, что нахожусь въ мужскомъ лицеѣ, а тутъ учились и дѣвицы.

Теперь Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже какъ бы наслаждался моимъ недоумѣніемъ. Очень можетъ быть, что онъ встрѣчался съ подобными недоумѣніями уже не первый разъ.

— Это жена моя! сказалъ онъ, когда дама поднялась вверхъ по лѣстницѣ.—Она пошла на урокъ французскаго языка.

— Скажите пожалуйста, у васъ вѣдь мужское учебное заведеніе? спросилъ я полуотводомъ, желая узнать какъ это супруга Ѳедора Ѳедоровича пошла на урокъ французскаго языка и вмѣстѣ не желая обратиться прямымъ вопросомъ.

— То есть... какъ вамъ сказать, я и самъ не знаю какъ назвать наше заведеніе, мужскимъ или женскимъ. Мы всѣ держимся здѣсь того убѣжденія, что предъ наукою полъ исчезаетъ; мальчики и дѣвочки, мужчины и женщины исчезаютъ; а есть только одни люди. У насъ одинаково допускаются мальчики и дѣвочки въ классъ какъ учащіеся, и мужчины и дамы какъ учащіе.—Моя жена преподаетъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки въ старшихъ классахъ. Моя дочь Лиза, какъ вы слышали, сидитъ на урокѣ географіи. Вы видѣли сейчасъ мимо насъ прошли двѣ дѣвицы?

— Видѣлъ.

Дѣйствительно, пока мы разговаривали съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ о преподаваніи классическихъ языковъ съ улицы вошли двѣ дѣвицы лѣтъ по 12 — 13 въ черныхъ башлыкахъ и положительно смоченныя дождемъ. Поклонясь Ѳедору Ѳедоровичу, отвѣтившему дружески на ихъ поклоны, дѣвочки отрехнули свои платья, повѣсили мокрые салопчики на вѣшалку и побѣжали вверхъ по лѣстницѣ.

— Такъ знаете что? спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—я самъ до сихъ поръ не знаю кто такія эти дѣвицы, а между тѣмъ къ лицамъ ихъ я уже приглядѣлся, потому что онѣ таки часто посѣщаютъ насъ и обыкновенно приходятъ на уроки физики и естественной исторіи.

— И вы такъ и не освѣдомляетесь кто и откуда онѣ?

— Нѣтъ! И, да Богъ съ ними! Намъ что за дѣло кто онѣ такія. Видѣли мы что онѣ исправно записываютъ за учителемъ въ тетрадки, слѣдовательно преподаваемое ихъ интересуетъ, а до остальнаго намъ дѣла нѣтъ. Есть мѣсто въ классѣ, и на здоровье, пусть приходятъ!

— Но можетъ быть это родственницы кого нибудь изъ учащихся у васъ?

— Можетъ быть, не знаю. Спрашивалъ я у Ивана Петровича Скорнякова не знаетъ ли онъ кто такія эти дѣвицы. И тотъ знаетъ сколько и я. Въ первый разъ старшая изъ дѣвицъ,— замѣтили та черненькая, которая побѣжала впереди?—подошла къ учителю физики, сказала что проситъ позволенія для себя и для своей под-

руги посѣщать его классы и съ тѣхъ поръ обѣ дѣвочки акуратно являются на уроки физики. Онѣ намъ не говорятъ кто онѣ, и мы не имѣемъ основанія спрашивать ихъ о томъ же.

— Ну, а скажите, все же большинство учащихся—мальчики?

— Да, да, мужской полъ у насъ преобладаетъ несомнѣнно.

— И ничего вы никогда не замѣчали что бы заставило васъ раскаяваться въ этомъ допущеніи преподаванія для обоихъ половъ вмѣстѣ?

— Никогда ничего... Знаю, знаю, прибавилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ—при другихъ порядкахъ это было бы немыслимо. Хорошо извѣстно мнѣ что такое наши мужскія заведенія! Но кто же въ этомъ виноватъ? Виноваты тѣ кто вводитъ въ училищахъ одни полицейскіе порядки, кто раздѣляетъ учащихся и учащихъ на два различные кружка. Мальчики, предоставленные самимъ себѣ, нерѣдко доходятъ до многаго циническаго, такъ что очень можетъ быть, что дама или дѣвочка не могла бы пройти по комнатамъ среди ихъ, не встрѣтивъ двусмысленныхъ взглядовъ, если не замѣтокъ. Но вѣрьте, что дѣти въ этомъ не виноваты, человѣческая природа тутъ ни причемъ. Виноваты порядки, отдѣляющіе училище отъ семейной жизни, заставляющіе скромнаго мальчика дома, въ родной семьѣ, дѣлаться циникомъ и повѣсою какъ скоро онъ является въ стѣнахъ школы.

Мы уже сѣли въ теченіе этого разговора на зеленый шерстяной диванъ въ комнатѣ, откуда вышла супруга Ѳедора Ѳедоровича. Въ самомъ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ я уже не узнавалъ мягкаго и любезнаго господина встрѣтившаго меня. Глаза его блестѣли особеннымъ огнемъ сквозь очки. Наконецъ онъ не выдержалъ, при послѣднихъ словахъ всталъ съ дивана и выпрямился предо мною съ руками сложенными на груди.

— Да-съ! я горжусь тѣмъ, что у насъ дѣвицы могутъ сидѣть въ классахъ и никто не замѣчаетъ ихъ, а если приходится имъ имѣть дѣло съ нашими воспитанниками, то тутъ являются не отношенія мальчиковъ къ дѣвочкамъ, а учащихся къ учащимся, или если хотите пожалуй братьевъ къ сестрамъ. Мы гордимся тѣмъ, что знакомая или незнакомая намъ дама, мать ли воспитанника, или посторонняя, можетъ пройти изъ конца въ конецъ наше за-

веденіе и глазъ ея не встрѣтитъ ничего такого что бы могло оскорбить ея нравственное чувство. Я горжусь тѣмъ, что моя жена читаетъ уроки 16—17 лѣтнимъ юношамъ и они относятся къ ней какъ къ матери или къ старшей сестрѣ. Я горжусь тѣмъ, что моя дочь Лиза можетъ сидѣть среди молодыхъ людей на урокѣ, и никому въ голову не придетъ, что это сидитъ дѣвушка, а не такой же учащійся какъ всѣ остальные! Пройдите все наше училище и вы увидите, что вы въ одной семьѣ и что цѣль всѣхъ въ этой семьѣ—дѣло науки и потому-то это не простая семья, а училище.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ говорилъ съ жаромъ. Онъ очевидно былъ въ волненіи, очевидно говорилъ о предметѣ слишкомъ близкомъ его сердцу. Я не перебивалъ его, а только когда онъ кончилъ крѣпко-крѣпко пожалъ ему руку. Онъ взглянулъ на меня, мы поняли другъ друга и не сказавъ ни слова были съ этого времени друзьями. Я однако же почти жалѣлъ, что вызвалъ Ѳедора Ѳедоровича на такую оживленную бесѣду. Онъ закашлялся, лице его налилось кровью, съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ одышки. Я теперь только замѣтилъ, что собесѣдникъ мой страдалъ недугомъ, хронически убивающимъ многихъ людей мысли и науки.

— Все зависитъ отъ сферы, отъ среды куда попадаетъ ребенокъ, или человѣкъ—все равно—началъ онъ снова, но уже тихимъ голосомъ, съ разстановкою и садясь на диванъ. Были примѣры, къ намъ попадали мальчики изъ другихъ заведеній, головорѣзы, школьники, для которыхъ дико было въ первую минуту увидать женское лице на каѳедрѣ, на школьной скамьѣ, въ коридорѣ. Но посмотрѣли бы какъ скоро проходила эта дикость. Помню я Онучина—онъ и теперь у насъ—когда онъ только что поступилъ. Точно мальчикъ окунулся въ другой міръ. Чрезъ нѣсколько дней слышу, онъ что-то такое напроказилъ, кажется ручку сдѣлалъ одной дѣвицѣ, входившей въ наше заведеніе. Что же вы думаете, мы приняли какія нибудь мѣры? Ни чуть не бывало. Товарищи собрались спокойно въ кружокъ и рѣшили исключить Онучина изъ заведенія, если онъ не дастъ слова, что впредь ничего подобнаго не будетъ дѣлать. И что же! Мальчикъ—ему тогда было 13 лѣтъ—сдѣлался какъ шелковый. Чрезъ нѣсколько дней послѣ

этого происшествія Иванъ Петровичъ Скорняковъ (содержатель нашего заведенія) встрѣчаетъ Онучина.—Скажите, Онучинъ, что это такое съ вами было? спрашиваетъ онъ. Тотъ покраснѣлъ какъ ракъ, но ни слова. Только уже послѣ, когда онъ сжился съ нами, онъ разсказывалъ, что наши порядки сразу почти ошеломили его, что онъ по своей прежней жизни не предполагалъ, чтобы мальчики и дѣвочки могли вмѣстѣ учиться и забыть, что они мальчики и дѣвочки.—У насъ въ гимназіи бывало фельдшерская дочь пройдетъ мимо оконъ—говорилъ онъ,— такъ и то шуму, гаму и разныхъ остротъ не оберешься.

— Да-съ, много значитъ сфера, прибавилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ послѣ минутнаго молчанія.

Варинька.

Мы сидѣли съ Ѳедоръ Ѳедоровичемъ на диванѣ и я осматривалъ окружавшее меня. Въ этой комнатѣ, очевидно бывшей жилой комнатой частной квартиры, останавливалъ на себѣ вниманіе прежде всего большой шкапъ краснаго дерева съ стеклянными дверьми. Шкапъ былъ наполненъ книгами.

— Мы сидимъ съ вами въ кабинетѣ словесности—и въ этомъ шкапу вы видите книги по словесности русской, латинской, греческой, французской, нѣмецкой и англійской. Какъ видите немного, но главное все у насъ есть. Здѣсь, въ этой комнатѣ, я преподаю элементарныя понятія о классическихъ языкахъ и обстоятельно читаю о классической литературѣ, а жена даетъ тутъ же уроки французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ— старшимъ изъ учащихся. Сегодня она даетъ на верху урокъ маленькимъ.

— Аграфена Ивановна дома? спросилъ вбѣжавшій въ эту минуту молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати.

— Нѣтъ, она на верху, на урокѣ.

Молодой человѣкъ осмотрѣлся и подойдя ко мнѣ поздоровался за руку.

— Позвольте представить, обратился ко мнѣ Ѳедоръ Ѳедо-

ровичъ — Матвѣй Степановичъ Холмскій, нашъ студентъ третьяго года и секретарь по естествознанію. Я долженъ вамъ сказать, что у насъ восьмилѣтній курсъ дѣлится на два періода. Воспитанники четвертаго года переходя въ старшій возрастъ называются уже студентами перваго года. Изъ студентовъ двухъ послѣднихъ лѣтъ выбираются товарищами секретари той или другой науки— въ помощь преподавателю, для храненія библіотеки, научныхъ пособій и т. д.

— Вамъ что нужно, Матвѣй Степановичъ? спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, обращаясь къ юному секретарю по естествознанію.

— Мы работаемъ надъ воздушнымъ шаромъ на верху, такъ я пришелъ попросить нѣтъ ли какого нибудь лоскутка тафты, или чего нибудь въ этомъ родѣ.

— Жалѣю что нѣтъ жены. Да вотъ не пособитъ ли вамъ Матрена. Я право не знаю, гдѣ что нибудь у нихъ спрятано изъ подобнаго матеріала.

Пока толсторукая, красная дѣвушка въ домашнемъ дезабилье, вызванная изъ швейцарской, или вѣрнѣе, изъ передней въ квартирѣ Силиныхъ, рылась съ Холмскимъ въ какомъ-то комодѣ я осматривалъ книги въ шкапу.

— У васъ есть и секретарь по словесности? спросилъ я Силина.

— Дочь моя Лиза. Только не подумайте, что мы сами назначили ее съ женой. О, нѣтъ! книги, которыя вы видите тутъ, общественная собственность заведенія, и Лизу хранительницею ихъ выбрали всѣ четыре студенческіе года—извините у насъ „годъ“ сдѣлалось уже терминомъ- большинствомъ голосовъ. И вотъ если бы мы съ вами захотѣли взять одну изъ этихъ книгъ для чтенія мы должны обратиться къ Лизѣ, какъ къ секретарю. Она выдастъ книгу и запишетъ. Это необходимо чтобы знать у кого книга, и чтобы ею всегда можно было пользоваться каждому.

— Однако мы съ вами засидѣлись внизу. Пойдемте на верхъ, я вамъ покажу все наше помѣщеніе, прибавилъ вставая Ѳедоръ Ѳедоровичъ, уже отдохнувшій отъ волненія, попрежнему спокойный и улыбавшійся чрезъ свои очки. Мы пошли по лѣстницѣ, узенькой, скромно покрытой дешевымъ ковромъ.

— Знаете что, замѣтилъ я, все у васъ говоритъ какъ о шко-

лѣ, такъ и объ обществѣ. Это общеніе двухъ половъ во имя науки напоминаетъ общество взрослыхъ...

— Не общество! Нѣтъ! у насъ семья. Семья и общество это громадная разница. Общественныя отношенія не то, далеко не то что семейныя. Общественная жизнь имѣетъ свои законы. Тамъ привѣтливость и вѣжливость можетъ переходить въ привязанность, замѣшается амуръ въ отношенія двухъ половъ. Въ обществѣ все это естественно. Но семья не то. Мы соединились въ одну семью во имя науки и для насъ общественныя отношенія не существуютъ. Скажите, какъ бы хороша и женственна ваша родная сестра ни была, вѣдь вы же не замѣчаете ни этой красоты, ни женственности, которыя могутъ удивлять и заставлять вздыхать другаго? Это печать семьи, родственной привычки. Вы видите въ вашей сестрѣ человѣка, а не женщину. Вотъ именно такія-то отношенія существуютъ, и они только и могутъ существовать у насъ. Привычка много значитъ, и когда день за днемъ юноша видитъ то же женское лице рядомъ около него за школьнымъ столомъ онъ, вѣрьте, вовсе не думаетъ что это дѣвица. Для него это товарищъ по занятіямъ, не болѣе.

Мы поднялись во второй этажъ и почти столкнулись на узкой и нѣсколько темной лѣстницѣ съ плотнымъ, небольшаго роста господиномъ, шедшимъ намъ на встрѣчу.

Силинъ насъ взаимно представилъ другъ другу. Оказалось что встрѣтившійся господинъ былъ содержатель заведенія, И. П. Скорняковъ. Силинъ былъ такъ добръ, что объяснилъ въ чемъ была моя миссія.

— Сдѣлайте одолженіе, сдѣлайте одолженіе! Если бы мы не боялись, что вы заблудитесь, мы даже оставили бы васъ одного путешествовать по нашимъ этажамъ и закоулкамъ. Зачастую бываетъ, что родители и родственники пріѣдутъ къ намъ, сами пройдутъ куда нужно, повидаются со своими и уѣдутъ прежде чѣмъ мы узнаемъ, что они были. Иногда встрѣтишь отца, мать, брата какого нибудь воспитанника, пригласишь къ себѣ за нашъ общій столъ (у каждаго изъ насъ, преподавателей, обѣдаетъ нѣсколько воспитанниковъ) и только тутъ пораспросишь что и какъ ихъ привело къ намъ въ гости. Да вотъ если мы съ вами теперь пой-

демъ по разнымъ кабинетамъ, гдѣ читаются лекціи, мы навѣрно найдемъ кого нибудь изъ родныхъ нашихъ учащихся не тутъ такъ тамъ. И признаюсь мы всѣми силами стараемся, чтобы съ дѣтьми, поступающими къ намъ, пока они еще не осмотрѣлись, былъ кто нибудь изъ своихъ. А мамашу Саши Ѳедоровой мы даже просили остаться гостить у насъ недѣли на двѣ, и она что-то прожила у насъ полмѣсяца слишкомъ, не такъ ли Ѳедоръ Ѳедоровичъ?

Силинъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою и замѣтивъ, что ему нужно спѣшить на урокъ, пожалъ намъ руки и ушелъ.

— Саша Ѳедорова, продолжалъ Иванъ Петровичъ, выведя меня на довольно большой коридоръ, Саша Ѳедорова была слабая и нервная 10 лѣтняя дѣвочка. Мать привезла ее къ намъ отдать учиться. Моя жена тотчасъ же замѣтила ей, что боится за крошку, боится что съ непривычки ей будетъ скучно, и что хорошо было бы, если бы maman ея осталась у насъ погостить пока дочь обживется. Въ то время сестра моя, живущая въ нашемъ семействѣ, уѣхала въ Петербургъ и мы предложили m-me Ѳедоровой помѣститься на время въ ея комнатѣ. Она вдова, одна и потому дѣло сладилось просто. Но мы съ женой положили уже, что если бы матери нельзя было остаться съ дочерью, то чтобы дочь была въ первое время приходящею. Надобно вамъ замѣтить, что эта Сашенька оказалась славное дитя и мы опасались одно время, что избалуемъ ее. Семейства всѣхъ преподавателей,—они всѣ живутъ въ этомъ домѣ,—приняли въ ней участіе. Дамы, дѣти всѣ ее ласкали, чуть не няньчили, ну и конечно дѣвочка скоро стала наша, привязалась какъ къ другу къ Лизаветѣ Григорьевнѣ Спиридоновой, женѣ нашего законоучителя, и послѣ мамаша ея жила у насъ просто такъ, чтобы ближе ознакомиться, какъ она говорила, съ этимъ новымъ міромъ, куда попала ея дочь.

Бесѣдуя съ Иваномъ Петровичемъ такимъ образомъ, мы ходили по довольно длинному, но узкому и нѣсколько темному коридору. Въ концѣ коридора, въ широкой оконной амбразурѣ стариннаго дома, я замѣтилъ что-то сѣрое, но сразу никакъ не могъ понять чтобы это такое было. Иванъ Петровичъ тоже какъ будто не разъ съ любопытствомъ всматривался въ ту сторону, но какъ бы намѣренно не доводилъ меня до конца коридора. Наконецъ онъ

сдѣлалъ нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ впередъ и мы дошли до конца. Тутъ загадка объяснилась. Въ глубокой амбразурѣ окна сидѣла крошечная дѣвочка, лѣтъ много девяти, и опершись маленькою головкою на руку, прислонясь спиною къ одному боку амбразуры и упираясь крошечной ноженкой въ другой, читала какую-то книгу. Видимо она такъ углубилась въ чтеніе, что ничего вокругъ себя не замѣчала. Довольно густые черные волоса совсѣмъ закрыли руку подпиравшую голову и плечо. Дѣвочка очевидно не слыхала нашихъ шаговъ по половику коридора, но теперь, когда мы подошли къ самому окну, она вздрогнула и съ какимъ-то испугомъ взглянула на насъ. Въ первую минуту она какъ будто пыталась встать. Блѣдное до той поры, очерченное на лбу синими жилками подъ тонкой кожей, лице ея покраснѣло; умные черные глаза, въ первое мгновеніе какъ-то подозрительно-испуганно взглянувшіе на насъ, опустились внизъ, а рука незанятая книгою начала машинальное подергиваніе чернаго фартука на полиняломъ сѣромъ ситцевомъ платьѣ.

Иванъ Петровичъ сдѣлалъ дѣвочкѣ знакъ рукою. Она осталась въ томъ же положеніи на окнѣ въ какомъ мы ее застали.

— Что это вы, душенька, читаете? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

Въ голосѣ его было что-то мягкое и отеческое. Онъ видимо самъ испугался мысли испугать дѣвочку, и самъ смутился не меньше ея.

— Путешествіе Дюмонъ Дюрвиля.

Голосъ дѣвочки нѣсколько дрожалъ, но она видимо приходила въ себя послѣ минутнаго смущенія.

— Это ваша книжка, или вы взяли ее у насъ?

— У васъ-съ! Мнѣ сказали, чтобы я попросила у молодой дамы въ очкахъ, сидящей вонъ тамъ.

Дѣвочка указала на дверь направо, откуда доносился женскій голосъ, перечислявшій кажется каналы Россіи.

— Ну хорошо, хорошо! Я только хотѣлъ спросить бывали вы у насъ прежде, или пришли только въ первый разъ?

— Въ первый разъ. Мнѣ подруга моя, Машенька Громова, сказала, что у васъ тутъ даютъ книги читать. Я и пришла...

Дѣвочку опять готово было бросить въ краску.

— А учитесь вы гдѣ нибудь?

— Я-съ... Учусь... Въ школѣ...

— Какъ васъ зовутъ?

— Варинька.

— Такъ какъ же это, Варинька! Ай, ай! Учитесь въ школѣ, должны слѣдовательно быть теперь тамъ, а между тѣмъ сидите и читаете у насъ! Какъ же, Варинька, и намъ вѣдь можетъ за это достаться? Тамъ думаютъ отчего васъ нѣтъ, а вы тутъ пріютились себѣ и читаете книгу!

И добрый Иванъ Петровичъ видимо напрягалъ всѣ усилія, чтобы говорить внушительно, а если можно, то и строго. Не нужно было однако запаса наблюдательности, чтобы предсказать, что это ему не удастся.

Рука Варинькн еще сильнѣе нервически задергала черненькій фартукъ на полиняломъ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ. На длинныхъ опущенныхъ черныхъ рѣсницахъ блеснули слезы.

— Ну, ну хорошо, мой другъ, читайте! Мы это дѣло какъ нибудь уладимъ.

— И Иванъ Петровичъ отвернувшись отъ меня въ сторону, чтобы я не замѣтилъ его смущенія, ободрительно провелъ рукою по черной пряди волосъ крошки.

— Отчего же, Варинька, не охотница вы ходить въ школу? спросилъ онъ снова дѣвочку.

Та замялась.

— Тамъ... тамъ... такъ скучно учатъ. Тамъ какіе-то *а* плюсъ *б* заставляютъ насъ учить...

— Алгебра въ женской школѣ! замѣтилъ Иванъ Петровичъ, обратясь ко мнѣ съ улыбкой — Боже мой, Боже мой, народятся же такіе педагоги! прибавилъ онъ въ полголоса.

— Я не понимаю... Мнѣ скучно... И меня же за это наказываютъ. Третьяго дня оставили безъ обѣда въ школѣ. А мамаша дома еще отъ себя наказываетъ. Ты, говоритъ, лѣнивая дѣвчонка! Но что же мнѣ дѣлать когда я не понимаю что тамъ задаютъ.

— Вы бы попросили объяснить.

— Разъ я попросила, такъ и сама не рада была. Наша мадамъ такъ разсердилась. „Вы, говоритъ, вѣчно бѣсите меня только, не нужно мнѣ вашихъ двухъ рублей въ мѣсяцъ. Убирайтесь вонъ, если не хотите учиться.“

— А кто ваша мамаша?

— Прачка-съ.

— Гдѣ она живетъ?

— Въ Столѣшниковомъ переулкѣ.

— Хорошо, мы какъ нибудь это устроимъ.

— Вы пожалуетесь мамашѣ? Да?

Дѣвочка робко, изподлобья посмотрѣла на Ивана Петровича.

— Нѣтъ! За что же тутъ жаловаться, что вы читаете книжку, изъ которой можете узнать кое-что полезное.

— А мамаша мнѣ запрещаетъ книжки читать. Тебѣ, говоритъ, только бы книжки читать, а дѣла не дѣлаешь.

Иванъ Петровичъ улыбнулся.

— А любите вы читать книжки?

— Очень-съ. Я больше тайкомъ читаю. А то маменька увидитъ, будетъ плохо!

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Одиннадцатый.

— Уже одиннадцатый! А я думалъ не больше девяти. Ай, ай! Варинька надобно торопиться заниматься чѣмъ нибудь полезнымъ, а то поздно будетъ. Хотите ходить въ нашу школу?

Иванъ Петровичъ сказалъ это дѣлая удареніе на „школу“ и впадая въ тонъ дѣвочки.

— А будете давать книжки читать?

Мы оба засмѣялись на этотъ наивный вопросъ, предложенный въ такой откровенной формѣ. Сама Варинька засмѣялась съ нами.

— Ну, хорошо. Только какъ же мамаша?

— Я съ женой уговоримъ мамашу. Вѣдь мамашѣ все равно, въ какой бы школѣ вы не учились, только бы учились. Если хочетъ мамаша мы ее приведемъ съ собой сюда, покажемъ ей все, какъ у насъ учатъ.

— Отлично, отлично!

Варинька захлопала отъ радости въ ладоши и соскочила съ окна.

— А *а* плюсъ *б* у васъ будетъ? сказала она вдругъ останавливаясь и дѣлаясь полусерьезною. Она лукаво и хитро глядѣла на Ивана Петровича и видимо обычная дѣтская бодрость и смѣлость ея возвратились.

— Нѣтъ, не будетъ.

— Прекрасно! Прекрасно! Только... и лице Вариньки сдѣлалось вновь опечаленнымъ... только можетъ быть мамаша скажетъ: какая же это школа, если нѣтъ „а“ плюсъ „б“?

Иванъ Петровичъ расхохотался.

— Не скажетъ мамаша; ужъ мы сдѣлаемъ, что не скажетъ. Ну, однако къ дѣлу, Варинька. Пойдемъ къ моей женѣ. Я познакомлю васъ, а завтра она побываетъ у вашей мамаши и дѣло будетъ слажено.

— А книга?

— Берите ее съ собой и пойдемте.

Мы отправились втроемъ къ противоположному концу коридора.

Умъ или трудъ?

— Вотъ эта вся половина направо по коридору — моя квартира—говорилъ Иванъ Петровичъ, идя между мною и Варинькою.

Варинька бѣжала за нами маленькими шажками.

Въ концѣ коридора мы остановились у двери.

— Моя квартира побольше чѣмъ квартиры прочихъ преподавателей, замѣтилъ Иванъ Петровичъ: — ну да за то у меня и семейка—наградилъ Богъ!

Мы вошли въ комнату, представлявшую что-то среднее между пріемною и кладовою. На полкахъ и въ шкапахъ тутъ были безчисленныя хозяйственныя принадлежности. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько мягкихъ, покрытыхъ простенькою шерстяною матеріею, но удобныхъ дивановъ, а также столовъ и стульевъ, говорили объ обыкно-

венной жилой комнатѣ. Мы нашли тутъ за сортировкою разныхъ склянокъ на полкѣ высокую, статную даму, лѣтъ 40.

— Моя жена!

Иванъ Петровичъ любезно представилъ меня его супругѣ и подвелъ къ ней Ваpиньку.

— А вотъ кажется будущій членъ нашей семьи — сказалъ онъ—это моя находка!

Марія Ивановна Скорнякова видимо уже привыкла къ этимъ явленіямъ новыхъ лицъ въ своей кладовой-пріемной. Она устремила на Ваpиньку проницательный и вмѣстѣ ободрительный взоръ, потому что дѣвочка, среди этихъ мѣшковъ и склянокъ по стѣнамъ, какъ-то растерялась и смотрѣла внизъ.

— Ну не конфузиться же, моя милая!

И Марья Ивановна, притянувъ къ себѣ блѣдное личико Ваpиньки, поцѣловала ее.

Дѣвочкѣ стало нѣсколько свободнѣе и она уже какъ почти на стараго знакомаго взглянула на мѣшокъ съ манной крупой, торчавшій въ углу на полкѣ,

— Я послѣ тебѣ разскажу какъ мы познакомились съ Ваpинькой, замѣтилъ Иванъ Петровичъ,—а теперь намъ нужно поговорить.

Онъ указалъ на меня.

— А ты, голубчикъ мой, пока обойди съ Ваpинькой по всему нашему заведенію, покажи ей все, со всѣми познакомь ее. Можетъ быть ей еще и не захочется остаться у насъ. Завтра же мы позовемъ сюда ея мамашу.

— Нѣтъ, мнѣ хочется у васъ остаться—проговорила дѣвочка, держась за руку Марьи Ивановны —которую она машинально не оставляла, и слегка надувъ губки какъ бы изъ опасенія, что ее возьмутъ отсюда.

— Хорошо, Ваpинька, ты помоги мнѣ теперь управиться съ грибами, а потомъ мы пойдемъ съ тобой на кухню — замѣтила Марья Ивановна. Дѣвочка весело подбѣжала къ склянкамъ.

— Это наше хозяйственное отдѣленіе, замѣтилъ Иванъ Петровичъ выходя изъ комнаты.—Вы видѣли Ѳедора Ѳедоровича?— онъ у насъ экономъ и бухгалтеръ, но его часть болѣе счетная, а все остальное хозяйственное дѣло лежитъ на моей женѣ. И ей

таки порядочно дѣла—вѣдь въ нашей семейкѣ безъ малаго 100 человѣкъ.

— Послушайте, хотя домъ довольно большой, но мнѣ кажется—замѣтилъ я—что тутъ все же недостаточно помѣщенія для ста человѣкъ.

— Нѣтъ, ничего! Помѣщаемся, и помѣщаемся довольно удобно. Дѣло въ томъ, что наша семья-училище вовсе не то, что пансіоны и казенныя заведенія. Тамъ вы видите обширные дортуары, почти праздно стоящіе въ теченіе дня; рекреаціонныя залы и т. д. У насъ ничего этого нѣтъ.

— Какъ же вы обходитесь безъ нихъ?

— Очень просто! Каждый изъ преподавателей — семьянинъ и у него живетъ нѣсколько воспитанниковъ или воспитанницъ. Тѣ же комнаты, гдѣ даются уроки — въ другое время наши рекреаціонныя залы, а ночью дортуары. Помните, что это семья, что мы не дѣлаемъ школу чѣмъ-то особеннымъ отъ дома и вѣрьте чѣмъ ближе школа подойдетъ къ обыкновенному семейному дому тѣмъ больше мы сроднимся съ нею. Всѣ эти дортуары съ ихъ чопорностью и рекреаціонныя залы, и отдѣльныя библіотеки и швейцарскія — все это доказательство, что школа для насъ еще роскошь, что мы смотримъ на нее еще какъ на заморскаго звѣря и не хотимъ представить, чтобы она могла быть такимъ же домомъ какъ всякій другой. У насъ вы отдѣльной комнаты для библіотеки не найдете, а между тѣмъ книгами насъ Богъ не обидѣлъ. Въ каждой комнатѣ, гдѣ даются уроки, вы найдете шкапъ, или два, съ книгами. Зала моей квартиры служитъ кабинетомъ географіи, а другая комната рядомъ съ ней кабинетомъ естествознанія, и въ одной комнатѣ вы найдете въ шкапу необходимую библіотеку по географіи, а другая есть вмѣстѣ и естественноисторическій музей. Но не удивляйтесь, если вы войдете къ намъ въ 11 часовъ вечера и найдете около шкапа съ минералогическими принадлежностями одного спящаго юношу, у шкапа съ гербаріями другаго, у стеклянной шифоніерки съ чучелами звѣрей третьяго. А на завтра на тѣхъ же диванахъ, на которыхъ вы увидите это юношество, будутъ сидѣть и слушать уроки уже не шесть человѣкъ, которые спятъ въ этой комнатѣ, а

пятнадцать. Вы видѣли диваны въ нашей хозяйской комнатѣ? Тамъ тоже спятъ три дѣвочки и моя жена. Словомъ мы не роскошествуемъ относительно помѣщенія, было бы только не тѣсно, да не забывалась бы правильная вентиляція. Вотъ я принялъ Вариньку — говорю принялъ, потому что мать когда мы ей все покажемъ и разскажемъ, вѣрно согласится, а между тѣмъ и самъ хорошенько не знаю гдѣ жена умудрится положить ее спать. Впрочемъ можетъ быть ее возьмутъ къ себѣ Чижовы.

Послѣднюю фразу Иванъ Петровичъ сказалъ уже какъ бы для себя, потому что я совсѣмъ не зналъ кто такіе Чижовы.

— Да, кажется дѣвочка очень способная—замѣтилъ я.

— Способная, способная! Можетъ быть и способная, только что же въ этомъ! Развѣ вамъ мало случалось видѣть людей способныхъ и вмѣстѣ вовсе ни на что негодныхъ?

Иванъ Петровичъ сказалъ это серьезно и вообще оборотъ его рѣчи былъ нѣсколько неожиданъ для меня. Я какъ будто тронулъ струну въ сердцѣ человѣка, какъ будто коснулся какого-то больнаго мѣста въ немъ, самъ вовсе не зная этого.

— Способные люди!—продолжалъ Иванъ Петровичъ, отмѣривая ровные шаги по половику коридора — я по крайней мѣрѣ встрѣчалъ способныхъ людей, которые въ жизни никогда ничего путнаго не сдѣлали и не сдѣлаютъ. Послушать и посмотрѣть — какъ много кажется ума и таланта въ человѣкѣ, а оказывается, что онъ серьезно въ жизни никогда ни о чемъ не думалъ, таскается по баламъ, или играетъ въ карты, и въ этомъ идетъ все его время. Вѣрьте что способности—самая шаткая, самая жалкая мѣрка для оцѣнки людей!

— Конечно дѣльность не зависитъ отъ способностей, но...

— Къ чему же „но?" Не зависитъ и довольно! Отбинемъ способности какъ мѣрку и будемъ смотрѣть только трудится человѣкъ или нѣтъ. „Способности — ничто, трудъ много, трудъ и способности—все." Вотъ девизъ, котораго мы держимся въ нашемъ заведеніи при оцѣнкѣ учащихся. Мы какъ видите отдаемъ способностямъ должное, но не настолько несправедливы, чтобы ставить трудъ ниже ума.

— И вы проводите это правило у себя въ заведеніи?

— Конечно! Что человѣкъ считаетъ справедливымъ и законнымъ, то онъ долженъ приводить въ дѣйствіе въ своей маленькой сферѣ дѣятельности. Я считаю несчастіемъ нашего вѣка и нашихъ поколѣній, что мы ставимъ такъ высоко свои способности — то что дается не каждому то, что есть случайный даръ. Да, это несчастіе нашего вѣка! Пока способности будутъ мѣриломъ оцѣнки человѣка, до тѣхъ поръ неправда будетъ царствовать, сильный будетъ давить слабаго, богатый бѣднаго, умный недальняго. Способностей нѣтъ одинакихъ; умы должны вступать въ борьбу, и побѣждаетъ тотъ, который сильнѣе. Тутъ должны быть и побѣдители и рабы. Отмѣняйте рабство въ какихъ хотите формахъ, оно при этихъ порядкахъ явится въ другихъ. Другое дѣло:—трудъ!

— Позвольте, допустилъ я себѣ прервать моего собесѣдника:— вѣдь не одинъ умъ, иногда одинъ характеръ побѣждаетъ другой.

— Ну, да я подъ „способностями“ разумѣю всю индивидуальность человѣка—умъ, характеръ и пр., все что дается человѣку природою, рожденіемъ. Другое дѣло трудъ! Къ труду всякій способенъ. Нѣтъ человѣка, какой бы калѣка и несчастный онъ ни былъ, который бы ни былъ способенъ къ какому нибудь труду. Эта сфера, въ которой мы всѣ полезны другъ другу, всѣ въ зависимости другъ отъ друга, слѣдовательно всѣ равны другъ другу. Я знаю естественную исторію и даю изъ нея уроки, но я рѣшительно не въ силахъ сшить самъ себѣ сапоги, и былъ бы несчастнѣйшее существо въ мірѣ, если бы не было моего сапожника Кондратія Иванова и я самъ долженъ былъ бы сѣсть за шило и за точаніе кожи. И право я не знаю кто изъ насъ болѣе полезенъ другъ другу и обществу: я ли со своею естественною исторіею, или Кондратій Ивановъ съ своими сапогами.

— Но есть трудъ, требующій знанія, развитія, и есть трудъ черный.

— Каждый трудъ требуетъ знанія и развитія, и если еще есть черный трудъ, то потому, что мы еще отживаемъ рабовладѣльческіе вѣка, когда работу, трудъ считали униженіемъ. Черный трудъ—трудъ недавнихъ забитыхъ, необразованныхъ рабовъ.

Образуйте ихъ и не будетъ чернаго труда. И тѣ же сапоги шить будетъ человѣкъ, но трудъ его не будетъ чернымъ.

Въ это время изъ двери, посреди коридора, вышелъ мальчуганъ лѣтъ 13, съ коротко остриженными волосами и началъ шагать въ концѣ коридора.

— Что вы, Сергѣевъ? спросилъ подходя къ нему мой собесѣдникъ.

— Голова болитъ, Иванъ Петровичъ, вышелъ пройдтись.

— Ну, пройдитесь, пройдитесь! А то не лучше ли вамъ пойдти подышать немного свѣжимъ воздухомъ на улицѣ. Правда, погода скверная, да можетъ быть все-таки головѣ будетъ лучше.

— Дѣйствительно пойду, пройдусь.

И молодой человѣкъ отправился внизъ по лѣстницѣ.

— Вотъ какъ видите, у насъ здѣсь нѣсколько отличные порядки, чѣмъ какіе вы встрѣтите въ другихъ заведеніяхъ,—медленно проговорилъ Иванъ Петровичъ, глядя за уходившимъ Сергѣевымъ.—Молодой человѣкъ уходитъ съ урока, потому что у него болитъ голова, никого не спрашиваясь и никого не спросясь могъ бы пойдти прогуляться на улицѣ. Мы въ этомъ отношеніи не стѣсняемъ учащихся и даемъ имъ быть людьми. Вѣрьте, что спрашиваніями, да приказываніями никогда не вселишь сознанія долга. Тотъ же самый Сергѣевъ въ другомъ училищѣ отправился бы въ лазаретъ и пролежалъ бы тамъ день или больше, а тутъ онъ пойдетъ, пройдется, отуманенной занятіями головѣ станетъ легче и онъ будетъ на вечерней бесѣдѣ бодръ и здоровъ.

— Какъ вы сказали —на бесѣдѣ?

— Да, у насъ по утрамъ уроки, а по вечерамъ бесѣды по разнымъ предметамъ занятій. Надѣюсь, что вы посѣтите и наши бесѣды?

— Очень буду радъ.

— Ужъ осматривать такъ надо все осматривать.

— Совершенно вѣрно.

— Да. Мы съ вами коснулись очень интереснаго предмета— что должно быть мѣркой человѣка и нашихъ отношеній другъ къ другу—умъ или трудъ. Кто не слыхалъ о свободѣ, равенствѣ,

братсвѣ — этомъ девизѣ революціи 1789 г. И мы такъ мало знаемъ исторію, что увѣрены, что до 1789 г. никто и не помышлялъ ни о чемъ подобномъ, а между тѣмъ тому же самому учитъ почти цѣлыя два тысячелѣтія христіанская вѣра. Не всѣ ли мы братья по слову ея? Да? А братья развѣ могутъ быть не равны другъ другу, а равныя другъ другу лица развѣ могутъ быть рабами другъ у друга, развѣ могутъ быть несвободны? Кажется ясно. Вотъ гдѣ источникъ могущества религіи, а еще мнѣ случалось встрѣчать людей, которые сатирически замѣчали мнѣ, что въ реальномъ институтѣ могъ бы и не жить законоучитель и могло бы не быть по воскресеньямъ послѣ обѣдни бесѣдъ по закону Божію. Право! Хотятъ, чтобы мы лишили себя предмета учащаго любить ближняго какъ самаго себя! Но тогда невозможно было бы наше семья-училище.

— Однако иногда вмѣсто высокихъ нравственныхъ истинъ является просто эксплуатація ближнихъ и прислуживаніе силѣ, мірскимъ интересамъ...

— Такъ! Что и говорить! Но вѣдь изъ всего можно сдѣлать дурное употребленіе и изъ того, что въ золотую чарку налютъ помоевъ не слѣдуетъ еще, что чарка не изъ золота.

— Вы говорите, что христіанство проповѣдуетъ равенство, слѣдовательно по вашему оно проповѣдуетъ трудъ?

— Да-съ! Именно такъ! То что получается отъ природы не по равной долѣ, способности,—то не приведетъ насъ къ братству и равенству. Только трудъ уравниваетъ всѣхъ. Скажите справедливо ли брать мѣркою то что не всѣмъ дается въ равной мѣрѣ, не есть ли это источникъ всѣхъ несправедливостей? Религія, чтимая два тысячелѣтія, могла и должна была указать намъ другой идеалъ. Да, именно пока идеалъ—прибавилъ Иванъ Петровичъ со вздохомъ.

Мы прошлись молча по коридору нѣсколько минутъ.

— А вотъ не хотите ли, замѣтилъ мой собесѣдникъ — удостовѣриться на дѣлѣ что такое способности и что такое трудъ?

И Иванъ Петровичъ почти съ силой повлекъ меня къ двери, на которую указывала намъ Варинька у окна, желая дать понять кто ей далъ книгу.

У двери, не отворяя ея, Иванъ Петровичъ остановился.

— Впрочемъ вамъ прежде надобно кое-что сказать предварительно.

И мы снова стали отмѣривать ровные шаги по половику коридора.

— Вы увидите дѣвушку професора. Право я не преувеличиваю хотя этой дѣвушкѣ всего двадцать первый годъ и она нигдѣ не сдавала докторскаго диспута. Но не о томъ рѣчь. Дѣло въ томъ, что какъ я не открылъ два года назадъ никакихъ способностей въ этой дѣвушкѣ, такъ вѣроятно не откроете и вы ихъ въ ней теперь. А трудъ, трудъ, систематическій и постоянный, вотъ что сдѣлало ее хозяиномъ въ своемъ предметѣ. И дастъ Богъ у насъ будетъ не одна Карнѣева. Мы все ведемъ къ тому, чтобы съ той минуты когда учащійся отдалъ себѣ отчетъ къ чему онъ больше склоненъ, онъ занялся этимъ предметомъ всѣми силами души, далъ бы такъ сказать внутреннюю присягу и обѣтъ заниматься всю жизнь, не уклоняясь, этимъ предметомъ. Дайте мнѣ самаго обыкновеннаго человѣка, если онъ займется неуклонно въ теченіе пяти, шести лѣтъ однимъ избраннымъ дѣломъ, онъ будетъ мастеромъ въ немъ и никакой вашъ господинъ съ блестящими способностями, если только онъ раскидывалъ ихъ то туда, то сюда и ни на чемъ не основался, не будетъ стоить гроша въ сравненіи съ нимъ.

Кончивъ поспѣшно послѣднюю фразу и не давая мнѣ отвѣчать на нее Иванъ Петровичъ по прежнему стремительно повлекъ меня къ двери.

Мы вошли.

Комната, которую я тутъ бѣгло осмотрѣлъ, была довольно обширна. Она была бы нѣсколько темна, если бы на окнахъ вставленныхъ въ глубокія амбразуры, какими отличаются много старинныхъ московскихъ домовъ дѣдовской постройки, строившихся какъ бы на вѣка, не висѣли самыя легкія тюлевыя бѣлыя занавѣски. Этотъ домъ принадлежалъ прежде владѣльцу съ очень извѣстнымъ именемъ въ Москвѣ и въ московскомъ уѣздѣ, но въ послѣднее время перешелъ, какъ значительная часть нашей име-

нитой собственности, въ руки купца, обновившаго его въ стилѣ Охотнаго ряда и теперь отдавшаго въ наймы.

Но движимая внѣшность комнаты возбуждала еще больше вниманія, чѣмъ недвижимая, т. е. массивныя стѣны, потолокъ съ какими-то лѣпными фигурами, промежутки между окнами бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ какіе привыкъ встрѣчать глазъ въ новѣйшихъ постройкахъ и проч.

Эта комната была сочетаніемъ географическаго музея и жилой комнаты большаго русскаго семейства средняго круга.

Тутъ висѣли по стѣнамъ ландкарты и вмѣстѣ нѣсколько старинныхъ картинъ.

Рядомъ съ чайнымъ приборомъ въ стеклянномъ шкапу стоялъ шкапъ съ книгами. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень монументальны по размѣрамъ и можно было догадываться, что это атласы, или переплетенныя за цѣлый годъ газеты. Около большаго глобуса на трехъ ножкахъ въ углу комнаты сидѣла бѣлая съ желтыми пятнами собаченка, какъ видно ѣвшая что-то, подарившая насъ при входѣ только однимъ удостовѣрительнымъ взглядомъ и опять принявшаяся за что-то болѣе интересное между лапами.

Вдоль стѣнъ стояли диваны и на этихъ диванахъ мы застали цѣлый рой юныхъ существъ во всевозможныхъ нарядахъ. Предъ иными изъ этихъ слушателей и слушательницъ (мы попали на урокъ географіи) стояли черные небольшіе столы, предъ другими конторки, и еще какіе-то пюпитры на одной ножкѣ, а предъ иными вовсе ничего не было. Два дивана были выдвинуты на средину комнаты спинками другъ къ другу. И на нихъ возсѣдали нѣкоторые изъ молодежи. Только ужъ внимательно обведя комнату кругомъ глазами можно было открыть въ темномъ углу на коврѣ какое-то очень юное существо, вовсе не того возраста, въ которомъ слушаютъ географію. Это былъ, какъ оказалось, пятилѣтній Коля, сынъ Ивана Петровича. Колю, какъ послѣ объяснилъ мнѣ Иванъ Петровичъ, обыкновенно прежде уносили во время уроковъ изъ комнаты, потому что лѣтъ трехъ, четырехъ онъ не только не уважалъ рѣчей о свойствѣ земли и тому подобныхъ предметахъ, но даже не разъ заявлялъ свой протестъ противъ всеобщаго вниманія въ классѣ. Но по пятому году онъ какъ-то

остепенился и удаляема была предъ урокомъ только черная шавка Фанька, его прежняя спутница, не оставившая своей привычки встрѣчать лаемъ каждаго вошедшаго въ классъ. Фанька и на этотъ разъ была въ кухнѣ, но Коля спокойно тутъ же лежалъ на коврѣ, а возлѣ него сидѣла любимица его, одна изъ ученицъ, Катя Слѣпцова. Коля рисовалъ что-то карандашомъ на листѣ бумаги. а Слѣпцова, сидя съ нимъ рядомъ на коврѣ, по видимому внимательно прислушивалась къ читавшемуся. Въ другомъ углу у окна сидѣла дѣвочка лѣтъ четырнадцати въ креслахъ и вышивала въ пяльцахъ. Издали можно было видѣть большую фигуру Скандинавскаго полуострова вышитаго разными цвѣтными шерстями на канвѣ. Все какъ слѣдуетъ быть — море было вышито голубою шерстью и можно было даже замѣтить, что оттѣнками шерсти хотѣли сказать объ относительной глубинѣ моря у береговъ и вдали отъ нихъ. Самый полуостровъ былъ вышитъ желтою шерстью. Предъ вышивавшею лежала на окнѣ карта Швеціи и Норвегіи; она вышивала съ обращика. Послѣ, когда я внимательнѣе вглядѣлся въ висѣвшія по стѣнамъ ландкарты, часть ихъ, и не малая, оказалась вышитою также шерстью, а одна даже шелкомъ по полотну.

Заскрипѣвшая за нами дверь заставила оглянуться это юное сонмище учащихся. Обернулась и читавшая урокъ молодая брюнетка въ очкахъ, сидѣвшая за чернымъ столикомъ направо отъ дверей. Легкое поклоненіе головы ея и всѣхъ слушавшихъ на нашъ поклонъ—и снова всѣ занялись своимъ дѣломъ.

На среднемъ диванѣ около двѣнадцатилѣтняго бутуза, сильно кропавшагося надъ грифельной доской, которая положительно отказывалась отпечатлѣть на себѣ правильный обликъ Франціи, было довольно свободнаго мѣста и мы тутъ сѣли. Иванъ Петровичъ молча сталъ поправлять на доскѣ неудававшуюся мальчугану фигуру Ламанша, а я внимательно занялся содержаніемъ лекціи дѣвушки-професора, какъ мнѣ рекомендовалъ ее Иванъ Петровичъ.

Рѣчь шла о водяныхъ сообщеніяхъ Россіи. Оказывалось, что читавшая лекцію не только знала все что было писано въ послѣднее время о маріинской системѣ, но и сама ѣздила въ послѣднее лѣто по бологовской дорогѣ, чтобы на мѣстѣ ознакомить-

ся съ движеніемъ судовъ въ Рыбинскѣ. Тутъ была рѣчь о томъ, чѣмъ Ладожскій каналъ былъ при Минихѣ и о послѣдующихъ исправленіяхъ его. Словомъ, достаточно знакомый съ нашею учебною литературою географіи, я не могъ не признать, что масса свѣденій была почерпнута читавшею самостоятельно изъ путешествій по Россіи, изъ журнальныхъ статей, изъ изданій географическаго общества. Нѣкоторыя мѣста, гдѣ напр. говорилось о спускѣ запасныхъ озеръ въ Ладожскій каналъ, заставляли заслушиваться. Я не удивлялся, что теперь только примѣченная мною дама въ черномъ чепцѣ (какъ оказалось мать двухъ сидѣвшихъ около нея дѣвочекъ) также очень внимательно прислушивалась къ чтенію брюнетки въ очкахъ.

Чтеніе обратило мое вниманіе на читавшую. Это было одно изъ обыденныхъ лицъ, нѣсколько восточнаго типа. Мать m-lle Карнѣевой, какъ мнѣ сказали послѣ, была грузинка. Не очень большой лобъ, густыя брови, смуглый цвѣтъ кожи и глаза со спокойнымъ, ровнымъ выраженіемъ все въ этой, одѣтой въ простенькое и безъ всякихъ украшеній коричневое шерстяное платье личности предо мною не говорило о чемъ либо выдающемся, о замечательныхъ способностяхъ. Въ кружку подругъ ее назвали бы дурнушкой. Она вовсе не была ораторомъ и если что заинтересовывало въ ея чтеніи, то это именно содержаніе. И напрасно нѣкоторые думаютъ, что молодежь въ раннемъ возрастѣ не всегда способна понять интересное въ изложеніи учащаго, если даже оно имѣетъ интересъ серьезный. Я наблюдалъ какъ при описаніи пропуска судовъ чрезъ шлюзы каналовъ, который m-lle Карнѣева представляла какъ очевидецъ, дѣвушка вышивавшая въ пяльцахъ оставила иглу въ канвѣ и опершись на окно внимательно глядѣла на читавшую; крошечная дѣвочка мѣтившая платокъ въ углу дивана также устремила глазенки въ ту сторону и даже кажется Коля увлеченный общимъ примѣромъ сталъ на колѣни на коврѣ и смотрѣлъ на m-lle Карнѣеву. А между тѣмъ это былъ не болѣе какъ простой и безыскуственный разсказъ, какой вы услышите нерѣдко въ обществѣ отъ человѣка бывалаго и вовсе не претендующаго на графическое и краснорѣчивое описаніе.

Прямо передъ нами была эмблема всего того что я встрѣтилъ

въ этой комнатѣ. На большомъ шкапу, краснаго дерева со стекломъ, стояли рядомъ мѣдный новаго фасона, ярко блестѣвшій самоваръ и небольшой, кажется нѣмецкой работы, глобусъ. Тутъ вполнѣ сталкивались жизнь и наука. Это сосѣдство краснорѣчивѣе разсужденій говорило о связи, которая царствуетъ здѣсь между семьею и школою. Рядъ мыслей роился въ головѣ. Какой безпорядокъ сказалъ бы иной ревизоръ учебныхъ заведеній—самоваръ и глобусъ! Рядомъ, въ двухъ вершкахъ разстоянія одинъ отъ другаго. Не униженіе ли это для науки?

Нѣтъ, чопорные педанты, не униженіе! Если наука – роскошь, проводите бездну между нею и жизнью, но если это необходимая потребность—не проводите пропасти между обычною обстановкою жизни и рутиною школы. Вашими форменными платьями и фартучками, однообразными сюртучками и кантиками, вашими обширными швейцарскими, столовыми, дортуарами и широкими лѣстницами, вы отдѣляете школу отъ жизни, вы изъ науки дѣлаете роскошь и никогда научныя занятія не войдутъ въ жизнь, не сольются съ нею, пока самовары не будутъ стоять у васъ въ перемежку съ глобусами.

Изъ размышленія вывелъ меня Иванъ Петровичъ, взглядомъ спросившій не пора ли намъ удалиться. Мы поднялись и вышли.

— Ну что? спросилъ меня мой спутникъ.

— Да, кажется она дѣйствительно сама много работала.

— И замѣтьте! такъ подробно и обстоятельно она излагаетъ не одну географію Россіи, но и иностранныхъ государствъ. И всѣ эти знанія пріобрѣтены въ какіе нибудь два года!

— Можетъ ли быть?

— Да! не вѣрьте вы инымъ хапжамъ, увѣряющимъ, что онѣ по тридцати лѣтъ работаютъ надъ тѣмъ или другимъ предметомъ. Пустяки! Они девяносто девять сотыхъ изъ этихъ тридцати лѣтъ убили на отдыхи, да на сидѣніе въ театрахъ, да на визиты и болтавню. Годъ, одинъ годъ жизни, если вы всецѣло посвятите его избранному труду, значитъ очень много. Надобно вамъ замѣтить, что мы знаемъ m-lle Карнѣеву всего два года и три мѣсяца. Живо помню, какъ въ первый разъ она пришла къ намъ. Никто не зналъ кто она, да никто и не спрашивалъ Я тогда

читалъ самъ географію. Вижу все одна и та же личность акуратно цѣлые полгода приходитъ на мои уроки. Потомъ она попросила у нашего секретаря по географіи какую-то книгу. Надобно вамъ замѣтить, что у насъ обычай — у всѣхъ неизвѣстныхъ намъ слушателей и слушательницъ—такъ какъ собственно на уроки входъ не возбранент никому—спрашивать ихъ имена и адресы при выдачѣ просимой книги. Это лежитъ на обязанности секретаря предмета, по которому выдается книга, и секретарь отвѣтственъ за книгу предъ заведеніемъ. Но m-lle Карнѣева, хотя мы и не знали кто она, такъ приглядѣлась намъ всѣмъ и такъ было ясно, что она серьезно занимается, что ей выдали книгу не освѣдомившись ни о чемъ. Затѣмъ она беретъ другую книгу и въ какіе нибудь полгода она такъ перебрала чуть не всю нашу географическую библіотеку. Приходитъ она все въ одномъ и томъ же платьѣ, все такая же худая, или даже худѣетъ еще болѣе; наконецъ разъ ее даже совсѣмъ нѣсколько дней не было видно, такъ что я помню разъ даже не начиналъ десять минутъ урока въ ожиданіи ея — такъ мы всѣ уже стали считать ее необходимостью въ классѣ. Наконецъ она пришла еще худѣе и съ какими-то выплаканными, впавшими глазами. Мы узнали послѣ, что ея обстоятельства были стѣснены. Тутъ мы съ женой уже рѣшились познакомиться съ нею. Зашель у меня съ нею разговоръ о ея чтеніи. — Вы много читаете, говорю я, а выписываете ли вы неизвѣстное вамъ изъ того что читаете?

— Не всегда. Иногда дѣлаю выписки того что болѣе меня интересуетъ.

— Жаль что не всегда. Могу я полюбопытствовать взглянуть на ваши выписки?

Она сконфузилась.

— У меня, говоритъ, все въ тетрадкахъ и на клочкахъ бумаги.

— Ничего, покажите мнѣ эти тетради и клочки бумаги. Она принесла намъ пачку своихъ манускриптовъ. Я внимательно пересмотрѣлъ ихъ и нашелъ, что имѣю дѣло съ дѣйствительно трудящеюся, серьезною личностью.

— Евгенія Николаевна, говорю я, хотите взять какое нибудь мѣ-

сто у насъ. Вы кончили курсъ въ гимназіи; вы можете быть намъ полезны. Надобно замѣтить, что исторія этой дѣвушки была очень печальна и она, какъ говорится, была почти безпомощна въ свѣтѣ. Она согласилась переѣхать къ намъ, и съ тѣхъ поръ исключительно занимается географіею. У насъ съ нею былъ уговоръ. Она дала обѣщаніе, что посвятитъ всѣ свои силы одному предмету— географіи; я и жена въ свою очередь положили доставить ей все необходимое, пока сдѣлавшись мастеромъ своего предмета она не въ состояніи будетъ добывать средства собственнымъ усиліями. И кажется наша Евгенія Николаевна уже начинаетъ думать о самобытныхъ шагахъ. Она приготовила учебникъ географіи для младшаго возраста и хотѣла на дняхъ переговорить объ изданіи его съ Салаевымъ. Я совѣтую подождать, но статью ея „О солончакахъ“ (она въ прошломъ году лѣтомъ ѣздила въ Астрахань) я читалъ и нахожу возможнымъ напечатать ее въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ.

— Вотъ и будущій професоръ для женскаго университета.

— Да-съ! И смѣю замѣтить, что изъ женскаго пола могутъ быть такіе же дѣльные и ученые професора какъ и изъ мужскаго—все равно одарены ли женщины такими же способностями какъ и мужчины, или нѣтъ. За Евгенію Николаевну Карнѣеву я поручусь, и надѣюсь, что это не одинъ примѣръ. У насъ въ заведеніи теперь уже принято, что каждый студентъ—молодой человѣкъ это или дѣвица, все равно...

— У насъ пишутъ о женщинахъ „студентка“... перебилъ я.

Глупое слово! Наука не знаетъ пола. Да и вообще архитекторка, секретарка, адвокатка — что за чепуха! проговорилъ Иванъ Петровичъ со смѣхомъ.— Но возвращаюсь къ своему. Мы положили, чтобъ каждый студентъ задавалъ себѣ вопросъ—чѣмъ онъ склоненъ преимущественно заниматься и затѣмъ этимъ предметомъ онъ уже и занимается, и не просто читаетъ книги за книгами, а дѣлаетъ выписки и такія выписки служатъ у насъ часто предметомъ бесѣдъ. Какъ вы могли замѣтить мы вообще враги торжественности, встрѣчъ и т. д. Но тутъ мы дѣлаемъ исключеніе. Выборъ труда на всю жизнь дѣлается у насъ старшими студентами съ нѣкоторою торжественною обстановкою. Собирается

наша конференція, т. е. мы — наставники и родители учащихся, кто пожелаетъ. Собираются и всѣ учащіеся. Студентъ, заявляющій какой трудъ онъ избираетъ, какъ трудъ жизни, объясняетъ почему именно избираетъ онъ тотъ предметъ, а не другой, приводитъ изъ своего прошлаго доказательства своей способности къ этому труду. Происходитъ пренія. Наставники, родители, нерѣдко учащіеся, возражаютъ. Особенно товарищамъ должно быть извѣстно не ошибается ли избирающій въ своихъ силахъ и наклонностяхъ. Иногда дебаты принимаютъ психологическое направленіе. Вообще очень бываетъ иногда интересно слѣдить за бесѣдою въ подобныхъ случаяхъ. Когда оказывается, что намѣреніе студента твердо, онъ ручается предъ собраніемъ, что будетъ неукоснительно заниматься предметомъ, сдѣлаетъ его задачею жизни.

— Конечно у васъ избираются студентами только научные предметы?

— Да, пока! Что же у насъ—только 80 человѣкъ учащихся. Довольно если мы пока будемъ выбирать дѣло жизни хотя въ этой сферѣ. Средства! Все средства! Больше будетъ средствъ, расширится кругъ учащихся... Тогда...

— Что тогда?

— Объ этомъ послѣ. Вы будете смѣяться. Когда нибудь поговоримъ подробнѣе. Скажу пока коротко: трудъ научный и педагогическій—только одна отрасль труда. Есть еще масса отраслей. Для всѣхъ ихъ нужно было бы найдти труженниковъ, которые бы посвятили труду жизнь. Но вы видите—это утопія. Впрочемъ нѣтъ! Что должно быть, то не можетъ быть утопіей и если не мы, то наши дѣти отринутъ въ сторону способности и то что дается случайно и поставятъ на мѣстѣ ихъ знамя труда, всякаго труда, потому что всякій трудъ полезенъ и трудиться можетъ всякій.

Чета Чиковыхъ.

Заканчивая послѣднія слова, Иванъ Петровичъ отворилъ дверь въ комнату, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ класса географіи, но

по другой сторонѣ коридора. На двери была надпись: „Петръ Ивановичъ и Марья Федоровна Чижовы.“ Иванъ Петровичъ не предупредилъ меня и я все-таки не зналъ кто это Чижовы.

Мы вошли въ уютную комнату о трехъ окнахъ, также полную диванов какъ всѣ видѣнныя мною, но только тутъ диваны были меньшихъ размѣровъ. На диванахъ рядомъ сидѣла куча маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Это все были крошки лѣтъ 9—10; немногіе постарше. На одномъ изъ диванов среди этой мелкоты, и также за столомъ (длинные черные столы стояли вдоль всѣхъ диванов), сидѣла дама лѣтъ 18—19, худенькая блондинка, съ пріятными чертами лица, но нѣсколько задумчивымъ выраженіемъ глазъ, оттѣненныхъ бѣлокурыми короткими локонами. Она хотѣла при нашемъ явленіи привстать, но это оказалось невозможнымъ, потому что на рукахъ у нея, или вѣрнѣе вполовину на колѣняхъ ея, вполовину на диванѣ, лежала дѣвочка лѣтъ девяти съ полнымъ, большимъ, бѣлымъ лицомъ и съ полузакрытыми глазами. Она открыла совсѣмъ ихъ при нашемъ входѣ, но тотчасъ же опять полузакрыла.

— Это вѣрно ужъ Люба Иванова! Такъ и есть! сказалъ смѣясь и подавая руку блондинкѣ Иванъ Петровичъ.

— Да, страшная лѣнивица!

И блондинка потрепала дѣвочку по щекѣ.

— Ну!—отозвалась та полу съ неудовольствіемъ, полу-улыбаясь—говорятъ вамъ больна.

И дѣвочка еще крѣпче схватилась за шею блондинки, которую она охватывала руками.

— Вы ее совсѣмъ избалуете! А гдѣ же Петръ Ивановичъ? спросилъ осматриваясь Скорняковъ.

— Онъ далъ урокъ ариѳметики и затѣмъ отправился слушать лекцію физики въ университетъ.

— Такъ вы теперь однѣ возитесь съ этой молодежью?

— Да, мы читаемъ теперь „Путешествіе Беккера въ центральную Африку.“

Мы сѣли. Я на незанятомъ стулѣ, Иванъ Петровичъ рядомъ на кончикѣ дивана.

— Лиза, продолжайте! замѣтила блондинка обратясь къ во-

строглазой дѣвочкѣ лѣтъ 12-ти, державшей предъ собою книгу и сидѣвшей особо на стулѣ предъ маленькимъ столикомъ, на виду у всѣхъ.

Востроглазая очень сконфузилась въ первую минуту, вѣроятно меня, какъ незнакомаго человѣка, потому что съ Иваномъ Петровичемъ дѣти какъ видно были на очень дружеской ногѣ, судя по улыбкамъ и кивкамъ головы при нашемъ входѣ. Но смущеніе дѣвочки было кратковременно. Она начала читать. Если бы Марья Ѳедоровна (я долженъ былъ догадаться, что предъ нами m-me Чижова) и не сказала, то уже по словамъ „Нилъ," „бегемотъ," „спутники" можно было угадать, что читается путешествіе по Африкѣ. Я не могъ только надивиться тому, что 12-ти лѣтняя дѣвочка читала такъ вѣрно, отчетливо и главное какъ будто разсказывала.

Иванъ Петровичъ прочелъ кажется мои мысли.

— Не подумайте, что это у насъ записная чтица. У насъ многія точно также читаютъ — сказалъ онъ, давъ знакъ дѣвочкѣ остановиться. — Говорю это не изъ похвальбы, потому что неповиненъ въ этомъ. Это все дѣло Марьи Ѳедоровны.

Блондинка слегка покраснѣла и при этомъ выступили два красныхъ пятна на щекахъ ея, которыхъ прежде не было замѣтно.

— Достигнуть того, чтобы читать хорошо не такъ трудно, замѣтила она. У насъ принято за правило, чтобы каждый и каждая изъ читающихъ прежде чѣмъ прочесть отрывокъ изъ книги вслухъ, должны не только прочесть его, но почти усвоить, про себя. Конечно дѣло идетъ не о заучиваньи, а надобно чтобы читающій усвоилъ себѣ духъ читаемаго, понималъ каждое слово, каждый оборотъ, каждую мысль изъ того, что послѣ прочтетъ вслухъ. Если что нибудь при этой провѣркѣ про себя окажется непонятнымъ, читающіе спрашиваютъ у меня или у кого нибудь, но условіе то чтобы не разрѣшивъ напередъ всѣхъ сомнѣній не читать вслухъ.

— Я только теперь обратилъ вниманіе на то что предъ каждымъ изъ юныхъ слушателей и слушательницъ было по листку бумаги. Оказалось, что это былъ списанный каждымъ изъ нихъ для себя

тотъ же отрывокъ, который читался. Нѣкоторые впрочемъ слушали такъ, не смотря на свой листокъ.

— Сейчасъ у насъ—замѣтила Чижова — было преніе. Катя Матвѣева замѣтила, что Лиза невѣрно прочла одну фразу. Она настаивала, что удареніе надобно было сдѣлать не на словѣ „бегемотъ," а на „нырнулъ."

— Чѣмъ же вы рѣшили?

— Возраженіе было дѣйствительно вѣрно. Но впрочемъ фраза такова, что можно было понять и въ другую сторону.

— Это у насъ какъ видите и классъ критики—замѣтилъ добродушно и отчасти самодовольно Иванъ Петровичъ.

Лиза продолжала чтеніе.

— Не такъ!

Этотъ голосъ раздался съ колѣнъ Чижовой. Оказалось, что дѣвочка все время лежавшая съ прищуренными глазами, внимательно слушала все что читалось, хотя притворялась спящею.

Чтица какъ видно привыкла къ остановкамъ и возраженіямъ.

— Почему же? бойко спросила она.

— Тутъ не надобно было дѣлать остановки, а ты остановилась.

И дѣвочка, также не открывая глазъ и не перемѣняя своего положенія прочла вѣрно выраженіе, гдѣ казалось ей не нужно было дѣлать остановки.

— Но тутъ - точка.

— Не знаю. Только тутъ не надобно было дѣлать остановки.

Вопросъ принималъ интересный оборотъ. Когда чтица у столика произнесла фразу, я, надобно признаться, не обратилъ на нее особеннаго вниманія. Я съ любопытствомъ, хотя стараясь не казаться особенно любопытствующимъ, осматривалъ комнатку, гдѣ мы теперь были. Это то же было соединеніе школьной комнаты съ жилою. Никакого сомнѣнія не было, что эта да еще смѣжная комната были все помѣщеніе четы Чижовыхъ, самый возрастъ которыхъ (я вспомнилъ, что Чижовъ ушелъ въ университетъ на лекцію) говорилъ, что у нихъ не можетъ быть большаго семейства. Комната, гдѣ мы сидѣли, была положительно биткомъ набита и дѣти помѣщались не только на диванахъ вокругъ стѣнъ,

но и на стульяхъ, снесенныхъ какъ кажется изъ сосѣдней комнаты, потому что дверь въ послѣднюю была отворена и комната дѣйствительно казалась какъ бы опустѣвшею.

— Но тутъ—точка! настаивала чтица.

— Позвольте, Лиза—перебила Чижова- можетъ быть въ книгѣ и дѣйствительно точка, но дѣло въ томъ, нужна ли она тутъ или нѣтъ. Въ книгахъ бываютъ опечатки, да и авторъ можетъ ошибиться. Посмотримъ, господа, кто правъ.

Послѣднія слова были обращены ко всему сонму юныхъ существъ.

— Да, да!

Началось что-то въ родѣ общаго переполоха. Я даже замѣтилъ, что одинъ крошечный мальчуганъ бойко глядя мнѣ въ глаза зашаркалъ обѣими ногами.

Иванъ Петровичъ добродушно и внимательно поглядѣлъ на меня, какъ бы говоря: „дѣти... Мы должны помнить, что это дѣти.“

Оказалось, что дѣйствительно „точка“ стояла не на мѣстѣ и вмѣсто нея нужно было поставить запятую или много точку съ запятой. Полная бѣлая дѣвочка въ пылу спора даже встала и подошла къ столику чтицы. Въ большихъ на выкатѣ черныхъ глазахъ ея трудно было открыть признакъ какой нибудь болѣзни. Какъ скоро споръ окончился въ ея пользу, она снова легла на колѣни къ Чижовой и снова зажмурила глаза.

— Да вѣдь тяжело, шалунья! шепнула ей едва слышно Чижова.

— Говорятъ вамъ нездорова!

И дѣвочка отвернулась отъ насъ къ стѣнкѣ дивана.

По видимому комната, гдѣ теперь сидѣли мы, была вмѣстѣ и классомъ математики. На стѣнахъ висѣли черныя деревянныя доски, на которыхъ мѣлъ былъ еще не совсѣмъ стертъ. Въ этой комнатѣ не было шкапа для книгъ, а подъ нихъ были отведены двѣ нижнія полки большаго поставца, верхъ котораго былъ сплошь занятъ чайною посудою всевозможныхъ наименованій.

Читавшая дѣвочка окончила свое занятіе. Мѣсто ея занялъ Саша Хохряковъ, большой, полный мальчикъ лѣтъ 12. Сашу Хо-

хрякова вызвалъ весь классъ на вопросъ Чижовой: кто приготовился читать?

Не дожидаясь пока Хохряковъ начнетъ читать отрывокъ изъ „Мазепы“ Пушкина, мы вышли съ Иваномъ Петровичемъ въ коридоръ.

— Замѣтили вы эту дѣвочку на стулѣ, у окна? спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Нѣтъ! А что?

— Это своего рода типъ. Надобно замѣтить, что она смышленая и талантливая ученица, но у нея есть конекъ думать, что она можетъ заразъ дѣлать два дѣла. Она слушаетъ что читаютъ въ классѣ и вмѣстѣ непремѣнно читаетъ тутъ же какую нибудь свою книжку. Мы съ Маріей Ѳедоровной пробовали иногда испытывать ее. Дѣйствительно даже заставая врасплохъ мы находили, что она могла разсказать и то что читалось, и прочитанное ею самою. Такъ мы ее и оставили.

— И она продолжаетъ читать свои книги въ классѣ?

— Да. Вообще я считаю нравственный и начальственный гнетъ въ подобныхъ случаяхъ неумѣстнымъ. Это мелочи. Сама увидитъ, что два дѣла нельзя дѣлать заразъ и отстанетъ. У насъ нѣтъ начальства и подчиненныхъ, а есть старшіе и младшіе друзья, и старшіе друзья не стараются властвовать надъ младшими. Нужно ребенку выйдти изъ класса—онъ самъ выходитъ, но духъ класса порукой за то, что онъ не выйдетъ напрасно. Словомъ не знаю какъ думаете вы, а я всегда когда мнѣ приходится имѣть дѣло съ учащимся привожу себѣ на мысль какъ бы я поступилъ съ собственнымъ своимъ ребенкомъ.

— Въ классѣ, при большомъ числѣ учащихся, можетъ быть имѣютъ въ виду соблюденіе дисциплины...

— Дисциплина! Да, да, дисциплина-то и губитъ наше ученіе. Ужъ очень много заботъ о дисциплинѣ. Ребенокъ пріучается къ одному полицейскому исполненію правилъ и ничего не знаетъ о нравственной отвѣтственности. Сознаніе нравственнаго долга и чести не прививается угрозами или опредѣленіемъ наказаній. Я ни чѣмъ не извиняю деспотизма старшихъ надъ младшими, по-

тому что это дурной примѣръ послѣдпимъ на всю жизнь. И знаете по моему онъ чѣмъ объясняется?

— Чѣмъ?

— Тѣмъ что еще мы недалеко ушли отъ того времени когда учили нашихъ дѣтей въ училищахъ сержанты да писаря. Не умѣя взять умственнаго верха надъ учащимися, между которыми могутъ быть личности умнѣе ихъ, не смотря на дѣтскія лѣта, иные наставники къ перечню наказаній прибѣгаютъ какъ къ единственному средству и имъ нѣтъ спасенія внѣ строго опредѣленныхъ правилъ.

— Скажите, у васъ и математика преподается въ этомъ же классѣ.

— То есть какая математика? У насъ въ продолженіи всего курса не проходятъ ничего кромѣ ариѳметики. Помилуйте, неужели мы будемъ морить дѣтей надъ алгеброю, геометріею, тригонометріею? Повѣрьте, что лѣнь есть только результатъ безполезности того, надъ чѣмъ мы заставляемъ сидѣть учащагося. Одно изъ двухъ, тутъ или учащійся не видитъ никакой пользы въ изученіи предмета, или онъ не понимаетъ его, т. е. или дѣйствительно его заставляютъ сидѣть надъ пустяками или ему не растолкуютъ дѣла путемъ. Что не нужно и непримѣнимо въ жизни, то я называю безъ обиняковъ пустяками.

— Но математика, какъ убѣждены наши педагоги, развиваетъ способности, мышленіе.

— Мышленіе развиваетъ все, а именно больше то что полезно въ жизни. Алгебру же и геометрію, а также тригонометрію я считаю оселками, надъ которыми мучатъ учащихся, потому что надъ тѣмъ же мучили молодежь вѣка. Конечно нужно чтобы каждый зналъ, что гипотеза и гипотенуза не все равно, но если учащійся въ концѣ курса у насъ пріобрѣтетъ столько понятія о математическихъ терминахъ, сколько встрѣчается въ настольныхъ словаряхъ, этого достаточно.

— Но на васъ возстанутъ.

— Пускай. Неужели же мы должны жертвовать убѣжденіями изъ за предубѣжденій? Почему ученье такъ плохо кормитъ человѣка въ жизни? Потому что учатъ не чему нужно въ жизни,

а тому что заведено рутиной. Потому что дѣтей дресируютъ въ школѣ въ ненужныхъ вещахъ, а не даютъ практически-пригодныхъ свѣденій. Впрочемъ, что объ этомъ говорить. Истина старая! Лѣность учениковъ и нежеланіе родителей учить дѣтей (если нѣтъ въ виду возможности сбыть ребенка въ казенное заведеніе и приготовить ему служебную карьеру) только потому и возможны, что въ ученьи нашего времени много лишняго, искуственнаго, рутиннаго. Учатъ мертвымъ языкамъ, а не научаютъ какъ слѣдуетъ своему родному. Заставляютъ спрягать латинскіе глаголы и доказывать мудреныя теоремы, когда по выходѣ изъ заведенія большая часть учениковъ не увидитъ больше никогда латинской книги и забудетъ всѣ теоремы. А между тѣмъ тотъ же кончившій курсъ классикъ и математикъ не знаетъ порядочно ни одного новѣйшаго языка и бѣжитъ о каждой мѣстности, встрѣченной въ газетахъ, справиться въ календарѣ. Помнитъ аористъ, а не въ состояніи объяснить себѣ первыхъ явленій природы.

Я видѣлъ, что собесѣдникъ мой попалъ на тэму по видимому сильно волновавшую его и потому далъ другое направленіе разговору.

— Въ элементарномъ классѣ у васъ кажется поровну мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Да. И отношенія между тѣми и другими самыя дружескія, дѣтскія. Дѣвочки съ мальчиками за панибрата, также какъ, вы видѣли, со мною. Пока это дѣти ничего. Но вотъ когда наступаетъ періодъ физіологическаго развитія, тогда... нельзя не быть на сторожѣ. Тутъ-то и приходится доказать на дѣлѣ, что мы друзья нашихъ питомцевъ. Юный періодъ въ жизни учащихся не даетъ намъ столько хлопотъ сколько тотъ, который составляетъ переходъ отъ начавшагося физіологическаго развитія къ полному развитію.

Иванъ Петровичъ задумался. Видно было, что какія-то воспоминанія пробѣгали въ его умѣ и какъ кажется не очень пріятнаго свойства. Это видно было по движенію бровей и сжатію губъ.

— Да, прервалъ онъ молчаніе, иногда нужны всѣ усилія души, чтобы выстоять, выдержать роль друга и охранителя юношества.

Предметъ такъ щекотливъ, возрастъ такъ подозрителенъ, такъ скрытенъ и несловоохотливъ. Есть у насъ на послѣднемъ годѣ молодой человѣкъ К***, славный, трудолюбивый и гордость нашего заведенія. Мы съ нимъ были очень дружны. Только въ началѣ прошлаго года замѣчаю я, что К*** сталъ меня какъ-то чуждаться, чуждается и товарищей, уединяется, вздыхаетъ. Что думаю за исторія! Мелькнуло у меня въ головѣ, что тутъ должна быть любовь. Но К*** мнѣ ни слова, хотя судя по прошедшимъ нашимъ отношеніямъ, я могъ расчитывать на откровенность и на обращеніе ко мнѣ за совѣтомъ. Мнѣ самому начать тоже неловко. Наконецъ вижу юноша все худѣетъ; блѣдный такой, что я никогда его такимъ не видалъ. Наконецъ вдругъ его нѣтъ нѣсколько дней. Мы всѣ струсили, признаюсь, не сдѣлалось ли съ нимъ чего нибудъ. Наконецъ является онъ худой, испитой, черныя полосы подъ глазами. Дѣло, думаю, худо. Что если онъ боленъ, подумалъ я, дальше медлить нельзя. Зову я К*** съ собой. У насъ на верху есть отдѣльная комната, вышка (мы ее зовемъ всѣ „обсерваторіей“), гдѣ одинъ на одинъ могутъ видѣться родители съ дѣтьми (хотя у насъ всѣ комнаты пріемныя, но бываетъ и эта нужна), также когда кому нибудь изъ учащихся нужно уединиться, или мнѣ побесѣдовать съ кѣмъ нибудь. Пришли мы съ К*** въ „обсерваторію.“

— Илья Ивановичъ, голубчикъ, что съ вами? говорю.—Вы на себя не похожи. Не скрывайте отъ меня, откройте свое горе.

Если бы я сталъ говорить къ нему свысока, по начальнически, такъ и такъ, молъ, молодой человѣкъ, вы порочите наше заведеніе! Молодой человѣкъ замкнулся бы въ себѣ, ожесточился бы въ душѣ и уваженіе его ко мнѣ было бы подорвано. Но этого мало. За что бы я сталъ его наказывать, когда онъ и безъ того какъ видно былъ наказанъ. Я обратился къ нему со словами друга. И что же бы вы думали? Этотъ сдержанный, прежде всегда серьезный, даже нѣсколько чопорный молодой человѣкъ, вдругъ залился слезами и бросился ко мнѣ на шею.

— Иванъ Петровичъ, я погибъ... Я погубилъ себя.

— Что вы? что съ вами? Успокойтесь, ради Бога, это все пустяки, всему можно помочь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я погубилъ себя.

— Но что такое, разскажите мнѣ.

— Я любилъ.

— Я догадывался, что это такъ. Кого? Здѣсь?

— Нѣтъ.

У меня съ сердца свалилась тяжесть.

— Знакомаго одного купца... дочь...

— Ну и что же?

— Она... она уѣхала въ Рязань и выходитъ тамъ замужъ.

— Такъ это васъ только и убиваетъ?

— Нѣтъ. Но... я...

Молодой человѣкъ едва могъ продолжать. Голосъ его прерывался.

— Я познакомился съ одной женщиной и... заболѣлъ.

Тутъ дѣйствительность встала передо мной. Самъ не понимая хорошенько степени опасности, въ какой находился молодой человѣкъ, я видѣлъ только одно, что надобно его успокоить и затѣмъ дѣйствовать рѣшительно. Ни слова не сказавъ никому, оставивъ его самого въ „обсерваторіи," я скорѣе поѣхалъ къ знакомому доктору. Черезъ четверть часа по уговору пріѣхалъ за мною туда же — одинъ — К***. Кончилось тѣмъ, что К*** жилъ у меня двѣ недѣли въ гостинницѣ Челышева и лечился, а въ заведеніи, гдѣ конечно ни одна душа кромѣ меня не знала въ чемъ именно было дѣло, думали что онъ болѣнъ и остался у родныхъ. Конечно родные думали въ тоже время, что онъ у насъ.

Такъ вотъ какіе бываютъ случаи, почему мы и должны быть на сторожѣ ежеминутно. А если бы пропущено было недѣли двѣ, три еще, или если бы всѣ узнали въ чемъ дѣло, я не знаю что было бы съ этимъ молодымъ человѣкомъ.

— У васъ былъ всего одинъ такой случай?

— Да, одинъ. Но право и того довольно! Мы стараемся принимать всевозможныя мѣры чтобы предотвращать выходки опаснаго періода. Моціонъ, частыя прогулки, ѣзда, гимнастика — все это пускается въ ходъ противъ природы. По крайней мѣрѣ до полнаго развитія это самое лучшее средство.

— А потомъ?

— Потомъ учащіеся уже чаще все кончаютъ курсы. Если же иные еще остаются...

— Тогда?

— Мы обсуждали этотъ вопросъ на конференціи наставниковъ и родителей. У насъ, надобно вамъ замѣтить, бываютъ открытыя конференціи по воскресеньямъ, вечеромъ, когда молодежь танцуетъ; и на эти конференціи допускаются также и учащіеся, такъ какъ тайнъ обыкновенно нѣтъ, да и не можетъ быть кромѣ экстренныхъ случаевъ, отъ дѣтей, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нихъ же. Но тутъ мы составили тайный конклавъ изъ наставниковъ и родителей, и рѣшили, въ случаѣ если при полномъ развитіи молодыхъ людей природа будетъ настаивать на своихъ правахъ, не препятствовать молодымъ особамъ вступать въ бракъ еще на скамьѣ заведенія. Какъ до 16 лѣтняго возврата дѣвицъ и 18 лѣтняго мужчинъ надобно принимать всѣ мѣры, чтобы заставить молчать пробуждающіеся инстикты, такъ послѣ природа уже беретъ свое и ничего съ нею не сдѣлать. Иначе сентиментальность и меланхолія превратятся въ чахотку, сумашествіе, горячку и т. д.; примѣровъ на глазахъ много. И такъ мы положили не мѣшать молодымъ особамъ вступать въ законные узы и первый опытъ въ этомъ родѣ были Чижовы.

— Эти самые?

Я показалъ на двери.

— Да, эти самые! Никто не зналъ, что Чижовъ былъ неравнодушенъ къ своей теперешней женѣ, хотя она училась у насъ же, такъ же какъ и онъ. Все открылось когда она пришла разъ въ слезахъ къ моей женѣ и сказала, что хочетъ покинуть заведеніе. Та въ распросы: какъ и отчего, и конечно наконецъ вывѣдала тайну. Оказалось, что дѣвушка, уже начавшая совсѣмъ хирѣть, любила Чижова. Какъ скоро обнаружилось, что и онъ ее любитъ—съ Богомъ! Мы ихъ повѣнчали. И живутъ они славно, тихо, мирно, дружно. Она даетъ уроки русскаго языка; онъ ариѳметики и сверхъ того посѣщаетъ какъ вольнослушатель университетъ. Это два голубка. Спокойная жизнь захватила у нея чахотку въ самомъ началѣ и она теперь почти совсѣмъ здорова. Онъ, хотя милый и дѣльный молодой человѣкъ, если бы не женился, вѣроятно началъ бы сентиментальничать, писать стихи, ничего не дѣлать, и въ концѣ концовъ извѣтренничился бы въ нѣсколько лѣтъ и сталъ бы недостоинъ ни своей теперешней жены и никакой поря-

дочной дѣвушки. А теперь онъ занятъ дѣломъ, живетъ хорошимъ гражданиномъ, не вкусивъ прежде житейскаго разврата не имѣетъ повода вкусить его теперь, и можетъ быть увѣренъ, что жена его будетъ счастлива. Да многое можно привести въ пользу раннихъ браковъ!

Когда Иванъ Петровичъ доканчивалъ эти слова, по коридору мимо него заходила уже толпа юныхъ существъ. Классы очевидно кончились, и сытный кухонный запахъ, откуда-то вдругъ распространившійся всюду, говорилъ о часѣ обѣда. Въ классахъ черные столы, за которыми сидѣли учащіеся, стали сдвигаться и накрываться скатертями.

Я сталъ прощаться съ Иваномъ Петровичемъ.

— Останьтесь у насъ обѣдать, приглашалъ онъ,—вы убѣдитесь по крайней мѣрѣ, что мы считаемъ пищу въ числѣ существенныхъ элементовъ физическаго воспитанія. Но мнѣ невозможно было воспользоваться этимъ любезнымъ предложеніемъ, да и вообще мнѣ, казалось, было оказано слишкомъ достаточно вниманія только за то, что я заинтересовался устройствомъ заведенія.

— Ну, нечего дѣлать. А будете вы у насъ опять?

— Едва ли. Мнѣ нужно ѣхать изъ Москвы и я искренно жалѣю, что не ознакомился съ вашимъ заведеніемъ прежде. А уполномочиваете вы меня описать его, все безъ утайки?

— Описать... Иванъ Петровичъ какъ будто колебался.

— Впрочемъ описывайте, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья, мы свѣта не боимся. Но описывайте, ничего не скрывая.

— Конечно, только если больше свѣта, описаніе можетъ выйдти очень рельефно.

— Ничего. Только было бы вѣрно.

— Ну, а не вызоветъ оно вамъ... никакихъ...

— Вы хотите сказать: непріятностей? И, помилуйте! Мы ведемъ свое дѣло открыто. И такъ кричали, что у насъ коммуна, и соціализмъ, и Богъ знаетъ что такое. Хорошо! Пріѣхало къ намъ одно именитое лицо осмотрѣть заведеніе. Я ему все показалъ, разсказалъ. Сидѣло оно у насъ въ классахъ, было за обѣдомъ, послѣ на вечерней бесѣдѣ, даже ночевало у насъ. Да! такъ—таки ночевалъ и даже тамъ, въ той комнатѣ у меня, въ кабинетѣ гео-

графіи, гдѣ спятъ нѣсколько мальчиковъ. На другой день это лицо прощается со мною и говоритъ: комунизмъ и соціализмъ преслѣдуются, потому что подъ ними разумѣютъ больше искуство подъ благовидными предлогами залѣзть въ карманъ къ ближнему. Но если бы тотъ и другой основаны были на семейномъ, родственномъ началѣ—они были бы благословеніе неба. Сказавъ это лицо уѣхало весьма довольное тѣмъ что видѣло.

— Значитъ опасности не можетъ быть?

— Нисколько.

— Я вышелъ на улицу. Дождь по прежнему шепталъ свою осеннюю проповѣдь о необходимости сидѣть дома. Я торопился домой записать, чтобы не забыть нѣкоторыхъ подробностей видѣннаго. И вотъ! думалъ я, какое заведеніе существуетъ всего минутахъ въ десяти ходьбы отъ Никитскаго бульвара, а я ничего не зналъ объ этомъ!

Чрезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Петербургъ.